

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра международной журналистики

ВРЕМЯ, ОТЧЕКАНЕННОЕ В СЛОВЕ

Публицистика Кыргызстана

**Хрестоматия для школьников
и студентов**

Часть II

Бишкек 2009

Рецензия

и.о. зав. каф. истории и теории литературы ИРСУ
доц. *Б.Т. Койчусов*,

директор УВКНИГ №12 / С. Бровка

Художник *Е. Воронина*

Печатается по решению кафедры
международной журналистики КРСУ

В 81 ВРЕМЯ, ОТЧЕКАНЕННОЕ В СЛОВЕ: Публицистика Кыргызстана. Хрестоматия для школьников и студентов: В 2 ч. Ч. 2 / Сост. и автор прим. А.С. Кацев, И.А. Шалёва; Предл. общая ред. – Бишкек, 2009. – 131 с.

В книгу вошла публицистика разных народов Кыргызстана от устной словесности до современной литературы. Воедино она создает многогранный портрет страны **в исторической перспективе**. Знакомство с художественной документалистикой, несомненно, поможет целостному восприятию кыргызской культуры.

Шукурбек БЕЙШЕНАЛИЕВ

Неопцимое духовное богатство

Первое соприкосновение с русским народом, как это ни покажется парадоксальным, произошло у меня в самый момент моего рождения! Когда я родился (1928 г.), в доме моих родителей оказалась семья русских людей – единственная русская семья, проживавшая в то время в нашем кыштаке Куртка (Ак-Галинского района, на Тянь-Шане). То были плотник Гриша и его жена. Вот она-то первая прикоснулась к моему телу, оказав первую необходимую помощь новорожденному...

Ну, а если говорить всерьез, то первые памятные мне встречи с русскими людьми, с их языком и бытом произошли уже в дни самого раннего моего детства – с тех пор, как я стал ходить и понимать то, о чем вокруг меня говорили.

Дело в том, что русские были частыми гостями у наших ближайших родственников, которые всегда жили рядом (зимой наши дома были рядом, а летом рядом стояли наши юрты на джайлоо – выезжали мы вместе, одним анлоом). Сдружил нас больше всего с русскими людьми брат дедла Джаркымбай. Для нас, малышей, он, разумеется, тоже был любимым дедом. К нему и зимой, и летом приезжали его старые друзья русские, с детьми и внуками. Вместе с нами проводили они вечеринки, с песнями и танцами под гармошку. В горах совместно заготавливали лес. Фотографировались. Особенно нам, детям, интересно было слушать тогда еще малопонятный и потому таинственный говор, песни, музыку; интересно было и общаться на новом языке с представителями уважаемого нашим дедом народа.

Наш дед Джаркымбай еще залогом до Великого Октября, в молодые годы, батрачил у русских купцов в Чуйской долине. Тогда он перенял у русских одежду, многие привычки, знания и навыки. Вернувшись в родной кыштак, дед построил там первый современный дом вместо юрты, соорудил баню, стал сажать картошку. В народе стали звать его Чокундук, что значит Крещеный. На самом же деле Джаркымбай был атеистом.

С живым русским языком и с богатой художественной литературой России с большим увлечением знакомила нас уже в начальных классах молодая учительница Усенко.

К тому времени, когда я пошел в школу, т.е. к середине 30-х годов, наши буквари и учебные хрестоматии для чтения содержали уже не только шедевры национального народного эпоса и лирики, а также произведения киргизской советской литературы, но и переведенные на родной язык учеников лучшие произведения русских и зарубежных писателей.

С образцами русской классической литературы я впервые понастоящему ознакомился уже примерно в третьем классе – в отличном переводе киргизских писателей. Такие произведения А.С. Пушкина, как «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и работнике его Балде», а также сказку «Премудрый пескар» М.Е. Салтыкова-Щедрина я и мои товарищи буквально знали наизусть наряду с киргизскими дастанами.

Волшебную силу слова, раскрывающую нам красоту природы и величие сильных духом людей, я ощутил еще мальчуганом, слушая народных сказителей, манасчи и ырчи. Позднее, учась в школе, я почувствовал эту силу как еще более действенный феномен, прочитав «Халжи-Мурата» великого Толстого. Я не придавал тогда значения слову «перевод», которое стояло на титульном листе, – мне казалось, будто Толстой написал эту повесть по-киргизски.

Мое любимое занятие со студенческих лет – чтение художественной литературы (мировой, русской классической и советской) и собственное литературное творчество, ставшее впоследствии моим жизненным призванием. Для меня, можно сказать, сыграли магическую роль в интензивном овладении великим русским языком.

Благодаря упорному, систематическому, целеустремленному освоению русского языка (каждый день и всю жизнь!) шедевры человеческого разума с древних времен и доньше – образцы художественно-эстетической, общественно-политической, научно-теоретической мысли – беспрепятственно служат мне и обогащают мою духовную жизнь.

Роль великого русского языка и великой русской литературы не только в нашей стране, но и во всем мире объективно и заслуженно признана. На современном этапе исторического развития русский язык стал животворным мостом межнационального и международного общения.

Ни для кого не секрет, что благодаря русскому языку и через русский язык, через посредство высокохудожественных переводов, произведения писателей всех народов СССР получают широкое распростра-

нение на всесоюзной и мировой арене. В числе этих произведений – и мои книжки для детей.

В моей сегодняшней повседневной жизни, в жизни советского писателя, который все произведения создает на родном киргизском языке, русский язык занимает особое место. У меня немало друзей, товарищей по профессии и по общественной работе – у нас в стране, во всех республиках и за рубежом. И во время встреч, поездок, путешествий, и в широкой интенсивной переписке добрым оружием, облегчающим наше взаимное общение, служит русский язык. А на всесоюзных и международных форумах – как в официальных выступлениях, так и в ходе личных контактов – мы выражаем свои мысли и чувства, как правило, только по-русски.

В современном мире русский язык входит в жизнь людей всей планеты в той высокой функции, в какой он уже давно вошел в мою жизнь и в жизнь моего поколения как носитель неопенимого духовного богатства общечеловеческой культуры.

Нести нагрузку своего времени

В. Александров – Как Вы понимаете свою главную задачу как писателя для детей?

Ш. Байшиналиев – Детей нужно готовить к борьбе за своё будущее. Если маленькому человеку привита уверенность в себе, здоровое честолюбие, он сумеет преодолеть самое трудное в начале жизни – первые неудачи, поражения, обиды. Он найдет силы постоять за себя. В «Белом верблюжонке», «Чинаре», «Аманате» я хотел открыть маленьким героям не знакомый им мир, впитывающий и сложность, и красоту жизни.

В.А. – Не стоит ли за этой позицией желание создать образ абсолютно сильного человека?

Ш.Б. – Абсолютно сильными люди бывают только в эпосе: они рождаются великанами, выполняя социальный заказ народа – нужен герой, защитник. В письменной же литературе, как и в других искусствах, иные формы правдоподобия. Здесь сильный герой – это любой творец. Человек рождается с разным уровнем одаренности, с разной физической развитостью. И у слабых физически и даже духовно людей бывают замечательные человеческие качества, духовные взлёты. Когда я пишу для детей, всегда хочу доказать, почему кто-то стал или не стал человеком с характером. Абсолютно сильным типам, как и абсолютно слабым, в

В.А. — Увлеченность целью не мешает разумной оценке событий?

Ш.Б. — Иногда серьезно мешает. Я всю жизнь считая своим ку-миром Тоголока Молло. Он — одна из ярких звезд в тюркоязычной литературе Средней Азии второй половины XIX века. Да ещё мой земляк! Я видел его в детстве. Словом, не могу не идеализировать этого человека, факелом горевшего среди общей тьмы. Много писал о нём — статьи, пьесу. Но думал только о романе. Биография у него — сама по себе ро-ман. И вот при таком выигрышном материале, считая себя сверхподго-товленным, пятый год работаю над романом «Стальное перо» и на каж-дом шагу натякаюсь на трудности. Понимаю, что исторический фон ещё изучать и изучать! Он несет в себе все противоречия и весь возмож-ный процесс времени. Осваивая его, я постепенно начинаю ощущать в себе возможность подняться до художественного обобщения. Конкрет-ность биографических фактов мешает осознанию исторической эпохи, затрудняет восоздание художественной картины времени, а значит, и характера персонажа, как яркого представителя своего времени.

В.А. — Как Вы реализуете замысел нового произведения? Какова последовательность этой работы?

Ш.Б. — Дело в том, что у каждого писателя всё это происходит по-разному. Некоторые предварительно составляют конспект, даже план по главам. Я так не умею. Я вынашиваю замысел, пока он не прератит-ся в законченное произведение. Тогда сажусь и записываю его целиком. Так, по крайней мере, обстоит дело с повестью. С романом сложнее — здесь больше героев, обстоит дело с повестью. С романом сложнее — лось бы, все уже созрело, прояснилось, и начинаешь сочиненное в голо-ве переводить на бумагу, вдруг оказывается, что материал начинает со-противляться, значит, не все еще продумано или воображение завело куда-то не туда.

Некоторые пишут каждый день. Я могу писать только при опре-деленных условиях. Люблю писать, когда прохладно, — ранней весной, осенью, зимой. Например, «Я ручаюсь» написано зимой. Когда я на-блюжаю природу в суровое для нее время, многое как-то само собой свя-зывают со стойкостью человека. Мне, южанину, это, наверное, особенно бросается в глаза, влияет на писательское самочувствие. Вон за окном огромная ель под ветром. Ну, чем не герой повести «Я ручаюсь» в тот момент, когда ему надо принять нешуточное решение? От первого же удара не только дерево — человек может рухнуть — слать свой позиции. Не должен человек зависеть от «погоды». Эта ель за окном — сильная, она своей стойкостью сама «погоду» делает!

жизни и литературе делать нечего. Первым не с кем бороться, вторым — бесполезно. А жизнь — все-таки борьба.

В.А. — Из чего складывается сюжет Ваших произведений?

Ш.Б. — Главное — постоянно держать в поле зрения проблему. Проблема в моём понимании — это судьба главного героя, его место в обществе, то есть его отношения с другими людьми. А техника реализа-ции всего этого и есть сюжет, который всегда выглядит как борьба од-ного или многих за себя или за другого. Очень важен при этом исто-ризм, правда времени.

В.А. — Арабская поговорка утверждает, что люди большие похо-дят на своё время, чем на своих отцов. Насколько это справедливо по отношению к литературе?

Ш.Б. — Люди всегда в той или иной степени дети своего времени. На-отцов же своих они похожи не всегда. Все это в той или иной мере относит-ся и к художественной литературе. Но, конечно, бывает, что персонаж (как и человек в жизни) не успевает за временем или обгоняет его.

Первое собственно относится к ребёнку, так как на него влияет, прежде всего, семья, и порой это влияние бывает гораздо сильнее влия-ния социальной среды. Это явление находит, конечно, тоже отражение в художественной литературе. Так, в моей повести «Испытание славой» её герой Ракмат, став вполне заслуженно героем дня, ещё далеко не был героем своего времени. Поэтому отец, гордясь подвигом сына, все-таки говорит Ракмату, что тот должен помнить, что он не только сын Сарбая, но и сын своего народа, который уже шагнул далеко вперед.

В.А. — Правда — всегда конкретна. Но правда — ещё не литерату-ра. Всякая ли правда жизни может стать произведением искусства? Как Вы добиваетесь того, чтобы правда жизни стала художественной правдой?

Ш.Б. — Правда, действительно, бывает разной — субъективной и объективной. В произведении, как и в жизни, каждый имеет право от-стаивать свою даже маленькую, субъективную правду, иначе не добь-ёшься достоверности. Иногда маленькая правда может и победить — так сказать драматическая сила обстоятельства. Но художник, в отличие от его героев, должен видеть большую правду — правду объективную, ис-торическую.

В.А. — Как Вы работаете над созданием характеров Ваших героев?

Ш.Б. — Писатель должен отвечать за поведение своих героев, за то, чтобы их поступки были мотивированы психологически. Но в про-цессе работы бывает и такое, что герой перестает вдруг тебе подчинять-ся — это всегда означает, что ты погрешил где-то против психологиче-ской правды задуманного характера.

Пейзаж не нейтрален к происходящему, не декорация! Скажем, Рамаат и Алапай («Сын Сарбая») — они же как на разных склонах горы стоят. У одного душа радуется, и ему все кажется светящимся и красивым, а другому не до радости, и он видит все не так. Но идет диалог, и надо сделать, чтобы состояние одного отражало состояние другого, а не контрастировало. Лучше всего доверить это пейзажу: вмешаться в отношения людей, не противореча их самоочувствию.

Часто, чтобы задержать внимание читателя на тех обстоятельствах, в которые герой попал, которые на него свалились, требуется при- тормозить время. Тогда я окружающую среду превращаю в стихию или во что-то поначалу загадочное, как, скажем, сильнейший и неожиданный градопад в повести «Испытание славой». Такой прием призван как бы привести героя в чувство. Важно, чтобы пейзаж не существовал в произведении сам по себе.

В.А. — *Что играет главную роль в возникновении замысла произведения: непосредственная реакция на увиденное (услышанное) или результаты размышлений, осмысливания накопленных знаний? Как это связано с писательской техникой?*

Ш.Б. — Сейчас, в пятьдесят лет, это уже вряд ли стоит четко разделять. Но побуждение к работе над каким-то произведением с одинаковым успехом может возникнуть и как быстрая реакция на увиденное, и как медленная или внезапная реакция на долгие размышления. Каждый писатель вырабатывает свою технику сочинительства. Например, есть писатели, которым, чтобы ввести в повествование героя, необходимо сразу описать его внешность: лицо, одежду, как улыбается, как здоровается. Природа этой привычки, на мой взгляд, начинается в эпосе, где вводят героя так: внешность, одежда, оружие, конь, друзья. А совершать подвиги он начинает потом. Я ввожу героя только через движение: вот или куда-то еще, словом, на чем-то сосредоточился. И тут я показываю, что происходит с его внешностью, с его видом: может быть, брови его насупились, как-то заиграли морщины, характерно развернулись плечи, что-то важное изменилось в одежде. Все это должно совпасть с психологией момента. Так, по-моему, лучше всего раскрывается работа мысли героя, а она всегда преобразует его.

В.А. — *У Энгельса есть высказывание о том, что чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства. Как Вы относитесь к этой мысли?*

Ш.Б. — Когда взгляды автора скрыты поглубже, читатель вынужден думать побольше, он втягивается в «думание».

В.А. — *А как практически Вы «скрываете» свои взгляды в произведениях?*

Ш.Б. — Это самое трудное. Я пытаюсь построить сюжет таким образом, чтобы дорогая мне истина, ради выяснения которой и писалось произведение, становилась бы ясной всякому, кто вдумчиво следит за поведением героев за их отношениями, а не за авторскими отступлениями.

В.А. — *Относится ли все сказанное здесь Вами и к произведениям для малышей?*

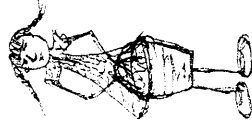
Ш.Б. — В литературе для малышей и младших школьников «загадки замысла» также обязательны, но их не может быть много. Маленький читатель должен углубляться в произведение ровно настолько, чтобы самостоятельно выбрать «наружу». Прочитав книгу, малыш не должен спрашивать: «Что же писатель хотел сказать?» и «Кто прав?» Хорошо, если он захочет по- рассуждать на тему: «С кем бы я подружился?»

В.А. — *Какую роль в Вашем творчестве играет случай?*

Ш.Б. — Два сравнительно недавних примера — небольшие повести «Маленькая всадница» и «Бодливый без рожек». Я давно думал написать о какой-нибудь бесстрашной девчонке-сорванце. Видел таких детей, видел, как лихо они ездят на лошадях. Да и по телевидению по несколько раз в год показывают таких малышей-гимнасток, пловчих, фигуристок. Но почему-то они не будят фантазию. И вот в Монголии я однажды увидел страшную на первый взгляд картину — конные скачки на 30–40 километров, в которых главные участники — мальчишки и девчонки от шести до десяти лет! Как они держались на лошадях, как неслась эта устрашающе прекрасная лавина скачки с детьми в седлах! Как дрожала земля и летели из-под копыт искры! Как вели себя родители! И я понял, каких именно впечатлений мне не хватало. Вернувшись во Фрунзе, единым духом написал «Маленькую всадницу». Повесть вышла и в Монголии.

В.А. — *Всё-таки получается, что случай помогает подготовленному уму?*

Ш.Б. — В данном случае получается. Но, скажем, повесть «Бодливый без рожек» — чистый случай. Издательство «Прогресс» выпустило на многих языках «Рогатого ягненка». В апреле 1974 года переслали мне из этого издательства письмо: «Дорогой господин Бейшеналиев! Мне очень понравилась книжка «Рогатый ягненок». Особенно ягненок, погнавший свои рожки... А не смогли бы Вы еще написать о нем? Я маленькая, писать не умею. Попросила папу и маму. Они записали мои

слова. Получилось письмо. Родители прочитали мне его, я их похвалила. Виктория Смит. Четыре года. Саут-Кройдлен. Англия».

Я растерялся. И... стал думать о серьезном предложении Виктории! Спустя десять лет снова писать про маму Азиза и его бодливую задирку-ягненка? Я люблю путешествовать по высокогорным урочищам. Однажды спросил у мудрых чабанов: «Могут ли сломанные молодые рожки снова отрасли?» Чабаны сказали: «Всякое бывает. Иногда вырастают». Конечно, дело не в этом. Дело в том, чтобы герои новой повести были живыми, умели радоваться, но и горя не испугались бы. Чтобы их жизнь волновала малышей. Ответил я Виктории через четыре месяца. Написал, что попытаюсь придумать еще одну историю про того же ягненка и, если Виктория не возражает, — посвящу книгу ей. Виктория возражать не стала. Повесть я вскоре закончил. Как и обещал, посвятил ее Виктории Смит.

В.А. — *Как долго работаете над одним произведением? И возвращаетесь ли к уже написанному?*

Ш.Б. — «Стальное перо» пишу пять лет. К «Кычану» возвращался четыре раза — перерабатывал. «Аманата» дважды. С «Аманатом» было любопытно. Мне показалось, что я закончил книгу в 1960 году. Аманат там как бы соединил всех основных героев, втянутых в конфликт. Но пошла письма, телефонные звонки. Одна молодая женщина даже утверждала: «Алтынай (мать Аманата) — это я». Она рассказала, как складывалась ее жизнь дальше. Постепенно мне стало казаться, что я и в самом деле не все досказал. Пришлось через десять лет написать вторую часть.

В.А. — *Как Вы оцениваете ваши творческие возможности?*

Ш.Б. — У меня много созревших тем. С годами некоторые, ответственно за свой труд повышается. Поэтому некоторые проблемы, мне кажется, я смогу художественно осилить теперь.

В.А. — *Как Вы представляете себе сочетание национально и интернационального в творчестве?*

Ш.Б. — Стремление создать, во что бы то ни стало, интернациональное произведение часто уводит за пределы своих возможностей и порой кончается грустно. Я всегда хочу лишь одного — показать сына народа. Чтобы было ясно, где живет, как живет, чему удивляется, с чем и за что борется, какова его психика. Представление о моей Киргизии, о времени, в котором живет герой, может прескрасно сложиться именно через такого представителя народа, носителя чисто национальных черт и

качеств. Определенная известность некоторых моих книг за пределами Киргизии и даже страны убеждает, что герои их становятся в какой-то мере интернациональными. И близки они читателям — не киргизам — именно своей национальной индивидуальностью. Только она и выражает что-то общечеловеческое.

В.А. — *Считаете ли Вы, что вносите какой-то вклад в науку о поведении?*

Ш.Б. — Я бы хотел так считать. Но когда пишу, напрямую над этим не задумываюсь. Основное — вести свою проблематику. А вклад в «науку о поведении» будет зависеть от того, какого героя я вырашу, какую нагрузку времени, нагрузку опыта он будет способен взвалить на свои плечи. Ведь не каждый ходящий за отарами становится чабаном...

Беседа вел В. Александров

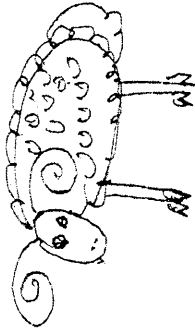
Леонид ДЯДЮЧЕНКО

Свидание с Хан-Тенгри

Всю ночь что-то вздыхает, трескается, словно хижина вот-вот перевернется вместе со всеми своими обитателями. Она и в самом деле слишком уж скособочилась на образовавшемся в ее тени ледовом бугре, и ребятам, пришедшим сюда на пару часов раньше нас, пришлось основательно повозиться, прежде чем удалось хоть немного выправить завалившийся угол. Каменные «грибы» на Иныльчеке не редкость; «избушка на ледовой ножке» не встречалась пока что даже в сказках.

В темноте, слишком поздно выйдя с базового лагеря на леднике Диком, мы чуть было не проскочили мимо — так неприметен среди моренных глыб этот кое-как сколоченный приют гляциологов и снегомерщиков на их многотрудном пути к верховьям второго по величине глетчера страны — пятидесятикилометрового Иныльчека. Сначала шли довольно уверенно, по следу, но повалил снег, враз потемнело, а тут, как это обычно бывает, что-то случилось с фонарем.

Не так уж уютно бродить в пургу по ночному Иныльчеку, тем более, если бывать в этих местах еще ни разу не приходилось. Все ждали, что скоро блеснет огонек гостеприимной хижины, ее спасительное, ярко освещенное окно. Но впереди — ни зги, поскольку, как потом выяснилось, в хижине не было окон. Стали мерзнуть, вытащили пуховки, начали подумывать о палатке и тут, где-то совсем рядом, услышали спокойные, совсем по-домашнему звучащие голоса, чей-то смешок, легкое звя-

канье посуды. Вгляделись – а домик вот он, вот дверь, вот едва приметный султанчик быстро гаснущих искр над жестяной трубой. Приехали!

Какое блаженство прямо из снега, из мрака и холода шагнуть к раскалившейся печурке и, едва скинув рюкзаки, получить из рук товарищей дымящуюся миску с каким-то варварским и невероятно аппетитным варевом! Казалось, разморит, уснем, не добравшись до спальных мешков: вряд ли есть лучшее снотворное, чем приправленная высотой лошадиная доза усталости, тепла и сытного ужина! А сон не идет. Дочинка стоит на высоте четыре тысячи триста. Еще два-три часа ходу – и откроется изрубленный трещинами ледник Семеновского, а над ним – знаменитое Мраморное ребро. Завтра увидим Хан-Тенгри. Вот отчего не спится, отчего ворочается на жестком полу хижинки.

А вдруг не увидим? Что за погода за обтянутой драным рубероидом стеной! А если надолго закрутило, на неделю, а времени всего день? Так что же, быть у самого подножия Хан-Тенгри, а Хан-Тенгри не увидеть? Неужели так и будет?

Наверное, он все-таки существует, пресловутый закон фатального свинства, согласно которому бутерброд падает обязательно маслом вниз, а нужный вам автобус уходит из-под носа в самое последнее мгновение. В какой безукоризненный день выкатили мы неделю назад из Пржевальска, каким чистейшим, без единого облачка, был первый наш вечер в низовьях реки Иньльчек! Даже палатки ставить не хотелось. Зачем? Утром придет вертолет и перебросит нас в Чон-Таш, к языку ледника.

Утром встали – гор не видно, солнце едва угадывается, прошел день, другая, третья, и над долиной по-прежнему висела желтая пылевая мгла, принесенная ветрами центральноазиатских пустынь. Пресеялся дождь, с палаток побежали невиданные прежде коричневые ручьи. Казалось, теперь-то уж разъяснится, сколько можно!

На четвертый день нам начал мерещиться звук вертолета. Бродим вокруг вытопанной в траве взлетной площадки, уходим к реке, вновь и вновь изучаем невысокий безымянный обелиск, обнесенный простой железной оградой. Над обелиском – жестяная звезда. Вспоминаем, что в кните Евгения Абалакова «На высочайших вершинах Советского Союза» есть несколько строк о том, что где-то здесь, в 16–20 километрах от Сарыджаза, похоронен в 1936 году участник экспедиции москвичей на Хан-Тенгри швейцарский коммунист Лоренц Саладин. Он умер уже внизу, в седле, когда группа, совершив восхождение, спускалась по Иньльчеку к Сарыджазу, когда все трудности, в общем-то, остались позади. Обморожение вызвало общее отравление организма, и товарищи оказались бессильными помочь Саладину. Все решало время, а им, что-

бы добраться лошаадьми до обжитых мест, потребовались многие дни. Ведь тогда не было вертолетов. То ли дело сейчас!

Мы ушли на пятый день, оставив у пирамиды экспедиционного груза трех добровольцев-подвижников, до конца сохранивших верность аэрофлоту. И, конечно же, едва мы отошли от Майда-Адыра на один дневной переход, как над нами появился вертолет. Кто-то махал нам в окошечко, через десять-двадцать минут ребята бомбардировали яшиками с консервами выбранную под базовый лагерь площадку ледника Дикого, потом они пролетели над нами второй раз, третий, а мы за это время, кажется, совсем не сдвинулись с места, слов! О, у этой белесой галечниковой поймы нет конца.

Мы увидели базовый лагерь лишь на четвертый день. Но вряд ли кто пожалел о пройденном пути. Аэрофлотские скорости и высоты ищут истинные масштабы пронсящихся внизу пространств, мы же почувствовали их самым доскональным образом. И тот забавный остаток в устье Кан-Джайлоо, что так напомнил всем исполнинскую окаменелую черепаху, и многокаскадный водопад, ступенями выточенных в камне котлов прорезавший сотнеметровый склон, и серебряные от эдельвейсов поляны под пиком Нансена, и экзотические, похожие на диковинные кактусы, заросли белесого от обилия колочек тюекуйрука, и ели, сумрачные и высокие, последние ели на пути в страну льда.

Сидя под елями, мы долго разглядывали в сорокакратную трубу огромный рыжий валун, торчавший за рекой, у подножия перевала Тюз. Это знаменитый Чон-Таш – «Большой камень». Сколько экспедиций разбивало бивуак под его крутым навесом, сколько фамилий осталось на его покрытых пустынным загаром боках! Жаль, что нет лошадей и что мы не сможем, переправившись через протоки, взглянуть поближе на эту иньльчекскую реликвию. Да и вообще не мешало бы оказаться на том берегу! Ведь обычно на ледник выходят именно там!

Нам недолго пришлось размышлять над тем, почему альпинисты предпочитают ходить через Чон-Таш. Река вильнула под пик Нансена, срезала свои террасы, по которым мы так благополучно до сих пор шли. Неожиданно восстал перед нами пыльный, страшный в своей сырости отвес метров эдак на четыреста. Пришлось тащиться вверх, под самые снега, и когда усталость усаживала нас прямо на склон, кто-нибудь да начинал все тот же, наиболее подходящий к ситуации куплет «Айболита-66»:

– Нормальные герои всегда идут в обход! И опять-таки нам не пришлось жалеть об этом обходе. Мы увидели сверху необозримый серый хаос каких-то кратеров, каких-то странных конических сопков, провалов, бугров, казалось, что вся эта масса, вязко заполнившая просто-

рнуо долину, только что пузырилась, текла и вдруг, словно стоп-кадр, застыла.

— Что это, лунная поверхность? — спрашивали потом знакомые, разглядывая неудачную, почти в сумерках сделанную фотографию таковой необычайной местности, какой на земле, безусловно, быть не может. И недоумевали еще больше, узнав, что это всего-навсего языковая часть ледника Иньльчек.

Мы оказались там, обогнув наконец-таки обрыв и потеряв полтора часа на спуск по узкой, сыпучей промоине в крутой сланцевой осыпи. Мы катились по промоине, а нам навстречу поднимался, валил непонятный, необъяснимый рев, грохот, утробное рычание, от которого дрожал воздух.

— Грот! — закричали впереди.

Потом наши голоса пропали. Мы вышли к самому гроту — округлому, бешено вскипавшему жерлу, из которого, пройдя десятки километров по подледным галереям, река выбивалась на поверхность. По черному, грязному льду откосов бежали черные ручьи, летели камни; они бесследно исчезали в свирепо kloкочущей пульсе, которую позволительно назвать магмой, лавой, но уж никак не водой.

Так начался для нас ледник Иньльчек. Миновав грот, мы не без помощи оставленных предшествующими экспедициями маркировочных туров, в изобилии торчавших чуть ли не на каждом бугре, сразу же потерялись в этом сером, безликом месиве, удивившем нас своим неземным видом накануне. Начались утомительные кружения вокруг однообразных моренных холмов, термокарстовых воронок, поиски то и дело исчезающей тропы, засыпанной соскользнувшими сверху камнями или попросту стаявшей. Словом, мы потеряли немало времени, прежде чем оказались в глубокой, относительно ровной ложине, надлежно тянувшейся вдоль краевых морен ледника и склона хребта Иньльчектоо, по которой можно было довольно быстро продвигаться вперед.

А мы снова застряли. И надолго, часа на полтора. И не потому, что возникло какое-то препятствие. Вокруг и под нами был лед, но не ожиданные здесь надувы, целые барханы чистейшего песка были горячи от солнца, и устоять перед соблазном растянуться на них было просто невозможно...

К концу дня лощина вывела нас к Зеленой поляне. Ее называют еще поляной Мерцбахера, поскольку, если пересечь ледник, если прямо напротив этого зеленого пятнышка выйти к слиянию двух иньльчекских ветвей, можно оказаться у самого загадочного из всех киргизских озер — ледникового озера Мерцбахера.

Это озеро-призрак. Можно добратся до его берегов, но озера не застать. Гляциологи сравнивают его с тем весьма и весьма прозаческим бачком, уровень воды в котором регулируется поплавковой системой. Поплавки — ледовые глыбы. Когда озеро наполняется, ледовое крошево отрывается от дна, всплывает, открывая доступ воде в донные галереи. Озеро уходит вниз, а Гидрометслужба фиксирует очередной «прорыв Мерцбахера», регулярно из года в год проносающийся мутным валом по иньльчекским протокам. В такое время лучше не пытаться переходить Иньльчек вброд. Известно только, когда этот прорыв наступает. Чаще всего он происходит в конце лета, и мы надеялись, поскольку август только начался, застать озеро «дома».

От Зеленой поляны до «Мерцбахера» недалеко, километров шесть. Если по воздуху. На леднике же линейные меры длины теряют свой смысл. Приходилось то взбираться на высокие ледовые гряды, засыпанные каменным ломом, то спускаться в столь же глубокие ледовые долины, перебираться через извилистые, текущие в отшлифованных, округлых берегах прозрачные ледовые реки. Они текли то в желтых, то в зеленых полосчатых льдах, над ними вставали рафиналоподобные сахарные головы высоченных сераков. Потом, уже в пределах Зеленого Иньльчека, на четвертом часу нашего перехода от Зеленой поляны, мы вышли на край глубокой и широкой трещины, на дне которой мерно струилась зеленая вода и проплывали льдины. Даже не трещина, скорее всего то был своеобразный ледовый фиорд. Он впадал в небольшой озеро, посреди озера дремало несколько отесная стена «броненосца», как окрестили альпинисты острый мыс начинающегося здесь хребта Генгри-Таг.

За фиордом, за крошевом серого и черного льда, белело невдалеке скопище айсбергов озера Мерцбахера. Здесь в 1903 году известный немецкий географ и альпинист пытался пройти на Северный Иньльчек и далее, к подножию Хан-Тенгри. Можно понять чувства мужественного, сильного человека, два года потраченного озером почти у самой цели. Уже велительно духом» и остановленного озером почти у самой цели. Уже началось продовольствие и роптали носильщики, когда Мерцбахер решил на последнюю, отчаянную попытку — разведку Южного Иньльчека. И был вознагражден! Он увидел Хан-Тенгри. Снизу доверху! Определив высоту гиганта в 7200 метров, географ пришел к категорическому заключению: Хан-Тенгри — высшая точка Тянь-Шаня. Оставались сущие пустяки — взять Хан-Тенгри.

Сегодня «Хан» — один из наиболее популярных объектов высотного альпинизма. Золотой медалью отмечено восхождение группы Бо-

вишей, что пик Двадцатилетия Комсомола и пик Победы — одно и то же. Совет Географического общества СССР наградил Большой золотой медалью имени Семенова-Тян-Шанского группу П. Рапасова. Так была открыта вторая по высоте вершина Советской земли. Так был рассеян миф о Хан-Тенгри.

— Кому Хан-Тенгри? Подъем!

Крик слышу, а понять, где я, не могу. Распахивается дверь, и к нам, в темноту «избушки на ледовой ножке», врывается студеное утро. Проспали. Те, кто ночевал в палатках, уже давно на ногах, давно расматривают Хан-Тенгри, уже отщелкали не один метр пленки, потому что, сколько бы вы ни снимали Хан-Тенгри, вы будете снимать его еще и еще.

Удивительная гора! А ведь человека, попавшего на Иныльчек, трудно удивить чем-то в отдельности, вокруг целый вернисаж грандиозных и неповторимых вершин. С какой пышностью вознесся вверх вычурный купол пика Максима Горького, даже перегруженный весяскими «архитектурными излишествами» в виде воздушных, словно только что взбитых кондитером, фирновых и ледовых подушек! С какой филигранностью выточена лавинами кружевная резьба по фирну на юго-восточной стене пика Чапаева, лавинами, которые, едва солнце прогрело склоны, зашумели то там, то здесь с частотой и аккуратностью пригородных электричек!

Но Хан-Тенгри... Нет, это действительно великая вершина. Никаких украшений и безделушек, классическая простота и строгость линий. Все лишнее, второстепенное стесано, срезано, а два серповидных выема Мраморного ребра стали той неповторимой, живой «изюминкой», что отличает белую пирамиду горы от ее геометрического идеала.

Все-таки это невероятный вздор, всяческие побасенки насчет какого-то закона фатального невезения... Нет такого в природе! Был в нашем распоряжении один-единственный день для свидания с Хан-Тенгри, и весь этот день был великолепен, его невозможно в чем-то упрекнуть. Хан-Тенгри утром. Хан-Тенгри в полдень. Хан-Тенгри с облачком и без облачка. Мы запаслись памятью о Хан-Тенгри на всю жизнь, потому что не так уж часто бывают на Человеческом веку столь ослепительные праздники.

Подумалось о снегомерщиках. Они приходят к Хан-Тенгри весной и осенью, два раза в год, для них это обычнейшее дело, служебная командировка: они должны добраться до установившихся здесь осадкомеров и снять показания приборов... Как они, эти люди, воспринимают «Повелителя духов»? Привыкли? Но ведь привыкнуть — значит не замечать. А вы попробуйте не заметить Хан-Тенгри, когда на четвертый день

риса Романова, поднимающейся на вершину по маршруту высшей категории трудности — Мраморному ребру. Золотые медали всеозначного первенства завоевали также альпинисты группы Кирилла Кузьмина и Валентина Божукова, покорившие Хан-Тенгри с совершенной, казалось бы, недоступной стороны — с севера. Это, безусловно, выдающиеся победы человека над стихией Тянь-Шаня... Но не меркнет с годами и тот, прозванный «классическим», маршрут, по которому 10 сентября 1931 года, подводя черту трехлетней напряженнейшей борьбе, взойшел на Хан-Тенгри со своими товарищами один из виднейших энтузиастов советского альпинизма Михаил Тимофеевич Потребешкий.

Вот как не повезло вершине! Еще пять метров — и Хан-Тенгри был бы семитысячником. Каких-то пять метров, три человеческих роста, просто смешно, как мало не хватило гиганту до почетной семитысячной высоты. Какое-то фатальное невезение!

Переворачиваюсь на другой бок. Не спится, а чего бы не спать? Подумаешь, невидаль, ведь фотографии этой горы чуть ли не в каждом альпинистском ежегоднике есть. Да и что такое Хан-Тенгри? Так, выскок. Просто показать себя умеет. Острая, устремленная ввысь пирамида всегда кажется выше растянутого по горизонтالي кряжа, хотя по сравнению с пиком Победы, например, «Повелитель духов» совсем карлик: на 444 метра ниже!

Что значит имя, устоявшееся мнение! Высочайшая вершина — Хан-Тенгри. И все. «Кругом море облаков, и лишь к югу от нас видна одна вершина, вернее, громадный массив...» — описывал открывшийся с Хан-Тенгри вид Евгений Абалаков. И... ничего. Самозванец остался на троне. О наблюдении альпиниста вспомнили лишь много лет спустя.

Более того, 19 сентября 1938 года альпинист Леонид Гутман взойшел на эту вершину, которую он вместе с Абалаковым наблюдал с Хан-Тенгри. И опять-таки это не привело к необходимой переоценке ценностей. Гутман и его товарищи были уверены, что поднялись на шеститысячник: они назвали его пиком Двадцатилетия Комсомола. «В то время гипноз нераздельно главенствующего Хан-Тенгри был так велик, — писал знаток и один из организаторов советского альпинизма Д. Загуловский, — что, если бы восходили на пик Двадцатилетия Комсомола увидели на своем анероиде высоту большую, чем 7000 метров, они, вероятно, сочли бы его показание неправильными».

А в 1943 году топографы группы П. Рапасова здесь, в верховьях ледника Звездочка, в двадцати километрах к югу от Хан-Тенгри, засекали точку, равную 7439,3 метра. Топографы назвали ее пиком Победы. И опять-таки это открытие было принято лишь после проверки, сопоставления всех материалов по району специальной комиссией, устано-

труднейшего пути по Иныльчеку над головой нависнет искрометное Мраморное ребро, приветствуя вас гулом утренних лавин!

Утром, на контрастном свете, весь затененный и лишь по самому краю едва тронутый теплой краской низко стоящего солнца, он казался каким-то невесомым, чуть ли не прозрачным, странным листком серебряной фольги.

А когда день ушел и небо потухло, когда белые снега стали серыми, а все вокруг погрузилось на дно сумерек, мы долго в полном молчании провозжали в ночь красный треугольный парус – зажженную закатом грань Хан-Тенгри.

Когда снега отгорели и красный парус опять стал всего лишь склоном высокой горы, мы начали спускаться вниз по Иныльчеку. Мы шли и оглядывались, словно что-то забыли, словно что-то должно еще произойти. И оно произошло. Хан-Тенгри излучал свет. Свой, собственный, только и различимый в эти считанные мгновения. Светились желтые мраморы. Светились нежным, медово-теплым сиянием. То было откровением Тянь-Шаня. Мы шли и оглядывались.

Мар БАЙДЖИЕВ

В битве за истину

На последнем съезде писателей Киргизии разгорелись горячие споры вокруг проблем культурного наследия. Как и всегда «притчей во языцех» было творчество дореволюционного акына-писменника Молдо Кылыча и первого киргизского профессионального писателя и ученого Касыма Тыныстанова, павшего от руки сталинских палачей. Когда подвели итоги форума, я предложил включить в резолюцию съезда пункт о создании специальной комиссии с тем, чтобы разобраться, в конце концов, в наследии этих двух ярких художников, о коих вот уже более полувека не смолкают споры. Вопреки агрессивным возражениям одного из старейших литераторов республики, немало сил потраченного на то, чтобы имя профессора Касыма Тыныстанова – истинного основоположника киргизской профессиональной литературы, журналистики, педагогики и лингвистики, было предано забвению. Делегаты съезда под председательством Ч. Айтматова приняли и утвердили мое предложение. Избранный нами секретариат Союза писателей начал работу по сбору библиографических и архивных материалов. Журналы «Ала-Тоо» и «Литкиргизстан», еженедельник «Кыргызстан маданияты» и другие

официальные органы запланировали соответствующие публикации. В Москве начала свою работу специальная комиссия при ЦК КПСС по пересмотру дел жертв сталинского произвола, а по страницам центральных газет начали свой ход сенсационные публикации, раскрывающие истину 20-х, 30-х, 40-х и 50-х годов. Почти каждый день посмертно возвращались к жизни забытые имена, заколоченные в темницах охранки. И вдруг в эти самые дни с самой высокой трибуны Киргизской Республики неоднократно прозвучали слова о том, что «некоторые представители художественной интеллигенции добиваются реабилитации буржуазных националистов: Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова». Тут же зашумели дискуссии, взаимные обвинения и, так же, как в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е годы, иные горячие головы начали сводить счеты со своими оппонентами, выскивать друг у друга националистические тенденции и «вылазки». Создалось такое впечатление, будто по всему Союзу идет активное восстановление истины, а Киргизия сделала шаг назад и оторвалась в пучину прошлого.

А произошло то же самое, что происходило в предыдущие годы: Сталин объявил, что с победой социализма усилится внутриклассовая борьба – тут же начали искать и «находить» «врагов» народа; Жданову показалось, что вся страна кишит националистами и космополитами – нашли и таких. А в 1963 году Н. Хрущев, науськанный завистливыми консерваторами, обрушился с гневом на «отечественных апологетов буржуазной культуры» – абстракционистов, и в республиках тут же взялись за дело. Поскольку в Киргизии живописцы и скульпторы оказались сермяжными реалистами, двух абстракционистов нашли среди поэтов: один сочинил стихи без рифмы, другой – без ритма. А причиной новой акции были алмаатинские события 1986 года.

Декабрьская трагедия стала следствием того, что не была учтена ситуация текущего момента в республике, не была проведена предварительная разъяснительная работа среди широких масс. Но тем не менее «алмаатинские события» с легкой руки официальных информаторов прогремели искаженным эхом по всему Союзу. Лукнулись за рубежом, где неплохо поработали агрессивные англосоветчики.

В высшие инстанции республики двинулись ходоки, прихватив с собой пожелтевшие вырезки из газет 20-х и 30-х годов, в которых разоблачались и признавали свою вину враги народа – «буржуазные националисты». А по существу эти ходоки получили последний (дай бог, чтобы последний) шанс оправдать свои воззрения и поступки тех далеких лет. И, к великому сожалению, новое руководство нашей республики, которое еще не успело вникнуть в суть явлений, изучить его гносеологические корни, говоря проще, разгадать истинные цели добровольных

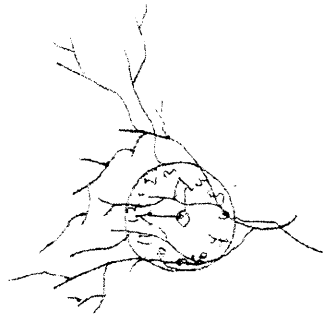
информаторов и толкователей, решило, что перед ними добросовестные и преданные патриоты, озабоченные интересами государства и народа.

Начали выявлять «проявление фактов» и... нашли: в двух пединститутах студенты писали диктанты по русскому языку и получили мешок двоек. Вот как вы относитесь к языку всенародного общения! Все ясно. Арифметическим путем вычислили, что в сельхозинституте, к примеру, число студентов коренной национальности на несколько процентов превышает количество студентов других национальностей вместе взятых. Еще один факт, подтверждающий те же явления! Кстати, в те процентоманные дни в одной из соседних республик выявили, что из ста героев соотрудники более половины являются представителями коренной национальности и сделали вывод, что «рецидивы национализма» проникли и в самые высшие слои государственной власти. Началось интенсивное, массовое, интернациональное воспитание трудящихся. Писавшие товарищи, как и в 37 году, начали выскипать в трудах и выступлениях своих оппонентов соответствующие тенденции. Не обошлось и без тех, кто хотел использовать создавшуюся ситуацию для достижения своей меркантильной мечты. На одном из собраний двое ученых мужей, кидаясь увесистыми цитатами из собственных писаний, обвиняли друг друга в буржуазном национализме. На страницах самых солидных органов появились странные публикации с постановкой странного вопроса: нужно ли коренному населению изучать свой родной язык? Если в детских садах будут группы с русским и киргизским языками обучения, а в одном районе две разноязычные школы, не приведет ли подобное «деление» к изоляции и национальному отчуждению? – серьезно спрашивали другие, словно между группами собирались натянуть колючую проволоку под электрическим напряжением. Один из авторов ставил вопрос ребром: «Как это понять? О каком братстве народов можно говорить, если дети, живущие в одном дворе, по утрам будут уходить в разные школы: один – в киргизскую, другой – в русскую?» Как будто, уходя в разные школы, дети уходят в разные мироздания. (В нашей семье, например, мы с братом окончили разноязычные школы, но почему-то до сих пор остаемся родными братьями.)

Глубокий анализ упомянутых фактов и выявил, что «национальная диспропорция» студентов сельхоз института объяснялась тем, что ведущие факультеты: зоотехнический, ветеринарный, агрономический и экономика сельского хозяйства – готовили в основном специалистов для отдаленных животноводческих районов республик, откуда абитуриенты приезжали с направлениями и гарантированной стипендией от своих колхозов и совхозов. Двойки по диктанту получили студенты русского отделения филфака. Получился тот же казус, что с героями соотруда в

соседней республике, когда выяснили, что подсчитывали кавалеров Золотой звезды в области животноводства, где люди занимались традиционными промыслами своих предков, а люди другой национальности просто-напросто не владеют этим ремеслом. Как видим, многие факты не подтвердились, а если и имели место, то имели другой смысл. Но тем не менее М. Кылыч и К. Тыныстанов вновь были объявлены националистами. Получилось так, что доклад М.С. Горбачева к 70-летию Советского Союза, вроде бы, ни коим образом не касается Киргизии, и репрессированные в тридцатых годах получили заслуженную кару. И вновь пошли холоки в высшие инстанции, правда, теперь уже другие: те, кто хотел добраться до истины. И вот долгожданная комиссия в составе московских и киргизских литераторов под личной опекой нового секретаря по идеологии ЦК КП Киргизии т. Шеримкулова М. получила разрешение на доступ к архивам. И пожелтевшие листы, покрытые пылью десятилетий, молчавшие до сих пор, заговорили, закричали, как люди, которых держали взаперти. Фальсификация, клевета, доносы, предательство, несправедливость, субъективизм, невежество – все это обрушилось с пожелтевших страниц как мутный селевой поток мракобесия. Основным мерилом оценки акынской поэзии, например, было отношение автора к великой трагедии народа – кончине В.И. Ленина. Если акын создал по этому поводу скорбные строки, значит, он демократ – ему прощались любые, даже антимарксистские воззрения; если же он не откликнулся или попросту успел скончаться до революции – значит, он представитель чужого класса, т.к. воспевал феодальный строй. Так было в частности с Молдо Кылычем, творчество которого подвергалось оценке и переоценке неоднократно (первая его поэма была издана отдельной книгой в 1911 г.). В двадцатые годы его объявляют «выразителем буржуазно-националистической идеологии», хотя акын родился и умер в юрте кочевника и, разумеется, слыхом не слыхал, что где-то существует некая социальная формация со своей идеологией. В 1949 году литературовед Т. Саманчин, посвятивший творчеству акына научную диссертацию, после пресловутого доклада Жданова был осужден на десять лет.

В 1958 году, после XX съезда КПСС, творчество М. Кылыча было реабилитировано, но в 1960 году пересмотрено вновь. «Основные произведения М. Кылыча пропитаны

буржуазно-националистической идеологией, т.к. изобилуют религиозными моментами, идеализацией кочевого быта и патриархально-феодалного строя», — отмечается в Постановлении Бюро ЦК КП Киргизии от 5/IV—1960 года.

Если сумбурную оценку произведений М. Кылыча, написанную в двадцатых годах, можно как-то оправдать тем, что республика едва извываясь от сплошной неграмотности, то в 60-х годах акынку кочевнику, «идеализирующего патриархальный быт», вешают яркий буржуазного идеолога. И это люди вполне грамотные: академики и профессор, выпускники высшей партшколы, облаченные властью партийных, советских и научных руководителей, главные редакторы газет и журналов, доктора истории и философии, которые вроде бы должны были знать разницу между «идеализацией патриархального быта» и «буржуазным национализмом». Однако так было записано в «партийном документе», и акын как бы очутился за символической решеткой. Груды М. Кылыча были вновь изъяты из школьных хрестоматий, его имя не пропускать Главлит даже в ругательных статьях.

Касым Тыныстанов, автор первых учебников по киргизскому языку и литературе, поэтических сборников, прозаик, драматург, один из первых киргизских журналистов, первый нарком просвещения, словом, один из истинных основоположников профессиональной литературы и гуманитарной науки, близкий друг гениального русского лингвиста Е.Д. Поливанова, сосланного в те же годы в наши края, был расстрелян в ноябре 1938 года. Брату К. Тыныстанову удалось добыть копию «Обвинения» следующего содержания:

«Член антисоветской национальной организации «Алаш-Орда» с 1921 года, впоследствии влившейся в состав буржуазной националистической повстанческо-террористической и диверсионно-вредительской организации «СТП», готовил он (Тыныстанов) повстанческие кадры и вел подрывную деятельность на идеологическом Фронте, протаскивая их в своих литературных произведениях. Приговор к расстрелу утвержден коллегией Верховного Суда СССР 5 ноября 1938 года, и на другой день приговор приведен в исполнение. Этому заключению предшествуют «признания» полудетского о том, что в 1923 году опубликовал стихи, где упоминается слово «алаш» (единое название казахов и киргизов Семиречья — М.Б.), в 1928 году в учебнике по морфологии приволил по словицу, которая в условиях хлебопоставки могла быть использована как кулацкая вылазка. Заметив это, я в 1931 году сам выступил в печати, осудив это место в книге. По этому поводу также было решение ОК ВКП (б)». Далее подследственный начисто отрицает какое-либо участие в СТП (социал-туракская партия), каковой, может быть, на самом деле

никогда не существовало. Но тем не менее на основании показаний двух «свидетелей», имена которых не буду называть, дабы не будоражить их потомков, суд вынес смертный приговор. Чем больше постигаешь истину, тем сильнее зреет в душе гнев и боль. Возьмем хотя бы обвинения «свидетелей» и следователя в том, что К. Тыныстанов был членом «алаш-орднской партии» с 1921 года. Такая партия действительно существовала в Казахстане, но распалась в 1920 году, после своего орденбургского съезда, т.е. когда К. Тыныстанов еще не достиг совершеннолетия. «Ороондо данын мол болсо, короондо малын мол болот». — «Если в погребке твоем будет вдоволь зерна — во дворе твоём будет много скота» — так звучала житейская пословица, призывающая дехканина, ведущего по существу натуральное хозяйство, к рачительности, которую не доброжелатели преподнесли как контрреволюционную вылазку. В русском тексте слово «ороо» — погреб перевели как «яма», значит, К. Тыныстанов призывал крестьян прятать хлеб в ямы и государству не сдавать, и в 1935 году К. Тыныстанов был исключен из рядов ВКП (б) «как двурушник и буржуазный националист». Это и припомнили «свидетели» в 1937 году. «В 1935 году в чистке партии Тыныстанов был окончательно разоблачен и исключен из партии», — доказывает «свидетель». Много лет спустя после гибели К. Тыныстанова, в трудах академика А. Алгымышбаева и других, имя К. Тыныстанова продолжало оставаться символом буржуазного националиста, ведущего борьбу с влиянием русской культуры, с интернациональной политической партии в вопросах языка и литературы. В частности считалось, что в 1926 году он возражал переходу от арабского алфавита к латинскому. Но вот выдержка из стенограммы выступления К. Тыныстанова на I Всесоюзном торкологическом съезде в г. Баку в 1926 году. Выступая против тех торкологов, что возражали переходу на латынь, К. Тыныстанов одним из первых предлагает:

«Мы в данное время стремимся создать национальную культуру, национальную Красную Армию... Хотим обучать ее на родном языке, а вот эти точки в арабских буквах не годятся... Почему не принять русский алфавит целиком, тем более что мы каждый день соприкасаемся с русской культурой и русскими...» Вот так он «боролся» с «вливанием русской культуры!» И действительно, латынь для тюркоязычных народов не прижила, в 1940 году мы перешли на кириллицу. Оппоненты К. Тыныстанова использовали против ученого все приемы нечестной борьбы вплоть до черной клеветы, даже после его физического уничтожения. Одна из вопиющих инсинуаций этого же ряда, утверждение «свидетелей» о принадлежности К. Тыныстанова к «алаш-орднской партии». Поводом для этого послужило упомянутое в двух стихотворениях и ранней поэме «Жаныл Мырза» слова «алаш».

*Рассвела на востоке заря,
 Проснувшись от глубокого сна,
 Поет песню радостно каждый,
 Освобожденный от черного мрака...
 Клянись заре «Алаш»*, встань,
 Протяни руки к ее лучам!
 Приветствуя зарю, поет соловей,
 Переливая песню по сотни ладам.*

Это дословный перевод самого автора, ниже он дал сноску:

*Алаш – объединенное название казахов и киргизов.
 «Алаш-ордынская партия» происходит от этого слова». Однако с пояснением не посчитались, и это слово оказалось роковым в его судьбе.

Если подобные эксцессы 20-х и 30-х годов можно каким-то образом объяснить общим катаклизмом страны, то, что можно сказать о репрессиях и постановлениях, решавших судьбу творческого наследия Молдо Кылыча и посмертной судьбы К. Тыныстанова, которые принесли уже после XX съезда?!

1958 год. 28 января. Бюро ЦК КП Киргизии постановляет:

1) Решение Фрунзенского ГК КП Киргизии от 4 августа 1937 года об исключении Тыныстанова К. из членов КПСС отменить. Реабилитировать в партийном отношении (посмертно) Тыныстанова К. члена КПСС с 1926 года.

1958 год. 14 мая. Бюро ЦК КП Киргизии постановляет:

1) Поручить институту языка и литературы АН Киргизской ССР глубоко изучить творческое наследие Молдо Кылыча и подготовить к изданию сборник избранных его произведений, представляющих художественную и познавательную ценность.

2) Поручить СП, институту языка и литературы АН Киргизской ССР, исходя из настоящего постановления, опубликовать в журналах «Литературный Киргизстан» и «Ала-Тоо» статьи, правильно оценивающие творчество Молдо Кылыча».

1960 год. 4 января. Бюро ЦК КП Киргизии постановляет:

«Отменить Постановление Бюро ЦК КП Киргизии от 22/1–1958 о восстановлении К. Тыныстанова в рядах КПСС и от 14 мая 1958 «Об итогах обсуждения творчества Молдо Кылыча как неправильные».

Таким образом, через два года К. Тыныстанов третий раз (1935, 1937 гг.) теперь уже посмертно исключается из партии, оценка творчества Молдо Кылыча через два года звучит так: «Решидивы националистических тенденций проявились и в той вредной возне, которую затеяли некоторые научные работники и писатели вокруг поэта Молдо Кы-

лыча. Как известно, в Постановлении XI Пленума ЦК КП Киргизии, принятом в июле 1952 (!) года, отмечалось, что в области литературоведения длительное время восхвалялась идеология реакционного литературного течения. Вопреки этой правильной партийной оценке отдельные работники науки и литературы, в особенности Б.Юнусалиев, К.Юдахин и др., пытаются поднять его на щит», – пишется в Постановлении. Хотя этим работникам науки и литературы двумя годами раньше было поручено подготовить к изданию книги акына и писать о нем статьи, тут же упоминается постановление 1952 года, принятое под соусом ждановского доклада, после которого сектор «Манаса и фольклора» Кирг. ФАНа СССР был закрыт, а сотрудники отправлены в тюрьму. Кстати, в том же Постановлении есть еще одно решение, которое сегодня звучит весьма интересно:

«В республике допущены серьезные политические ошибки в осуществлении национальной политики партии. Бюро ЦК КП Киргизии в 1958 году приняло постановление об обязательном преподавании киргизского языка во всех русских школах республики». В 1960-м – это постановление было засчитано как ошибочное, преподавание киргизского языка в русских школах было отменено, а в киргизских сведено до минимума. Оба постановления (1958 и 1960 гг.) были приняты под председательством первого секретаря ЦК КП Киргизии И. Раззакова.

«За последние годы каких-либо решений о К. Тыныстанове не имеется» – записал 19/1 V–1979 г. научный сотрудник института истории КП Киргизии П. Величко. Однако в руках у меня была стереоскопия Постановления Совета Министров республики о назначении вдове К.Тыныстанова персональной пенсии в связи с его реабилитацией и посмертным (теперь уже в третий раз) восстановлением в рядах КПСС, да-тируемым маем 1964 года.

Не мог же Совмин выдать персональную пенсию вдове посмертно исключенного из партии человека? Пересмотрел архивы комиссии по персональным пенсиям Совмина республики, Министерства соцобеспечения. Векodu была ссылка на этот документ, но самого постановления вроде бы никогда и не было. Пришлось писать запрос в Москву.

Подлинник случайно обнаружился в сейфе парткомиссии ЦК КП Киргизии.

«...Учитывая, что предъявленные Тыныстанову Касыму в 1937 г. политобвинения отпали, и судебные органы полностью реабилитировали, во изменение решения ЦК Компартии Киргизии от 5/1–1960 г. реабилитировать Тыныстанова Касыма в партийном отношении (посмертно)», – таково было решение парткомиссии при ЦК КПСС от 16/V–1964 г., подписанное Н. Шверником.

И этот документ с визами почти всех бывших в то время членов Бюро ЦК КП Киргизии пролежал в сейфе парткомиссии без малого четверть века, и мало кто знал об этом. А те, кто знал, помалкивали. Молчали, думаю, не без умысла, даже тогда, когда с партийной трибуны говорились о том, что «некоторые представители художественной интеллигенции хотят реабилитировать буржуазного националиста Касыма Тыныстанова». Этот документ скрыли от нового руководства республики и дали дезинформирующую справку, а членов комиссии те же люди не хотели пускаться в архив, по каждому документу приходилось обращаться в Секретариат ЦК КП Киргизии.

В одном из выступлений М.С. Горбачев сказал, что у перестройки нет врагов. Не знаю, насколько рискованно возражать Генсеку КПСС, но осмелюсь утверждать, что враги есть и не дремлют. В первую очередь, это те, кто в былые времена жил вольготно; те, кто, прокладывая и глумясь над памятью, добрыми именами павших за истину, нажили себе ученые титулы, звания, ордена с медалями, которые звенят, как тридцать рублей серебром.

В публикациях наших дней нередко звучат оправдательные нотки о том, что клеймившие «врагов народа» искренне верили Сталину и искренне заблуждались. Факты говорят о том, что заблуждался дезинформированный народ очень далекий от «кухни», а вернее от «бойни борьбы за власть». На самом деле «мясники» работали вполне осознанно со знанием клеветнического дела, точной и определенной целью. Если Сталин уничтожал тех, кто мешал его беспардонному диктаторству, то в республиках, воспользовавшись создавшейся ситуацией, избавлялись от тех, кто стоял на пути карьеристов и завистников, мстили кровью и жизнью, с 1925 года вплоть до наших дней. Свидетельством тому судья Ишеналы Арабаева, одного из образованнейших людей своего времени. Получив до революции высшее духовное образование, он учителем в родном аиле, создает первый киргизский букварь на основе арабского алфавита; позже, при Советской власти, издает второй более усовершенствованный вариант своего пособия. В первые годы Октябрьской революции попадает под влияние «алаш-ордынской партии», которая, как и многие революционные организации тех времен, ошибочно считала, что Туркестан должен иметь не только государственную, но партийную автономию. В 1920 году после известных ленинских выступлений и разъяснений о неприменном единстве партии, «алашординская» организация по существу распалась. Порвав с прежними убеждениями, И. Арабаев вступает в ряды ВКП(б), активно включается в строительство новой жизни, занимая при Советах пост председателя по культуре и науке. По поручению Киробкома КП(б) руководит делами искусства и просвеще-

ния, открывает первые школы, выпускает первую газету на родном языке, занимается отбором и изданием богатейшего устно-поэтического творчества, именно ему мы обязаны тем, что лучший вариант «Манаса» успели записать из уст гениального старца Сагымбая Орозбакова, полный текст которого издан только теперь, 60 лет спустя. Однако в 1925 году за участие в письме тридцати советских работников Киргизии в адрес ЦК ВКП(б) И. Арабаев был исключен из рядов партии, а в 1933 году арестован и, не выдержав пыток и истязаний, в возрасте 56 лет во время следствия покончил с собой.

В июне 1925 года тридцать советских работников Киргизской автономной области во главе со своим председателем членом ВЦИК и ЦИКА А. Орозбаковым направили в ЦК РКП (б) письмо, в котором выразили свое недовольство стилем работы и кадровой политикой Киробкома.

«...кроме того в сильнейшей степени дает себя чувствовать мелочная опека и вмешательство руководящей части обкома даже в техническую работу советского аппарата, что полностью обезличивает, парализует и подрывает авторитет перед широкими трудящимися массами, ни в коей мере не соблюдаются разграничения в работе советского и партийного аппарата, т.к. обком занимается всеми вопросами, включая выселение из квартир. Постановление партийных съездов и конференций о строгом разграничении советской и партийной работы ни в коей степени не соблюдается. Беспорядочные и часто случайные распоряжения Обкома РКП по советской линии парализуют плановость в работе, и ни в какой мере не дают возможности вести планомерную работу, диктуемую интересами производства», – писали они 64 года назад, а далее шел ряд конкретных предложений, которые сегодня легко спутать с Резолюциями XIX партконференции КПСС 1988 года.

4) В отношении руководства советской работой необходимо организовать мелочную опеку, давая лишь руководящие указания советским органам.

5) Необходимо поставить советские органы в такие условия работы, что гарантировалось бы максимум продуктивности в таковой. Это может быть достигнуто при деловой планомерности в отсуствия дергания наблюдающихся в настоящее время...

8) Если настоящее руководящее ядро Обкома не сможет учесть местную обстановку и нарушающее постановления съездов, конференций и циркуляры ЦК РКП не будет заменено, то мы требуем отозвания нас от занимаемых должностей, дабы не взять на себя дальнейшей исторической ответственности Киргизии».

Вот таким категоричным, я бы сказал, отчаянным требованием заканчивалось это послание.

Письмо «тридцатки» – так нарекли группу по количеству подписей – на конференции Киробкома получило осуждение, как клеветническая вылазка бай-маналской группировки, направленная на раскол партии.

Судьба тридцати советских работников, подписавших послание в ЦК, завершилась трагически: коммунисты были исключены из партии, сняты с работы и понижены в должностях, а позже в 1933 и 1937 годах почти все нашли свою гибель в тюрьмах и ссылках. По своей честной наивности они стихийно натолкнулись на то, что методично насаждал Сталин.

После XX съезда партии все получили посмертную реабилитацию, но не помню случая, чтобы кто-либо из историков, даже прогрессивных, пытался пролить свет в дело «тридцатки», видимо, при одном слове «группировка» дрожат колени, опускаются руки. Останки борцов за ленинские принципы руководства до сих пор покоятся в разных ямах и руинах с ярылками, пришитыми им в том далеком двадцать пятом!

И.Арабаев в партии не был восстановлен даже посмертно, так как исключен был задолго до ареста и гибели.

Чтобы знать истинные причины столь рьяного сопротивления «невидимых» сил, стоящих на пути возвращения добрых ямен, нужно вернуться к 1984 году, когда отмечалась 60-я годовщина со дня выхода в свет газеты «Эркин-Тоо» (ныне «Советтик Кыргызстан»). В дни юбилея корреспондент газеты Ж.Саатов взял интервью у старейшего литератора Зияша Бектенова – живого свидетеля событий полувековой давности. В публикации имя И.Арабаева упоминалось как одного из организаторов выпуска газеты. И тут же во все инстанции полетели устные и письменные жалобы, обвинения, даже угрозы, так как до сего времени во всех фальсифицированных библиографических справочниках в качестве «основоположников» числились совсем другие лица – те, по навету и клевете которых почти вся редколлегия (Алиев, Арабаев, Карачев, Гыныстанов и др.) была репрессирована и расстреляна. А поскольку имена «врагов народа» нельзя было даже упоминать, то тут же возникли претензии «зачинателя», хотя участие например, одного из активных претендентов – А.Токомбаева заключалось лишь в том, что в первом номере газеты после тщательной доработки отв. секретарем С.Карачевым было опубликовано его студенческое стихотворение. В последующие годы официальные историки успели научно «обосновать» мысль о том, что до революции киргизы жили чуть ли не в пещерах и, лишь после публикации стихотворения А.Токомбаева «Приход Октября», спустились в долину с красным флагом.

После интервью З.Бектенова «на ковер» были вызваны все, кто был причастен к публикации, их обвинили в фальсификации фактов и упоминании И.Арабаева – участника «тридцатки». Редакция вынуждена была обратиться к восьмидесятилетнему профессору Х.Карасаеву, работавшему в те годы с И.Арабаевым рука об руку. Старый ученый, обладающий феноменальной памятью, так возмутился притязаниям новоявленных «основоположников», что тут же сел за стол и, рискуя жизнью, написал исчерпывающую справку в подтверждение слов З.Бектенова. Слова «рискуя жизнью» я пишу не для нагнетания драматизма. В те дни старый профессор серьезно болел, врачи строгойше запретили ему читать и напрягать память – боясь инсульта. И едва он закончил свое свидетельство, подкрепленное ссылками на исчерпывающие документы – инсульт состоялся, и ученый с подключенным стимулятором кровообращения неделю не подавал признаков жизни. Врачи зафиксировали клиническую смерть. Когда медики вывели из состояния небытия, Хусани Карасаевич признался, что временами, когда к нему на миг возвращалось сознание, радовался тому, что успел-таки написать свою справку.

Вот какой ценой порою достается возвращение хотя бы частицы истины! Оно требует порой не только человеческой честности, но и борьбы на грани жизни и смерти. За нее приходится бороться и сегодня в условиях перестройки, так как есть еще люди, которые выдают себя за честных партийцев, радующихся за перестройку, искажают истину, пишут статьи, вводящие неосведомленные массы в заблуждение, сеют смуту в среде представителей разных национальностей, создают конфликтную ситуацию между художественной интеллигенцией и руководством республики. Иначе чем можно объяснить то, что Постановление парткомиссии КПСС 1964 года о повторной реабилитации К.Тыныстанова, пролежавшее в сейфе 24 года, продолжало лежать там же и после XXVII съезда КПСС?!

А сколько людей ждали этого документа!

Известный киргизский лингвист академик В.М.Юнусалиев, по заявлению которого в ЦК КПСС было рассмотрено дело К.Тыныстанова, в ожидании исчерпывающего ответа нажил себе смертельный инфаркт. Не дожидаясь до обедного часа выдающийся ученый, автор киргизско-русского словаря, замечательный русский человек, слышавший в официальных кругах не иначе как «киргизским националистом» за любовь к «Манасу», за высокую оценку данную им творчеству Молдо Кылыча и самоотверженно борющемуся за имя К.Тыныстанова – академик К.К.Юдахин. До сих пор не решен вопрос об увековечении имени Б.Юнусалиева и братьев Петра и Константина Юдахиных, которые для про-

цитировали как исчерпывающий аргумент. Слова «находился под влиянием» они заменили словами: «находился в самой партии», а последующие признания о мотивах вступления в ряды ВКП(б), разумеется, отсекали.

Да, действительно, будучи автором пьесы «Академические вечера» К. Тыныстанов признавался в ее идейной невыдержанности, будучи директором театра, он собственноручно снял ее с репертуара; будучи составителем учебника по морфологии, «признался», что пословица о пшенице и яме была неудачной, так как ее могли истолковать как «кулацкую вылазку», обещал изъять ее при последующем переиздании; в архивах сохранилась стенограмма, где К. Тыныстанов, будучи наркомом просвещения республики, обращается к учителям, чтобы те не допускали увлечения молодежи запрещенной поэзией Сергея Есенина и его (Тыныстанов) «контрреволюционными стихами», от которых он сам отказался и уничтожил лишь по той причине, что в них встречается слово «алаш», употребленное в смысле объединенного названия казахского и киргизского народов.

Но, думаю, всевозможные опасения об осторожности станут напрасными, если к оценке «собственных признаний» ошибки и идейных срывов» подойдем исторически, с учетом политической ситуации тех лет. Газетные странности, протоколы партийных пленумов и конференций, собранные первичных организаций буквально пестрят «самобичеваниями, признаниями «ошибок» и «идейных срывов», а тех, кто не признается, обвиняют в двурушничестве и саботаже. Вот один из подобных документов: «Протокол №153 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) от 29/III 1933 г.

4) Предупредить гг. Тыныстанову и Кокену, националистические ошибки которых уже подвергались осуждению в решении обкома о киргизской литературе, что дальнейшие их ошибки, уклоня от национальной политики партии повлекут за собой немедленное исключение из рядов партии.

5) Предложить гг. Тыныстанову и Кокену выступить с критикой и осуждением своих ошибок».

Попробуй тут не «саморазоблачиться»! А в дальнейшем эти «признания» станут для них главной уликой для вынесения смертного приговора. Таковы были правила игры, навязанные «вождем народов».

Академику К.К. Юдахину удалось в архивах института мировой литературы отыскать письмо К. Тыныстанову, адресованное Максиму Горькому, датированное 8/X 1933 г.

«Дав краткую справку о себе и высылая подстрочный перевод своих «Академических вечеров», К. Тыныстанов писал:

свещения киргизского народа сделали не меньше, чем легендарные Кирилл и Мефодий для Руси. И это лишь по той причине, что они пытались вернуть народу имена Молдо Кылыча и К. Тыныстанова.

Не выдержав напряжения борьбы, «сошел с дистанции» один из своеобразных и темпераментных литературоведов Ш. Уметалиев – он писал о К. Тыныстанове, подготовил докторскую диссертацию по Молдо Кылычу.

Ученик Е.Д. Поливанова, известный фольклорист, переводчик А. Островского, Н. Гоголя, Н. Хикмета, А. Тренева, М. Горького, А. Фадеева, А. Макаренко – З. Бектенов, проработавший на ниве просвещения более полувека, до сих пор не удостоен даже значка за выслугу лет, а его заявление о принятии в члены Союза писателей рассматривалось два-двадцать лет. Библиографии З. Бектенова и его друга соавтора Ташима Байджиева изъяли из Киргизской советской энциклопедии при второй корректиуре. Оба они считались учениками К. Тыныстанову, в 1950 году после знаменитого доклада Жданова «получили» по десять лет. З. Бектенов вышел из тюрьмы после XX съезда КПСС, похоронив там своего друга. Известный киргизский литературовед и писатель Тазабек Саманчин был также репрессирован, позже реабилитирован и восстановлен в партии. В 1969 году он добился издания своих трудов отдельной книгой. Но вскоре весь тираж был пущен под нож – вспомнили, что он некогда защитил диссертацию по Молдо Кылычу, творчество которого было осуждено в одной упряжке с наследием К. Тыныстанову. Автора книги хватил инсульт, который, в конце концов, свел его в могилу. А документ о реабилитации К. Тыныстанову продолжает лежать в сейфе, хотя согласно существующему порядку Постановление Парткомиссии ЦК КПСС должны были тут же рассмотреть на Бюро ЦК КП республики, отменить своё предыдущее постановление.

Обращаясь к научному и творческому наследию К. Тыныстанову, даже такие серьезные исследователи, как С. Жигитов и А. Эркебаев до сих пор проявляют чрезмерную осторожность и бдительность, особенно в той части, где идет речь о его «ошибках» и «идейных срывах». Видимо, их смущают истораживают «чистосердечные признания» самого автора.

Да, действительно, в 1924 году, вступая в ряды ВКП(б) К. Тыныстанов признавался, что в юности «находился под определенным влиянием алаш-орднской партии», но тут же добавлял, что, познав учение Ленина, убедился в его правильности, окончательно порвал со своими прежними и убеждениями и «стал честно проводить линию коммунистической партии». Об этом же он писал в газете. К сожалению, этим выступлением воспользовались его враги – везде и всюду эти признания

«...рассматривается вопрос о моем пребывании в рядах ВКП(б), я уже изгнан из рядов писательской организации. Эти обстоятельства в условиях культурноотсталой Киргизии поставили меня объективно в такие рамки, в которых я морально лишен возможности успешно вести борьбу за пролетарскую культуру, как вел раньше. Скажу честно, большевистски, что я до сего времени не могу уяснить себе то, в чем конкретно выразились в данном произведении мои преступления перед пролетариатом, за которые так крепко осудили меня. А этот момент не дает мне, как молодому художнику, возможности гарантировать дальнейший рост своей творческой работы от политических ошибок».

М. Горький, как мы знаем, в это время был болен и, видимо, по этой причине не успел ответить. Но само письмо свидетельствует о том, что К. Тыныстанов считал себя преданным и сознательным большевиком, был уверен, что никаких идейных срывов и ошибок он не совершал и виновным себя не считал. С этой позиции он не сходил даже под истязаниями и пытками до своего последнего дыхания. (Следователь, по фамилии Песков, позже был «снят с работы и исключен из партии за приемынные приемы в допросах следственно заключенных граждан, запрещенных советским законом».) Угроза, высказанная К. Тыныстановым в 1933, была приведена в исполнение через два года.

«Протокол № 9 заседания комиссии по чистке первичной организации Наркомпроса от 27/XI 1935 г.:

После того, как в 1928 году был разоблачен как буржуазный националист, Тыныстанов не стал участвовать в киргизской литературе, что является одним из методов его двурушничества, сознательное нежелание на деле доказать окончательный отказ и разрыв с буржуазно-националистической идеологией.

Постановили: как двурушника и буржуазного националиста Тыныстанова из рядов ВКП(б) исключить (Ф.10.оп.3. д.187. л.7–10).

7 мая 1935 года выездная тройка средрайбюро в составе Дзюбенко, Брваркина и А. Токомбаева слушает дело № 907 и подтверждает решение комиссии по чистке. Любопытно характеристика, данная К. Тыныстанову этой комиссией, в ней констатируется, что «К. Тыныстанов в Красной Армии не служил, состоял в контрреволюционной алаш-ординской партии, «по происхождению из дехкан-бедняков, отец его раскулачен в 1931 году».

Члены комиссии не посчитались с тем, что в годы гражданской войны К. Тыныстанову было 15–16 лет, а по достижению 18 лет в армию не был призван, так как являлся студентом вуза, тем не менее справка комиссии смонтирована так, что К.Тыныстанов не служил в Красной Армии по причине службы в контрреволюционной алаш-

ординской партии, в которой, кстати, никогда он не состоял, а если бы и состоял, то это вовсе не освобождало его от воинского призыва. Никого не смутило, что согласно этой справке в 1931 году был «раскулачен... дехканин-бедняк» в данном случае отец К. Тыныстанова – облик «врага народа» надо было рисовать во всех деталях. И вся эта обойма клеветы и лжи сработала. Сначала для исключения из рядов партии, потом из рядов живых. Притвор был утвержден Военной коллегией Верховного суда СССР 5 ноября 1938 года и на другой же день приведен в исполнение, здесь обходился без бюрократических проволочек! В списке «некоторых свидетелей», давших показания следователю, фигурирует фамилия члена выездной комиссии по чистке, одного из соавторов вышеуказанной справки.

Сегодня, когда идет коренной пересмотр истории нашего государства, на страницах печати освещаются ее самые темные углы и закоулки, высвечиваются лица жертв произвола и тех, кто творил его, нередко раздаются голоса о том, что все это было обусловлено сложностью времени, цитируют строки из всевозможных постановлений и публикаций тех лет. Но сегодня наш партийный и гражданский долг, пользуясь марксистско-ленинской методологией, взглянуть на прошлое и настоящее глазами жителей новой эпохи, окрашенной гласностью и демократией.

Уверен, что профессиональные историки глубже изучат и дадут исчерпывающую оценку как киргизской «стридадке», открыто выступившей за ленинскую политику, так и казахским «алаш-ординцам» и тогда, может быть, опровергнут мои дилетантские суждения. Но сейчас я думаю, что алаш-ординская партия, объявившая лозунг свободы, равенства, единства киргизского и казахского народов не могла не привлечь на свою сторону революционно настроенную молодежь, которая еще не знала программы партии большевиков (А. Арабаев, К. Тыныстанов, М. Ауэзов и др.). Просуществовав два года (1918–1920 гг.) алаш-ординская партия распалась. Реакционные элементы ее ушли в басмачество и там нашли свою гибель, прогрессивная часть примкнула к М.В. Фрунзе, позже многие вступили в ряды ВКП (б), занялись строительством новой жизни. Но можно ли было всех, кто имел к алаш-ординцам какое-то, пусть даже отдаленное, отношение, расстреливать как буржуазных националистов и шлейф преследований тянуть до наших дней, лишь по той причине, что их лидеры ошибочно полагали, что казах-киргизы должны иметь не только государственную, но и партийную **автономию**. Да разве только в Туркестане бытовала тогда подобная точка зрения? Каких трудов стоило В.И. Ленину отстоять централизованное единство партии большевиков? Порою приходилось воевать даже с ближайшими соратниками.

Тернистый путь истории нашего государства, трагические судьбы замечательных людей еще и еще раз призывают нас к бдительности. К скрупулезному анализу каждого явления, архивнымательному подходу к каждой личности и к каждому народу, к абсолютному откату от проведения массовых компаний без учета конкретных условий жизни и врсчивания крестьян, борьба с «врагами народа», коллективные поиски «буржуазных националистов и космополитов», всесоюзное сеяние кукурузы, всенародные осуждения абстракционистов и прочих «аполотетов буржуазного искусства», мобилизации по выдавлванию неонационалистов и неоповинистов. Массовое решение проблем рождает массовый психоз полигамного стада, где все поклоняются одному вожаку.

Горький урок преподала нам история...

И вот январь 1989 года...

В руках у меня номер «Советской Киргизии» с информмашней о том, что Бюро ЦК КП Киргизии полностью реабилитировало творческое наследие Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова...

Таков героический исход нашей горькой эпопеи. Пройдя все деля оборотов, истина вернулась на круги свои. Вернулась с кровотопащими ранами...

О, как долго она добиралась до места назначения.

Мар БАЙДЖИЕВ

Друг мой верный – русский язык

«Во дни сомнени, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»

Эти слова, сказанные выдающимся сыном Великой Руси Иваном Тургеневым более ста лет назад, я повторяю сегодня, как собственную молитву. Русский язык оказал благотворительное влияние на судьбы моих предков, на мою жизнь и творчество.

Дед мой до Октябрьской революции окончил русско-туземскую школу, работал переводчиком в суде, в бунте 1916 года погиб в Киге. Отец мой, Ташим Байджиев, окончил русфак пединститута, учился у генерального лингвиста Е.Д. Поливанова, у выдающегося кыргызского литератора К. Тыныстанова.

В годы Великой Отечественной войны исык-кульские писатели: Мукай Элебаев, Жусуп Турусбеков, Жума Жамгырчиев, Жекшен Ашубаев, Кусеин Эсенкожоев – погибли на фронте. Живым вернулся один мой отец. В бою под Киевом старший лейтенант Байджиев шёл за своей ротой, как и полагалось командиру. Шквальный огонь уничтожил весь первый эшелон. Отец был ранен, но остался жив. Он не отличался особым здоровьем, да и по росту был, как говорится, левофланговым. До командира роты он не служился, разумеется, благодаря отличному знанию русского языка, что и спасло ему жизнь.

Двуязычным, или, как теперь говорят, билингвом, я был с детства. Выдающийся манасчи Рысмендеев, от которого отец записывал эпос «Манас», научил меня исполнять отрывки из него. В детском саду я читал стихи С. Маршака, К. Чуковского, С. Михалкова, А. Барто. Четвёртый класс окончил в глухом аиле. Вернувшись во Фрунзе, пошёл в русскую школу и вновь начал с четвертого класса, так как в годы войны успел позабыть русский язык. В 1950 году моего отца и его друга-соавтора Зияша Бектенова репрессировали как последователей буржуазных националистов А.Н. Веселовского, Е.Д. Поливанова, К. Тыныстанова. И. Арабаева: в своём учебнике по фольклору они называли С. Орозбакова и С. Каралаева выдающимися манасчи.

В предсмертном письме из Карагандинского лагеря отец завещал, чтобы я никогда не занимался языком и литературой, а поступил на строительный факультет.

В русскоязычной мужской школе № 6 обучалось около тысячи ребят. Здесь учились дети именитых родителей – писателей, секретарей ЦК, руководителей Совмина. И тем не менее каждый год меня избирали главным редактором школьной стенгазеты, а я соглашался, так как не мог представить себя прорабом.

В 1952 году отец умер в Карагае от истощения организма. Я жил надеждой, что он добьётся оправдания и вернется домой. Но он ушёл из жизни с ярлыком «враг народа».

Сын Зияша Бектенова поступил на журфак МГУ, все экзамены сдал на «отлично», но министр просвещения Токтогонов с трудом зачислил его в институт связи: там был недобор.

Я корил себя за то, что не выполнил отцовского завещания и после седьмого класса не ушёл в стройтехникум. Уже бы работал и кормил семью. Но вдруг к десятому классу обнаружилось, что у меня от природы поставленный драматический тенор диапазоном в две с половиной октавы, причём абсолютно европейского тембра.

В те годы интеллектуальная молодёжь увлекалась классикой. На экранах демонстрировали музыкальные фильмы «Молодой Карузо»,

«Большой концерт», «Паяцы», «Кармен», «Евгений Онегин»; в оперном ансамбле шли «Травиата», «Фауст», «Риголетто». Нашими кумирами были Лемешев, Нелеп, Пирогов, Рейзен и, конечно, итальянские певцы: Марио Ланца, Марио Дель Монако, Энрике Карузо, Тито Руффо, Тито Гоби.

На прослушивании в музучилище я спел арию из «Риголетто» в стиле Марио Ланца и киргизскую песню – точно-в-точь как её автор и исполнитель Абдылас Малдыбаев, который был председателем приёмной комиссии и директором музучилища.

— У отца твоего был точно такой же голос, когда мы учились с ним в педтехникуме, — сказал Малдыбаев и поцеловал меня. По щекам его текли слёзы.

В музучилище я поступил на первый курс по вокалу. Параллельно заканчивал десятый класс. Увлёкшись музыкой, быстро освоил ноты, сольфеджио; прочёл историю мировой оперы; выучил теноровые партии «Евгения Онегина», «Пиковой дамы», «Риголетто», «Травиату», «Кармен», «Паяцев», романы Чайковского и Рахманинова, ну и, конечно, популярные итальянские серенады.

Мой педагог Серафима Ивановна Алексеева не чаяла во мне души. На занятия приносила бутерброды, после занятий кормила меня дома, знала, что мы живём впроголодь. В школьных кругах росла моя популярность – теперь уже как артиста. Моё имя переименовали на итальянский манер, и я был уже не Мар, а Марио. Однажды в клубе Советской Армии меня вызывали на бис четыре раза.

— В любом театре ты будешь на вес золота, — говорил мне муж Серафимы Ивановны, Николай Петрович, контрабасист оперного театра. — Тебя ждёт Большой театр и «Ла-Скала». У тебя редчайший голос. Публика будет рыдать и плакать. А девки будут сохнуть идохнуть.

А Малдыбаев, встретив мою маму на улице, сказал:

— Мария, ты не убивайся. Ташим оставил тебе талантливое сына. Я жил и учился вдохновенно. Особенно щекотали моё юношеское самолюбие прогнозы Николая Петровича насчёт сохнувших идохнувших девок и рыдающей публики. Но, самое главное, я вдруг поверил, что могу утвердить себя как личность через искусство и тем самым восстановить поруганную и загубленную честь отца, его фамилию.

В 1954 году, окончив десятый класс и первый курс музучилища, я на ура прошёл в Московскую консерваторию.

В Москве было неуютно. Меня тяготило ощущение, что там, дома, я не только оставил полуголодную семью, но и ушёл от чего-то главного. К тому же с наступлением холодов начал мёрзнуть и голодать, застудил горло. В Москву я приехал в тряпочных белых ботинках на резиновом ходу, в лёгкой одежде, из которой заметно вырос. Вспомнил,

как в Минкультуре мне обещали, что поспредство Киргизии в Москве возьмёт меня на особое попечение, и пошёл просить матушечку. В отделе кадров увидел копию своей автобиографии, где жирным красным карандашом были подчеркнуты графы о социальном происхождении и семейном положении и поставлен знак вопроса.

Невольно вспомнились слова популярной в те годы кубинской песни:

*Где б ты ни плавал,
всюду к тебе, мой милый,
Я прилечу голубкою сизокрылой.*

Моя «сизокрылая голубка» в обличи КГБ нашла меня и здесь. Забегая вперёд, скажу, что в дальнейшем она находила меня, по каким бы волнам жизни я ни плавал, — даже после полной реабилитации отца.

Я купил плащкартный билет, две буханки хлеба, три банки кабачковой икры и через неделю прибыл во Фрунзе. Сразу же побежал в университет: может быть, зацеплюсь хотя бы на очном отделении филфака. Увы, поезд, как говорится, ушёл.

В 1955 году я поступил на филфак КГУ. Параллельно занимался на третьем курсе музучилища, продолжая выступать на концертах. Однако к своим музыкальным успехам я вскоре начал охладевать, отдавая предпочтение новому делу — русскому языку и литературе.

В КГУ приветствовали моё увлечение музыкой, но в музучилище вопрос поставили ребром: или — или. Меня вызывали к министру культуры, в оперный театр, обещали высшую ставку солиста, даже квартиру. Но я был неумолим! Кончилось тем, что я ушёл из музучилища. Особенно тяжело было расставаться с моей любимой Серафимой Ивановной.

— Бог не дал нам детей. Поверили, что на старости лет у нас появился сын, а ты уходишь, — заплакала старушка.

— Сима не спит, узнав о твоём отчислении. — вгорил жене Николай Петрович. — Она мечтала вырастить из тебя большого артиста и гордиться. Может, не уйдёшь, а! Что тебе даст твой филфак? Ну, будешь учителем. Ну, будешь корпеть в читальных залах! А тут и слава, и почёт, и деньги!

Я сбегал с третьего этажа вниз. Опустился на каменную лестницу и расплакался. Какую же глубокую травму я нанёс этим одиноким и добрым людям. А может вернуться?... Я выкурил сигарету, вышел во двор и поднял голову. На балконе два милых лица. Серафима Ивановна плакала. А Николай Петрович хрипловатым голосом прокричал:

Института языка и литературы, он уволил его «за систематические идеологические ошибки», что послужило главным обвинением при вынесении приговора отцу.

Драматическая новелла «Дуэль», написанная на русском языке, была опубликована в журнале «Театр», затем поглавлена в десятках театров Союза и за рубежом, в том числе в трёх театрах Москвы. Однако постановку Т. Оксева на киргизской сцене из репертуара сняли: в реплике персонажа о том, что «правда жизни — это движение материи, а всё остальное мораль и пропаганда», обнаружили выпад против отдела пропаганды ЦК КПСС.

Сборник рассказов и повестей «Чужое счастье» изъяли из продажи: в названии книги усмотрели неприязнь автора к счастливой жизни советских людей.

Друтой бдительный «солдат партии» пронюхал, что мою пьесу «Поезд дальнего следования» печатают в журнале «Театр». По требованию ЦК КП Киргизии 40 тысяч экземпляров союзного журнала пустили под нож. Спектакль, поставленный в русском драмтеатре, запретили играть. Директора театра сняли с работы. Министру культуры, присудившему за неё первый приз закрытого конкурса, объявили выговор.

На всю жизнь запомнилось партсобрание в Союзе писателей 30 июня 1970 года.

Заведующий секцией по драматургии (опять-таки один из однокашников моего отца по педучилищу, автор моих переводов на русский) после короткого вступления о достижениях нашей драматургии перешёл на мою персону.

— С Байджиевым надо поступить так, как говорил Горький: «Если враг не сдаётся, его уничтожают», — заключил докладчик.

Министр культуры огласила сведения Всесоюзного агентства по авторским правам: мои пьесы идут в 98 театрах Советского Союза, в Германии, Болгарии, Чехословакии, Австрии, Румынии...

Тут поднялся наш самый почтенный аксакал и сказал, что он никогда не читал моей прозы, никогда не видел моих пьес, но считает своим долгом высказать по ним своё мнение:

— Пьесы Байджиева ставят наши идейные враги. Значит, в них есть антисоветские идеи. Рассказ одного нашего писателя похвалил Луи Арагон, за что автору дали Ленинскую премию. А этот Арагон оказался нашим врагом. Организовал выступление западных деятелей культуры против политики партии и правительств. (Аксакал имел в виду письмо двухсот деятелей культуры, осудивших ввод советских танков в Чехословакию). А как пьесы Байджиева попадают за границу?

— Через русский перевод, — ответили ему.

— Марик, не забывай нас! Мы всегда будем рады тебе! Я ушёл не оглядываясь. Боялся вернуться назад.

И больше я их не видел. Не хотел напоминать о несбывшейся мечте. А портрет моей милой Серафимы Ивановны храню уже полвека...

В университете я увлёкся теорией языка и литературы, старославянским языком, художественным переводом. Часами просиживал в читальных залах, как и предрекал мне Николай Петрович. Проштудировал «Повесть временных лет», до сих пор помню наизусть фрагменты из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» на языке оригинала.

К великому счастью, на филфаке работали педагоги, преданно любящие свой предмет. Многие из них когда-то учились и работали с моим отцом, на киргизском отделении преподавали его ученики. Мы, русисты, были влюблены в своих педагогов: Е.К. Озмителя, М.А. Рудова, Г.И. Хорольца, А.Е. Супруна, Г.С. Зенкова, Ф.А. Краснова. Я чувствовал себя, как в родной семье, среди старших братьев.

Вскоре состоялся XX съезд КПСС. Из тюрьмы вернулся друг моего отца Зияш Бектенов, в университете появился Хусаин Карасаев. Моего отца и его учителей — Е.Д. Полиянова и Касымалы Тыныстанова — реабилитировали посмертно.

Я учился и работал едва ли не круглые сутки. Содержал двух сестёр, брата и маму на гонорар за музыкальные радиопередачи, но в основном за переводы. С русского на киргизский перевёл Чехова, Гоголя, Фурманова; с киргизского на русский — Токомбаева, Абдумомунова, Маликова. Меня посылали на всесоюзные семинары переводчиков, где я встречался с выдающимися писателями тех лет.

Свои научно-критические работы я писал, как правило, на русском языке, первые рассказы и пьесы — на киргизском. Родной язык кормил и придавал силы. Русский язык пошёл живительной влагой.

И это были самые счастливые годы моей юности, а может быть, и всей жизни.

Потом работал литературным редактором на киностудии, корреспондентом центральных газет. И всё это благодаря русскому языку.

А когда стали обретать популярность мои художественные произведения: повести, рассказы, сценарии, — пришёл и мой черёд испытать на себе, что такое зависть, клевета, несправедливость — злые силы, преследующие свободную творческую личность.

— Как волка ни корми — он всё в лес смотрит. Айтматов и Байджиев хотят отомстить за своих отцов, поэтому отображают негативные стороны нашей жизни.

Так говорил с трибуны парторг Минкультуры — бывший однокашник моего отца по педтехникуму. В 1948 году, будучи директором

– Министерству культуры надо запретить переводить пьесы Байджиева на русский язык, не выплачивать гонорар, – предложил аксакал. – Он сам переводит свои пьесы, в Москве они проходят цензуру и уходят дальше, – ответила министр культуры.

И моим недругам пришлось прикусить языки. А я ликовав: меня спас мой верный, непобедимый русский язык.

Это треклятое собрание длилось до семи часов, а в восемь мне сообщили, что полчаса назад погибла моя девятилетняя дочь. Девочка не дождалась меня в пять часов, подошла к техническому бассейну и упала в воду. Я был убит горем... Телеграммы, звонки шли со всего Союза, но ни одна местная газета не опубликовала соболезнования.

Гибель любимой дочери так потрясла меня, что я не мог подойти к письменному столу. О чём писать? Для кого писать, если перестал верить в добро, в друзей, в людей, в правду! Не радовали меня прилащения на премьеры, хвалебные рецензии в союзной и зарубежной прессе, письма зрителей, благодарность режиссёров, актёров...

Невольно вспоминал трагическую кончину Есенина, Маяковского, Джека Лондона, слова Пушкина:

Поэт! не дорожи любовью народной.

Восторженных похвал пройдёт минутный шум:

Услышавши суд глупца и смех толпы холодной:

Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Наверное, великий поэт писал эти строки в минуты горького отчаяния...

Не знаю, чем бы всё кончилось, если бы «Литературная газета» не пригласила меня своим штатным собором. Думаю, опять-таки по той причине, что я был двуязычным.

В Москве, в Доме журналистов, в театрах, где ставились мои пьесы, в редакциях и издательствах – я везде оказался нужным человеком. Меня звали на работу в Москву – в Союзкино, в Ташкент – главным редактором «Узбекфильма», в Алма-Ату – редактором журнала «Простор»... И я начал побеждать своё горе, обретаю веру в жизнь. Я снова взялся за перо. И начал писать исключительно на русском. И молился на него, повторяя слова Тургенева: *«Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?.. О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»*

Вскоре появились мои книги, изданные в Москве. В театрах играли мои пьесы. В союзных журналах печатали мои переводы. На экранах шли фильмы по моим сценариям, получавшие премии и призы на все-

союзных и всемирных кинофестивалях. По моим пьесам и новеллам защищали дипломы будущие режиссёры театров и кино.

В союзных республиках мои произведения переводились с русского на языки народов СССР. Фильм, снятый на «Узбекфильме» по повести «Чужое счастье», получил первый приз Всесоюзного кинофестиваля за глубокое отображение советской действительности. По настоятельному требованию секретаря Союза писателей СССР А.Д. Салынского журнал «Театр» опубликовал драму «Поезд дальнего следования», после чего её начали играть на многих сценах страны, а позже сняли фильм «Поезд дураков».

На киргизскую сцену мои пьесы возвращались через два-три года, обойдя подмостки театров Союза и зарубежья. Киргизский вариант я делал сам – исключительно по просьбе театральных коллективов. Менял имена героев, вносил психологические нюансы, обогащал языковой колорит диалогов.

Официальные органы СМИ Киргизской ССР о моих литературных делах информации не давали. В официальных докладах Союза писателей Байджиев проходил под псевдонимом «и др.». Я числился в чёрном списке... А я и не переживал. Я был твёрд и спокоен. Я молился своему спасителю и верному другу – моему великому русскому языку.

Тропой человека

Хотелось взять интервью у известного писателя. Классического интервью не вышло. И не потому, что не удалось встретиться. Просто Мар Ташимович Байджиев в разговоре слишком активен. Он не дожидается вопросов, а начинает говорить сам – о том, что считает важным, главным. И от собеседника не вопросов ждёт, а полнокровного обмена мнениями. Не прочь и поспорить.

Начало нашей беседы, конечно, следует искать не там, в небольшом зеленом автомобиле, возле Киргизского академического драмтеатра, куда Байджиев – драматург приехал на релетицию. Начало было в книгах. Книги заставляли переживать, думать.

Новый год уже стоял у порога. Легкий, мягкий туман ласкающе напылял на обеснеженную улицу, время от времени неслышным шагом из тумана в туман переходили уличку редкие прохожие. Автомобиль стоял на одном месте. А мы ехали. Путь наш был не близок.

В. Мельников – Мар Ташимович, недавно в Москве вышла новая и, видимо, лучшая и в каком-то смысле итоговая книга Вашей прозы под названием «Осенние дожди». Наш разговор будет отгалкиваться от этой

книги, но, в сущности, речь пойдет обо всем Вашем творчестве. И, естественно, первый вопрос, который хочется задать: как понимаете Вы значение писателя? Какой мотив явился ведущим в Вашем собственном творчестве, что вело Вас по писательской дороге!

М. Байджиев — Мне кажется, что у настоящего писателя всегда есть ощущение двух нравственных полюсов: добра и зла. Писатель живет между двумя этими полюсами. Или можно сказать иначе. Художник просто обязан ощущать, чувствовать, переживать — боль и любовь. Они постоянно сталкиваются, взаимодействуют и в мире, и в душе художника. А ведь это и есть драма. Без драмы нет личности, следовательно, нет и творчества. Писатель не состоит, если он не обращается к трагедиям века и мира, к драме взлетов и падений человеческой души. Из подлинно драматичных произведений последнего времени в качестве примера могу назвать «Буранный полустанок» Чингиза Айтматова. Сам эпос здесь проникнут трагедией. Живое, человеческое, теплое постоянно сталкивается в романе с мертвым, бездушным, напоминающим глухую стену. Большие изменения, происходящие в нашем обществе в последние время, с особой силой подчеркнули правоту Чингиза Айтматова.

В.М. — Не эти ли принципиально важные для Вас установки определили Вашу тягу к драматургии, и не только к драматургии, но и, я бы сказал, к «драматургической прозе»? Об этом, разумеется, уже писали и говорили неоднократно. В частности, в предисловии к «Осенним дождям» критик Вадим Ковский, который заметил даже следующее: проза Байджиева кинематографична.

М.Б. — Да, я сторонник динамичной, или, если угодно, драматургической прозы. Писатель не должен говорить за героя, помогать ему проявляться на сцене произведения. Герой должен жить сам, и о его состоянии читатель должен сразу догадываться по внешнему и внутреннему жесту, движению. Искусством такой прозы в полной мере владеет, например, Хемингуэй. В финале романа «Прощай, оружие!» есть сцена: герой теряет свою возлюбленную. Для него это огромная потеря. Автор мог бы здесь развить подробнейший психологический анализ, перечисляя длиннейший список горестных ощущений героя. Но этого нет. Хемингуэй просто пишет, что герой пошел по улице. Он пошел — и все. Но по его спине я, читатель, вижу все, что переживает этот мужчина. Так же драматично, сочно, выразительно написана «Соть» Леонида Леонова. В «Русском лесу», на мой взгляд, появилась уже некоторая нарочитость. Такую же эволюцию в свое время пережил и Гончаров. Еще в детстве я прочел «Обыкновенную историю» — и она потрясла меня: с такой простотой и естественностью выразилась в этом романе глубокая трагедия

человеческой личности. А вот «Обрыв» понравился меньше, в этом романе есть изоэтрность и условность.

В.М. — В связи с последним Вашим замечанием. Я вспоминаю, что в период работы над «Войной и миром» Лев Толстой произнес фразу, от которой потом отрекся: «Проза Пушкина гола как-то». Толстой в своем главном романе достиг высочайших вершин психологического анализа, но неизвестно еще, что читается с большим и напряженным интересом — описание действий героев или их внутренние монологи. Главное — движение мысли. А это возвращение к Пушкину. Помните, в «Станционном смотрителе» приехавший в Петербург Самсон Вырин заглядывает с великим душевным смущением в комнату, где на подлокотнике кресла сидит его любимая Дуня и играет локоном гусара? Помните, в каком лаконичном жесте выразил Пушкин весь драматизм, всю неимоверную психологическую сложность ситуации! Дуня вскрикнула и упала в обморок. Динамизм не утрачен, а что происходит с героями и почему? — читателю догадаться несложно. В недосказанности Пушкина есть место для роста читателя. Каждый раз по мере духовного взросления и мужания читатель неизбежно прочтет эту сцену иначе: глубже, драматичнее. И все же литература идет разными путями, которые то сходятся, обогащая друг друга, то вновь расходятся. Была, есть и будет психологическая проза, как есть и психологическая драматургия.

М.Б. — Я не против психологизма как такового. Я против видимости психологизма, кочующей из романа в роман, из повести в повесть. Я понимаю, что есть иная писательская манера мышления, чем моя собственная — и признаю эту манеру, если это не манерничанье. Но порою видишь, что писателю нечего сказать людям, — и вот льются рекой «внутренние монологи», авторские отступления, заполняющие вакуум бессодержательности. Разве с этим можно согласиться? Чем сложнее писатель, тем он проще мыслит и изображает. Если ему есть что рассказать, он покажет самое действие, а не станет рассуждать о нем. И если действие это содержательно, концептуально, — то не сомневайтесь: оно в равной мере и психологично!

Позволю себе прервать писателя на этом месте и обратиться к его творчеству. На мой взгляд, проза Мара Байджиева и драматична, и, несомненно, психологична. Но и то, и другое ее качество не всегда заметны с первого взгляда. Ибо в ней царствует быт. Вот уж не первый год с повестки дня в критическом отделе «Литературной газеты» не сходит вопрос о так называемой «бытовой прозе». Нужна ли она? Полезна ли? Не является ли она «тройным коном» натурализма в нашей сильной бо- гатыми реалистическими традициями литературе? Противники «бытовой прозы» говорят о том, что ей не дано передать масштабность и значитель-

ность событий современности. Защитники указывают на то, что все значительное проявляется через конкретное, бытовое, апеллируют к классике, вспоминая значительнейшие произведения русской литературы, навсквозь пронизанные бытом, бытовыми отношениями людей.

В который уже раз, пока ломаются критические копья, а дискуссия еще только набирает силу, наученный горьким опытом читатель уже давно знает, что «сердце успокоится» выступлением солидного критика, который высказывает не бог весть какие истины. И мы вместе с умудренными читателями можем сказать, предугадывая ответ надуманной задачки: «Какая бы ни была проза – философская или бытовая, лирическая или историческая, «деревенская» или «городская», – важно, чтобы это была проза, важно, чтобы она была талантливая, правдивая, интересная». И так, быт. Автор «Осенних дождей» не просто внимателен к бытовым проявлениям жизни. – он «предан» быту, любит его, ценя достоверность, точную, емкую, выразительную деталь. Я бы сказал даже, что быт в его рассказах и повестях – равноправный действующий герой, и герой значительный. Главное его качество в байджиевской прозе – то, что он обладает способностью соединять и разделять живые человеческие души, делать людей счастливыми или одинокими.

Быт у Байджиева только с виду тих и спокоен, равнодушен к человеку. На самом-то деле он таит в себе бурю. В нем скрыта трагедия, готовая разразиться в любую минуту. Нужно обладать незаурядными душевными качествами, чтобы пройти «минное поле» байджиевского «быта». Иногда прозаик (порой излишне нарочито, как в рассказах «Ошибка» или «Сулуу») сам раскрывает свой внутренний замысел, акцентируя в прозаичных, неприметных вещах – скрытую в них энергию нравственного порядка. Столкновение быта и бытия порою парадоксально. В начале рассказа «Сулуу» автор приводит, вкладывая в уста своей героини, известные есенинские строки: «Ты меня не любишь, не жалеешь». Первые слова, казалось бы, настраивают на поэтический лад, на любовную драму. И действительно, все это есть: и поэзия, и любовная коллизия... Но все это погружено в быт и проявляется очень и очень по-бытовому. Вот как это выглядит в рассказе:

«Ты меня не любишь, не жалеешь, – сказала жена, едва я успел переступить порог.

В моей руке повисло помойное ведро... Мокрая половая тряпка угрожающе дрожала в ее свободной руке.

Итак, любовь и... помойное ведро, половая тряпка. «Все смешалось в доме Облонских», – скажем мы словами классика. Но не так ли и в жизни? Может быть, писатель слегка «передержал», чуть заметно заступил за черту гармонии и меры, – так что повествование приняло гро-

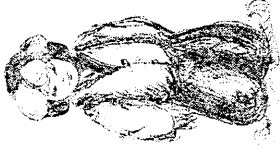
тесковый и даже немного случайный характер. Что ж из того? Мы сейчас ведем речь не об оценках, а о направлении творчества. А оно, это направление, таково, что там, за бытом и рядом с ним постоянно маячит бытие, мир, в котором все глубоко соразмерно и неслучайно.

Совершенно бытовой рассказ – «Когда гибнет Чапай». Но уже в самом названии – драма человеческой души, гибель... Маленький мальчуган Марат, играющий во дворе «в Чапая», переживает настоящую душевную драму, ибо впервые в жизни сталкивается с предательством идеала. В рассказе, или, скорее, в небольшой повести «Тропа» история души героя начинается опять-таки с кажущегося пустяка. С красивых серебряных пуговиц, пропавших у одноклассницы. Эти пуговицы неожиданно определяют всю дальнейшую жизнь героя. Повесть «Жил-был серый скакун», повесть немного печальная, – погружает нас в быт городской жизни. А рядом с этим бытом – и по содержанию видимому, внешнему, а еще более в той внутренней лирической мелодии, которая звучит «за кадром», – скачет серый скакун, вырывающийся из быта, возносящийся над ним...

Зачем я рассказываю все это? Мар Байджиев пишет такую «бытовую» прозу, которая вырастает из быта, перерастает его, ставя перед человеком серьезные вопросы. Обсуждать ли ее целесообразность? Не пустое ли это занятие?

Нет, я совсем не намерен петь нашему автору пустые дифирамбы, просто речь об одной из важнейших и, несомненно, плодотворных особенностей его писательского мышления. Пристрастие к обыденному, к конкретике повседневной жизни определяет в его творчестве если не все, то весьма и весьма многое. Более того: и хорошие, сильные и слабые стороны писательского дарования Мара Байджиева. Но – обо всем по порядку.

Байджиев – яркий, своеобразный рассказчик. В основании его рассказов всегда лежит мысль, и притом мысль отточенная, понятная и самому автору, и читателю. Мысль, не оставляет места для разноголосия... и, пожалуй, для игры воображения. Особенно это относится к рассказам начала 60-х годов, таким, как «Ошибка», «Сулуу», «Гражданочка». Сюда же я отнес бы и рассказы начала 70-х годов: «Преступление и наказание, или Красные уши» и «Ишу друга». Несмотря на то, что они написаны более опытной рукой, – в них все же стремление подчеркнуть, акцентировать, завершить одну мысль, одно господствующее настроение. В каждом из микросюжетов кроется своя неожиданность, застав-

ляющая по-новому взглянуть на уже известное. Рассказчик любит своих героев. Даже когда они проявляют слабость, не могут подняться над собой, как, например, в «Ошибке», где лишь близость смерти жены пробуждает в герое нравственные резервы души, а затем, когда опасность миновала, он снова погружается в обыденность и прозу, – даже тогда писатель относится к своим героям сочувственно. Ведь они люди, а не машины. Хорошо, если они мужественны и правильны, тонко и глубоко чувствуют, – хорошо, но как сильно притягивает быт, какой колоссальной измученной энергией он обладает! В таких сюжетах сразу ощущается попытка воссоздать «чеховское», – что так прекрасно удалось сделать в 60–70-е годы русскому прозаику Юрию Трифонову. Но такое авторское сочувствие испытывают на себе лишь герои беззлобные, – в общем добрые и симпатичные люди. Но есть и другие, такие, как повар жарник дядя Качкынбай в лаконичном рассказе «Преступление и наказание, или Красные уши». К ним и отношение другое: на место мягкой иронии и грусти заступает сатирическая гротесковость, жесткость описания, в основе которой – парадоксальное столкновение (прежде всего в самом человеке!) человеческого и жестокого, холодного: «Я инстинктивно почувствовал, – говорит мальчик, только что сделавший доброе дело и призывающий на такое же доброе дело взрослого, – что сейчас он большой теплой рукой погладит меня по голове, и потянулся к его биноклю. А он своей большой теплой рукой схватил меня за ухо и повернул его на сто восемьдесят градусов». Свою собственную неспособность к настоящему живому делу взрослый, ответственный человек, имеющий добродушный облик, вымещает на ребенке.

Более сложно организовано повествование в таких рассказах, как «Улыбка», «Воровка». В них заключено зерно повести. Здесь дело не ограничивается неожиданным поворотом сюжета (ожидание одного и появление, воплощение совершенно иного), хотя рассказчик и в этом остается верен себе. В рассказе «Воровка» сюжет делает сразу несколько зигзагов, меняющих ракурс читательского восприятия. Мужчина, Начальник Воды, как зовут его айльчане, ловит воровку, побывавшую в его доме. Воровка оказывается затем его женой. Создается иллюзия концовки, – тем более, что у них рождается ребенок. И снова неожиданность: женщина уходит от Таштана. И еще: он возвращает в дом свою первую бездетную жену, и они вместе ждут возвращения сына, родившегося у Таштана от цыганки. Все эти неожиданные зигзаги наводят на мысль о новелле. Ибо происходит разрушение стереотипов. Стереотипов жизни, стереотипов мышления. «Воровка» – рассказ очень добрый и мудрый. В нем отразились лучшие черты национального характера, жизненный опыт киргизского народа. Доброту и мудрость проявляют все герои этой

микровселлы. Первая жена Таштана Аймыкан сумела понять, что мучит душу бездетного мужчины – и сама решает уйти из его жизни. Ее слова дышат не гневом и обидой, а любовью, желанием счастья близкому, дорогому человеку: «Утром ты смотрел на играющих мальчишек, и в глазах твоих были слезы... Я уеду к родителям и дам тебе свободу. Только не торопись, найди себе подружку, которая бы не только рожала, но и ценила тебя. А мне купи плюшевое пальто, хромовые сапоги, чаю и сладостей для родителей, чтобы злые языки не говорили, что ты выгнал меня». Уходя, она думает о его будущем. Мудрость и доброту проявляют и старики, с которыми советуется Таштан перед тем, как жениться на цыганке: «А то, что она другой крови, другой веры – в твоих руках сделать ее нашей любимой дочерью и доброй снохой. Все люди равны перед создателем. Если крепко молоток, то и войлочный гвоздь в землю войдет. И если она будет встречать твоих братьев добрым поклоном и с чайником горячего чая, значит, жизнь твоя спокойна, и мы будем рады за тебя». Душевную широту обнаруживает и сам Таштан, когда признается жалостью к цыганке и когда жалость переходит у него затем в любовь. Только поведение цыганки кажется не совсем совпадающим с этим общим гуманистическим настроем всего рассказа. Но в этом есть своя глубокая логика. Каждый герой живет по своим законам. Аймыкан, Таштан, старики – все они из одного мира, который диктует им меру веры и стиль поведения. Цыганка – из другого мира, ее тайна остается нераскрытой и не понятной остальными персонажами. Ясно лишь, что свобода, ее зов – оказалась для цыганки привлекательнее и неизбежнее, чем тихое место у домашнего очага. И еще одна мысль, на мой взгляд, заложена здесь автором в подтекст повествования. Скажу лишь кратко. Поведение всех обитателей айла, в том числе Начальника Воды, который «поил все живое», новую жизнь. Эту жизнь дарит миру цыганка, которая совсем не размышляет о будущем ребенке и которой он дается легко и без жертв – по закону природы и той самой свободы, которая затем уводит ее из айла. В этом заключается один из живых парадоксов, живых противоречий реального, порою жестокого мира.

И если уж говорить о драматизме байджиевской прозы, то как не вспомнить повесть «Гропа». Сам автор относится к «Гропе» несколько сдержанно, но мне-то кажется, что именно здесь, а не, скажем, в «Сером скакуне», писателю удалось создать подлинно трагический и очень цельный образ. Критик В. Ковский называет героя повести Абылкасыма «маленьким» человеком, автоматически подвертывая этот образ под сложившийся стереотип. Но согласиться с этим нельзя. В Абылкасыме нет ничего от «маленького» человека, – это просто человек. Человек в полном смысле слова. Личность. Его поведение в начале и в конце по-

вести только кажется различным. Думается, что в повести речь идет не о росте души героя, не о «тропе» к самому себе, а о той трудной тропе, по которой всегда идет человек, если он верен самому себе. Это не разбитая дорога расхожих принципов и мнений, но именно тропа, по которой может пройти только один и только однажды.

Абылкасым верит в людей, в добро. Несмотря на свое физическое несовершенство, несмотря на несправедливость в отношении к нему, он не разочаровался в людях и, в конечном итоге, в своих идеалах. Ему пришлось проявить настоящее мужество, щедрость души, чтобы выстоять в неравной схватке с миром зла. Этот байджиевский герой вызывает огромное уважение своей простотой и незаметной, не бросающейся в глаза цельностью, крупностью характера. Это герой одного ряда с Едигеи Чингиза Айтматов, в них, если посмотреть, много общего. Хотя, разумеется, характер Абылкасыма значительно менее разработан, он лишь намечен в своих исходных чертах. Но зато, какой характер! Ему совершенно чужда рисовка. Совершая настоящий подвиг, настоящий мужской поступок — во имя любимой женщины, которая не знает о его чувстве, — Абылкасым ведет себя как человек, у которого большое, нежное сердце и чистые руки. Решаясь, в конце концов, расказать Асине о своем чувстве и о том, как в действительности обстояло дело, из-за которого он взял на себя чужую вину, герой не хочет вызывать у женщины «ни жалости, ни сострадания, ни похвалы».

А зеленый автомобиль, стоя на месте, уткнувшись передними колесами в бордюры тротуара, мчался все дальше и дальше. Мар Байджиев говорит живо, увлеченно. В разговоре нашем уже звучат строки из вечноного «Слова о полку Игореве», имена Расина и Жанны д'Арк, режиссера Океева, Ван Гога и Гогена. Мы едем дальше и дальше...

Разговор был свободным: о чем-то мы могли забыть, чего-то не коснуться. И только об одном мы просто не могли не заговорить. Мар Байджиев пишет на русском и на киргизском языках. Но и в том, и в другом случае он очень национален. Читая его книги, нельзя не заметить этого. Взять хотя бы самый простой пример. В уже упомянувшемся рассказе «Воровка» поставлена та проблема, которая явилась своеобразным прологом к эпосу «Манас». Писатель говорит о большом человеческом счастье, связанном с ребенком в доме. Если не слышно смеха ребенка, то дом пуст. Несчастье Таштана прозаик очень убедительно и без нажима подчеркивает тем, что горе его понятия всем без объяснений, понятно с полуслова. Большое несчастье прожить жизнь впустую, уйти из мира «без колытца», — как говорил, стена, бай Джакып в «Манасе». В представлении о ребенке сосредоточена вся духовная сторона жизни Таштана. Для меня рассказ «Воровка» в чем-то оказывается близким

айтматовскому «Белому пароходу», где эта же тема осмыслена драматичнее, масштабнее. В «Воровке» герои добрые, человеческие, — в общем-то, всех их можно назвать единомышленниками. В «Белом пароходе» вокруг мотива бездетности завязывается целая буря страстей, где жестоко и определенно проявляются гуманные, человеческие — и слепое, животное начало. У Байджиева этот мотив встречается не раз, — например, он тонко влетает в проблематику повести «Однажды очень давно», повести о стремлении всего живого к жизни, к продолжению рода. Богат и славен бай Мундузбай, но нет у него детей, а потому нет покоя, счастья: «Годы идут, а в доме моем тишина. Когда сомкну глаза, родственники растащат скот, а враги разорят мой род».

Вот об этом-то, о традициях вообще и особенно о национальных традициях сам собой завязался дальнейший наш разговор.

В.М. — Мар Ташимович, как Вы относитесь к литературным традициям, считаете ли необходимым опираться на опыт отечественной, мировой литературы или каждый настоящий художник сам творец своего собственного мира, своих героев?

М.Б. — Только маленький, незначительный писатель творит без традиций. Это как бы человек без роду и племени. Пришел — ушел. Появился ниоткуда и исчез в никуда. Писатель без традиций — это плохой признак. Иногда, правда, ошибаются. Было время, когда считали, что Некрасов — поэт без традиций. Теперь так не думают. В Некрасове слышен и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов. Не потому ли по его следам пошла потом русская, а теперь уже и советская поэзия, поэзия народов СССР? Стоит вспомнить имена Твардовского, Исаковского. Во многом от него идет Евгений Евтушенко, а великий Блок в равной мере шел от Лермонтова и от Некрасова... Традиция — это не роскошь, а необходимость. Когда бьешься над идеей, вдруг замечаешь, что человечество уже давно думает над этим и пишет, но только пишет иначе, чем ты. Иногда традиция — это не только продолжение, но и спор. В любом случае традиция плодотворна. Когда француз эпохи классицизма, например Расин, обратился к античному искусству, — это не было их прихотью. Я думаю, они к этому времени досрочно до больших мыслей и идей античности. Традиция — это не повторение пройденного, а движение вперед, к вечным идеям, это обязательно свое, но и общечеловеческое. С чем бы это сравнить? Пожалуй, с велосипедом. Зачем изобретать велосипед, когда он уже есть? Бери велосипед, но вот мотор к нему приделай сам. И езжай дальше. И еще о традиции: обращение к ней никогда не бывает случайным. Та или иная традиция начинается в одно время к одной традиции, в другое — к другой. Но есть одна традиция, из которой ху-

дожники черпают постоянно, ибо эта традиция универсальна. Я имею в виду фольклор, народное творчество.

В.М. – Вот об этом хотелось бы поговорить особо. В Вашей прозе чувствуется прочная национальная основа. Это одно из ее несомненных достоинств. В этом плане особенно, конечно, выделяется сложная по замыслу, многоплановая повесть «Однажды очень давно». Вы даже называете эту повесть сказкой. Но, думается, это не сказка, – или сказка в самом широком и даже философском смысле. Здесь Вы обратились к национальному эпосу «Кожожаш», соединив его с легендой об охотнике, убивающем своего сына. Мне кажется, что именно обращение к фольклору, к национальному эпосу породило в Вашем творчестве столь масштабное по мысли произведение. При этом легенда о Кожожаше Вами переосмыслена: хрестоматии и учебники традиционно подают этот образ как положительный. Ваш же герой переживает в повести нравственную эволюцию. Из самого справедливого, доброго, сильного и мужественного охотника племени «белых барсов» он становится человеком, переступившим какую-то незримую нравственную границу; человеком, приводящим собственное племя к гибели, убийцей собственного сына. В повести ясно выражен мотив самоубийства. Имеет ли право писатель на такое «вольное» отношение к устоявшемуся национальному эпосу?

М.Б. – Каждый художник неизбежно национален. Это он впитывает с детства, с молоком матери. Образ мышления, эмоциональное восприятие мира, определенные символы, – все это писатель усваивает у родного народа раз и навсегда. В творчестве Чингиза Айтматова, например, легко уловить мотивы, идущие из контекста всемирной литературы, но осмыслены-то они очень определенно, очень национально! Многие его ровесники в киргизской литературе «подпитывают» свое творчество бесценным наследием веков мировой культуры. Но, читая и осмысливая Шекспира, Сервантеса, Джойса, мы остаемся киргизами, по-особому видим мир и его проблемы. Мне кажется, что понятие «мастерство писателя» во многом предопределяется его умением поставить общечеловеческие проблемы на родной почве. И еще мне хочется сказать о том, как соотносится общечеловеческое и национальное. На мой взгляд, первое поколение наших писателей было глубже, чем мы, в осознании национального самосознания киргизского народа. Их творчество было более цельным. Но им как раз и не хватало мастерства передачи своих чувств, мыслей. Возможно, им не хватало общения с мировой культурой.

Сегодня наши киргизские фильмы, пьесы, романы хорошо встречены за пределами республики, в том числе и за рубежом. О чем это го-

ворит? О том, что нас понимают. Нас понимают люди, выросшие на других, отличных от наших, культурных традициях. Значит, наше национальное стало шире и глубже, – значит, оно сумело вобрать в себя опыт иных культур – и теперь снова отдает в мировую культурную «пилку» свой вклад. В конечном итоге это говорит о равноправном взаимодействии, а значит, о зрелости.

Вы заговорили о моей повести «Однажды очень давно». Работая над этой повестью, я, пожалуй, впервые серьезно столкнулся с проблемой национальной эпической традиции. Действительно, можно ли писать произвольно комбинировать национальный эпос, да еще «поправляя» традиционное толкование? Я думаю почему-то, хотя и предвижу возможные возражения, что двух ответов тут быть не может. Да, писатель имеет право на такую интерпретацию и на такое комбинирование, если это лучше, талантливее помогает ему передать его мысль. Традиция, в том числе и национальная, не лежанка, на которой отдыхают. Скорее, это дорога, по которой идут, работая ногами, головой, душой, всем телом. Традиция не догма, а борьба с догмой. Традиционно образ охотника Кожожаша трактуют как положительный. Это человек, который кормит племя, – и этим уже многое сказано. Во имя жизни племени он вступает в борьбу с природой, в смертную борьбу со священной козой-матерью. Он гибнет без сожаления о том, что сделал. Его можно трактовать как своего рода Прометея или Данко. Можно. Но можно и иначе, если вспомнить вторую часть, вернее, продолжение эпоса «Кожожаш». Ведь сын Кожожаша, пытаясь отомстить за смерть отца, приходит к неизбежному: к примирению, к любви, к породнению с природой, с козой-матерью. В этом огромной важности и смысла символ. Сегодня человечество стоит перед тем же выбором: идти против природы – и тем самым против себя, – или идти с ней вместе. Исходя из всего этого, я и пришел к иному осмыслению традиционного эпоса. Актуальный для сегодняшнего дня смысл, я думаю, хранится в этом эпосе всегда, ибо перед человечеством вопрос о взаимоотношениях с природой встал не сегодня и не вчера, а с тех самых пор, как человек выделился из мира природы. Перевод «Кожожаша» Ирины Волобуевой, на мой взгляд, может выступить в качестве одного из аргументов в этом споре: в ее переводе улавливается неоправданная жестокость Кожожаша в отношении к природе. Кроме того, мы должны помнить, что устный эпос доходит до нас, как правило, не в целом первоначальном виде. Часто мы видим лишь обломки первоначального смысла. Так, например, встает вопрос, почему коза в «Кожожаше» трактуется как черные силы природы? В киргизском фольклоре коза никогда не выступает как существо, несущее человеку зло. Сказители бесстрастно передают уцелевшую от ве-

ков форму, но часто при этом, видимо, утрачивается связь мотивов, логическая связь образов. Уже не совсем ясное все равно упоминается, хотя вместо материка мы видим как бы остров, со всех сторон омываемый водой. Пример такого явления можно найти не только в фольклоре, но даже и в письменной литературе: например, «Слово о полку Игореве», в котором очень много непонятных мест, загадок. В повести «Однажды очень давно» я попытался восстановить утраченную логику эпоса, звучащего так актуально. Человек не должен «исполняться ратного духа» против своей матери-природы. Его назначение и его достоинство в другом.

В.М. — Мар Ташимович, последний вопрос к Вам как к писателю-билингву. Вы пишете на киргизском и русском языках. Считаете ли Вы, что проза, которую Вы пишете на русском, должна обогатить русскую прозу, или Вы ставите перед собой задачу просто прозвучать на ином языке? Вообще Ваше отношение к современной русской литературе, Ваши симпатии.

М.Б. — Однажды при мне обсуждали прозаика, пишущего на русском. Один из присутствующих задал вопрос: «Говоришь, а вообще, не многовато ли пишется русской прозы? Значит ли, что проза, написанная на русском, есть уже русская полноправная, художественная, обогащающая литературу, прозу?» С тех пор я задумался над этим вопросом, который теперь задал и Вы. Ответить на него однозначно, пожалуй, затруднительно. Тот широкий процесс, который происходит сейчас в литературе союзных республик и выражающийся во все большей тяге — в прозе, и в поэзии — к русскому языку, еще потребует своего серьезного осмысления. Пока что волна такой литературы находится на подъеме. Это своего рода уникальный эксперимент, порожденный самой жизнью. У этого явления уже есть свои достижения, которые, думаю, действительно обогащают нашу великую многонациональную литературу. Ибо задана большая сила взаимообогащения, действует как бы огромный рычаг — русский язык. Но, может быть, в этом вопросе есть и другая сторона. Она особенно хорошо видна в поэзии. Собственно русская поэзия, например, Жуковский, Батюшков, Мандельштам и другие, иногда вела свои поиски истины и смысла не столько в языке, сколько на языке. Много ли таких поэтов, как Державин, Крылов, Кольцов, Есенин? Здесь, конечно, можно спорить. Но я хочу сказать, что сегодня многие прозаики, пишущие на русском, в том числе и я, работают также — не столько в языке, сколько на языке. И цели, и результаты этой работы несколько иные, чем, скажем, у Василия Белова, Валентина Распутина, Евгения Носова. Они создают художественный образ через язык, а — через мысль, сплетение логических связей. Все это, разумеется, относительно.

В русской литературе мне нравятся и близки хорошие, талантливые писатели. Например, Василий Белов, Распутин, Александр Вампилов.

Пока Мар Ташимович говорит, я смотрю из окна машины на мокрые декабрьские деревья, на притихшую в зимнем тумане галку, — слушаю. И думаю. Думаю о его творчестве, сравниваю свои впечатления от прочитанных произведений и авторские оценки. Не во всем соглашаюсь с писателем. Например, повесть «Гропа» можно оценить выше. Это победа. Жаль только — фальшивая нота испортила финал. Я думаю, что повесть должна была кончаться грустным, но очень светлым, не умело, но сурово и целно написанным письмом Абылкасыма. А счастливый «хэппи-энд» заглушал трагичность, высоту и мощь духа большого, крупного характера, найденного писателем. Не один В. Ковский соблазнился — в результате этой фальшивки, проскочившей в произведении, — назвать Абылкасыма «маленьким человеком». Я думаю также, что в прекрасной повести «Однажды очень давно» неуместна дидактика, нарушающая контакт с умным читателем. Но я думаю и о том, что многое до сих пор мне было не так ясно, как после этой беседы. Особенно повесть «Однажды очень давно». Теперь я понимаю, что творчество Байджиева обладает пусть и не заметной с первого взгляда, но удивительной цельностью. Его ранние рассказы своими идеями (а без четко выраженных в каждом произведении идей нет Байджиева!) тесно связаны с поздними повестями. «Поздними» — звучит, конечно, очень условно. Какая бы, кажется, связь между маленьким рассказником «Когда гибнет Чапай?» и философской повестью «Однажды очень давно»? А между тем она есть! Человек должен быть верен своим идеалам, всегда оставаться самим собой, человеком: об этом, в конечном итоге, все творчество Мара Байджиева.

Он полон энергии, новых замыслов. Спешит на репетицию, на запись, к рабочему столу. Застоявшийся автомобиль фыркнул, взревел... — Поехали!

Беседа вел Владимир Мельник

Омор СУЛТАНОВ

Влажные облака

Климат на Сахалине своеобразный: несмотря на близость моря, бывает знойное лето и обжигающая морозом зима, золотая осень и зелено-косая весна. Растительный мир так богат, что Сахалин по праву можно назвать естественным ботаническим садом.

Случаются и неожиданные: летом может выпасть снег, а зимой хлынуть проливной дождь. Океан приносит на остров обилие влаги. Может быть, именно поэтому тут выращивают удивительную капусту – тридцатикилограммовые кочаны. А шавель нередко достигает высоты человеческого роста.

Тучи и облака здесь тоже не такие, как на материке. Темные, тяжелые, влажные. Так и взять бы их в руки да выжать, словно мокрому тряпюку. Такими облаками, казалось бы, можно умыться. Одежда от них промокает насквозь.

В аэропорту Южно-Сахалинска мы долго ждали, пока разойдутся эти тяжелые, влажные облака. Нам сказали, что пока они не уплывут, эти тяжести в воздухе не поднимутся. Но уплывать они, видимо, не собирались. Сеял дождь – мелкий-мелкий, словно манная крупа.

Нас раздражали эти часы вынужденного безделья, хотя здесь, на Сахалине, мы «работали», пожалуй, не меньше, чем у себя дома. Вставали в шесть, завтракали на скорую руку и – бегом на очередную встречу. Последняя встреча заканчивалась поздней ночью. Потом приходилось долго добираться до гостиницы. Шагали иногда в полной темноте по незнакомым улицам, а то и по просекам. Приходили совершенно уставшие и разбитые. Ужинать не хотелось. Какой тут аппетит, когда думаешь лишь о том, чтобы скорее добраться до постели, упасть и уснуть! А через несколько часов снова нужно вставать и мчаться куда-нибудь к рыбакам или строителям.

На Сахалине не так-то просто попасть в нужное место. Здесь нет до глянца накатанных дорог. Лесные пути едва намечены – в ямах, ухабах, буграх. Какими бы прекрасными не были рессоры машины – все равно, пока доберешься, все внутренности перетряхнут.

Но ехать надо: читатели ждут. А ведь они – люди занятые, хотя и находят время оторваться от труда. Потому что любят книгу, не мыслят своей жизни без литературы.

Когда встречаешься с такими людьми – вмиг забываешь и про усталость, и про плохие дороги, и про холодный сеющий дождь...

В аэропорту мы прощаемся с южной частью острова. Теперь наш путь лежит на север Сахалина. Одна группа писателей направляется в Оху, город нефтяников или, как его здесь называют в шутку, «сахалинский Баку». Другая – в Александровск-Сахалинский, расположенный на западном побережье острова, у Татарского пролива.

Про северную часть острова в свое время хорошо сказал А.П. Чехов в известной книге «Остров Сахалин»: «Верхняя часть острова по своим климатическим почвенным условиям совершенно не пригодна для поселения и поэтому в счет не идет».

Об этом районе Сахалина от местных жителей можно услышать интересную легенду.

Говорят, что когда-то, в давние времена, пришли сюда со стадами оленей эвенки, поставили на берегу моря чумы, и решили зимовать.

Но оказалось, что вода в этих местах для питья не годилась. Она была темной, с неприятным запахом, с масляными пятнами. Эту воду эвенки так и называли – охэ, то есть неприятная вода.

Видели эвенки и в других местах этой части острова такую же воду. Попадались даже целые озера, затянутые темной, скользкой пленкой.

Однажды эвенки попали в гости к нивхам. Ярко горел огромный праздничный костер, вокруг которого веселились и гости, и хозяева. Кто-то решил убавить огонь, зачерпнул в небольшом озере черной воды и плеснул на пылающий хворост. И тут все ахнуло: пламя вместо того чтобы угаснуть, запыхало еще жарче.

Рассказы о «горящей воде» дошли до русских купцов. Некий скупишк пушнины Иванов наполнил сосуд «огненной водой» и отправил в Петербург. Там определили, что это нефть. Промышленники царской России заинтересовались богатством дальнего острова.

Но по-настоящему это богатство раскрылось только в годы Советской власти, особенно в период Великой Отечественной войны. Страна нуждалась в нефти. За военные годы нефтяники Сахалина добыли 2,4 миллиона тонн нефти. Именно в то тяжелое военное время был построен нефтепровод Оха – Комсомольск-на-Амуре. Помните широко известный роман В. Ажаева «Далеко от Москвы», посвященный строителям этого нефтепровода?

...Наконец густой туман исчез, словно всосался в землю. Ровное поле аэропорта постепенно освободилось от тяжелых влажных туч.

Повеселели, оживились лица пассажиров. Все с надеждой прислушивались к каждому сообщению диктора. Вот наконец объявили посадку и на наш рейс...

«АН-24» взревел моторами и взмыл в холодный воздух, взяв курс прямо на север, где нас, несмотря на август, может быть, ожидал снег. Сначала самолет должен приземлиться в селе Зональном, чтобы остаться там несколько человек из нашей делегации, а уж потом полетит прямо в Оху.

Я вспомнил, как кто-то, не то шутя, не то серьезно, уверял, что в Оху иногда забредают медведи. Зайдут, мол, на кухню, съедят все, что можно найти, и спокойно отправляются дальше по своим медвежьим делам...

Перевод В.В. Вакуленко

В местах прежней ссылки

Кто из нас не любит путешествовать? Люблю дорогу и я. Но если едешь и летишь изо дня в день, то это в конце концов начинает приедаться. Как горький дунганский перец, которого так много на фрунзенском колхозном базаре. Я думал об этом, когда ехал из Зонального в Александровск в кузове грузовой автомашины.

Дорога была разбитая, ухабистая, пыльная. И болтался я в кузове, словно сорочка в стиральной машине. Одно утешение было: думал о поездке Антона Павловича Чехова.

Я-то хоть в автомашине. А ведь он трясся в обыкновенной бричке. Да и дорога тогда была намного хуже — не дорога, а едва намеченная тропа.

Еще в 1889 году царское правительство официально объявило Сахалин местом тюрем и каторги для тех, кто не хотел мириться с существующим строем.

Чехов, прибывший на Сахалин в 1890 году, назвал его «адом на земле». Хотя видел он еще не самое худшее: осмотреть тюрьмы ему не разрешили.

Позже это удалось сделать известному русскому журналисту В. М. Дорошевичу. Вот что он писал о жизни ссыльных и заключенных:

«От весны до осени, с начала и до окончания «сезона бегов», испытваемым арестантам бреют половину головы и заковывают в ножные кандалы. И тогда сахалинский воздух, и без того проклятый, наполняется еще и лягом кандалов. Еще издали, подвезая к тюрьме, вы слышите, как гремит цепями кандаловая. От весны до осени наполовину бритые арестанты теряют человеческий облик и приобретают «облик звериный», омерзительный и отвратительный... Каторжные работают «сколько влезет» и даже «сколько не влезет»...

И журналист, подробно описав быт кандалников, приходит к выводу, что на земле пока не было такого злостного преступления перед человечеством, как ссылка в сахалинские тюрьмы...

В Александровск-Сахалинский мы прибыли в полдень. Стояла жара. Я снял пиджак, перекинул его через руку и невольно вспомнил, как всего несколько дней назад лежал на горячем песчаном берегу Иссык-Куля.

На центральной площади города, которая носит имя 1 Мая, ... раньше размещалась тюрьма, вокруг лепились убогие домишки поселенцев и ссыльных.

Теперь просторную площадь окружали трех- и четырехэтажные здания. В большой светлый универмаг тянулся поток покупателей. Здесь же размещалась четырехэтажная гостиница, где нам предстояло жить.

Чуть поодаль возвышался Дворец культуры. Тут же великолепный ресторан. Кафе. И — просторный книжный магазин.

Кстати, я никогда раньше не видел таких магазинов. Любая книга — на виду. Рядом с продавцом — экскурсовод по книжным полкам, который всегда может помочь покупателю найти ту или иную книгу. С такой помощью в книжном магазине не заблудится ни один человек — ни оленод, ни нефтяник, ни школьник. Мне кажется, такой опыт следовало бы распространить во всех книжных магазинах страны.

Уже потом, после торжественной встречи на площади, когда мы вошли в магазин и стали знакомиться с новинками книжной торговли, я обратил внимание, как сахалинцы раскупали роман моего славного земляка Узака Абдукаимова «Фронт». Некоторые из них попросили меня оставить на книге автограф за покойного писателя-собрата, и я с гордостью и радостью выполнил эту просьбу.

Вечером во Дворце культуры состоялась встреча с читателями. В огромном зале собрались лесники и шахтеры, рыбаки и учителя, школьники и колхозники. Зал не мог вместить всех желающих: многие стояли в фойе и через открытые широкие двери прислушивались к словам, звучащим с трибуны.

Литературный вечер превратился в праздник книги. В фойе была организована книжная торговля, и я видел в перерывах между заседаниями настоящие столпотворение у прилавков. Люди с жадностью расхватывали книги. Я смотрел на этих горожан далекого маленького города и невольно вспоминал то, что писал А. П. Чехов в конце прошлого столетия.

«Летом 1890 г., в бытность мою на Сахалине, при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных, но в тюрьме жило только около 900. Вот цифры, взятые наудачу: в начале лета, 3 мая 1890 г., довольствовались из котла и ночевало в тюрьме 1279, в конце лета, 29 сентября, 675 человек. Что касается каторжных работ, производимых в самом Александровске, то здесь приходится наблюдать, главным образом, строительные и всякие хозяйственные работы: возведение новых построек, ремонт старых, содержание на городской манер улиц, площадей и прочее. Самыми тяжкими считаются плотницкие работы. Арестант, бывший на родине плотником, несет здесь настоящую каторгу, и в этом отношении он гораздо несчастливее маляра или кровельщика. Вся тяжесть работы не в самой постройке, а в том, что каждое бревно, идущее в дело, каторжный должен приташить из леса, а рубка в настоящее время производится за 8 верст от поста. Летом люди, запряженные в бревна в пол-аршина и толще, а в длину в несколько сажен, производят тяжелое впечатление; выражение их лиц страдальческое, особенно если они, как это я часто наблюдал, уроженцы Кавказа. Зимой же, говорят,

они отмораживают себе руки и ноги и часто даже замерзают, не дотащив бревна до поста»¹.

Жители Александровска-Сахалинского хорошо знают и любят А.П. Чехова. В городе есть музей, где бережно хранится все, что так или иначе связано с великим русским писателем.

Встреча с портовиками Александровска-Сахалинского состоялась в самое необычное для нас время: на заре.

Заря на Сахалине резко отличается от нашей, киргизской. Наша заря – яркая, багрово-красная. Солнце выкатывается из-за гор уверенно, стремительно, словно заранее предвещая жаркий, знойный день. На острове же заря едва зарумянилась в нежной туманной дымке. Прохладное солнце словно выплывало из океана, осторожно входя в белесый край небосклона.

Ожидая встречи, мы с любопытством бродили по берегу моря. В это утро оно было спокойным. Тяжелые волны лениво выплескивались на песок. Речка Малая Александровка струилась, словно струя из самовара. У самого берега она образовывала еще одну протоку. Высокие волны океана смаху толкали воды ручейки назад, но она беззвучно сливалась с этими волнами. Куда, мол, больше идти как не в твои объятия! Речка напоминала ребенка: как бы не резвилась, а все равно прильнет к груди матери.

На песчаном берегу лежал одинокий остов-скелет большого морского судна. Сквозь ободранную обшивку виднелись поржавевшие части рангоута. Корабль напоминал старика, который когда-то был высоким и широкоплечим, а на склоне лет от него остались лишь мощи.

Вокруг судна валылись отбросы океана – то, что он не принял в свою пучину и вышвырнул снова на берег: обломки балок, консервные банки, опутанные водорослями, толстый якорный трос, измятые ржавые листы кровельного железа и другой несусветный мусор.

В северной части порта расположился рыбкомбинат. Его сооружения казались сколоченными лишь на время: сегодня они есть, а завтра уже их не будет...

Пока мы бродили по берегу, закончилась ночная смена. Нас пригласили в механический цех комбината. Здесь, среди токарных станков, стружек металла, незаконченных деталей, пропитанных стойкими запахами нефти и рыбы, зазвучали стихи наших поэтов.

На этом вечере особый успех выпал на долю Сергея Давыдова. Бывший токарь Ленинградского завода имени Кирова быстро нашел дорогу к сердцам молодых рабочих. Им пришли по душе стихи Давыдова о родном заводе, о простых рабочих, об их заботах и чаяниях.

Давыдову аплодировали, просили повторить то или иное стихотворение, просили автографы и с энтузиазмом предлагали собственные темы.

Выступающих было много. Гости читали стихи, а хозяйка рассказывала о своих будничных делах. Тут же обменивались адресами, обещали переписываться.

На комбинате трудится более тридцати представителей разных национальностей. Некоторые рабочие приехали совсем недавно, другие уже успели обзавестись семьями, получили квартиры и, как говорится, бросили якорь надолго. Немало было и таких, отцы и деды которых родились и выросли уже на Сахалине.

Встреча наша проходила в самой сердечной атмосфере. Когда мы уже покидали цех, вслед нам еще долго звучали слова:

– Приезжайте еще! Мы будем ждать!

Солнце уже стояло высоко. Берег наполнялся народом. Здесь были и портовые рабочие, и работники других предприятий.

Кто-то из руководителей порта предложил:

– Хотите прогуляться по морю на катере?

Конечно, такое предложение было принято с радостью. Некоторые из нас еще ни разу не плавали по морю. Кое-кто поглядывал на высокие тяжелые волны, набегавшие на песок, с опаской и недоверием.

Большая территория водной поверхности порта была обнесена как бы частоколом из сосновых бревен. Здесь находилась стоянка катеров.

Тяжелые суда – пароходы, теплоходы, баржи – стояли в двух километрах от берега. Здесь для них было слишком мелко, причалить к берегу они не могли...

Но, несмотря на это, погрузка и разгрузка судов были механизированы. Десятки подъемных кранов и лебедок окружали суда. Их работа координировалась всего лишь одним диспетчером, который посылал свои команды прямо с берега из радиуправляющего пункта.

Я с восхищением наблюдал за этой четкой работой механизмов, а на память вновь приходили картины прошлого, описанные А.П. Чеховым.

«Нагрузка и выгрузка пароходов, не требующие в России от рабочего исключительного напряжения сил, в Александровке часто представляются для людей истинным мучением; особенной команды, подтолкнутой и выученной специально для работ на море, нет; каждый раз берутся все новые люди, и оттого случается нередко наблюдать во время волнения страшный беспорядок; на пароходе бранятся, выходят из себя, а внизу на бортах, бьющихся о пароход, стоят и лежат люди с зелеными, искривленными лицами, страдающие от морской болезни, а около барж плавают утерянные весла. Благодаря этому, работа затягивается, время пропадает даром и люди терпят ненужные мучения. Однажды во время

¹ А.П. Чехов. Остров Сахалин // Соч. – Т. 10. – М., 1948. – С. 60.

выгрузки парохода я слышал, как смотритель тюрьмы сказал: «У меня люди целый день не ели»².

Полезно сравнить настоящее с прошлым. Правда, иногда мне начинало казаться, что все, что я видел, было всегда. Всегда существовала вот эта механизированная погрузка и выгрузка пароходов, давным-давно пришла и в этот край научно-техническая революция, а прошлого вовсе и не было. Такой дикой и нереальной кажется нам теперь картина, нарицательная великим русским писателем в конце девятнадцатого столетия. И все-таки прошлое забывать нельзя. Потому что именно в сравнении с прошлым мы можем теперь понять и оценить наши собственные достижения...

Наш катерок медленно подошел к огромному, как скала в Боомском ущелье, белому теплоходу с красной надписью на борту «Владивосток». Рядом с этим великаном катерок казался совсем крошечным.

Катер на несколько минут пришвартовался к борту теплохода, привнес груз и, прыгая по волнам, будто яичная скорлупа, направился к берегу.

С палубы «Владивостока» что-то кричали нам молодые матросы. Но что именно — из-за грохота волн мы так и не разобрали. Слышался только громкий добродушный смех.

Вперед показался высокий утес. На нем — беленький домик. Мягко, А неподалеку — три скалы. Они были совершенно одинаковые, слово высеченные рукою художника.

— Эти скалы называются «Три брата», — пояснил нам один из матросов.

В самом деле, скалы были, как близнецы. Я невольно подумал: сколько сотен лет, а может, и тысячелетий простояли они над океаном?...

Перевод В. Вакуленко

Александр ЖИРКОВ

Последний Рубикон

1925 год был для Михаила Васильевича Фрунзе столь же насыщен трудом и свершениями, как и прошлые годы его жизни.

Однако этот — последний год менее всего отражен мемуарами и биографами великого полководца. В предлагаемом отрывке из повести А. Жиркова описываются документально подтвержденные

факты, предшествовавшие неожиданной смерти М.В. Фрунзе, проследиваются судьбы тех, кто принимал участие в операции...

26 января 1925 года постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР за подписями председателя ЦИК М.И. Калинина и секретаря А. Енукидзе М.В. Фрунзе был назначен Народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Революционного Военного Совета молодой советской страны.

10 февраля М.В. Фрунзе назначается членом Совета Труда и Обороны СССР (приказ РВС СССР от 8 февраля 1925 г., №164). Этот чрезвычайный орган советского государства был организован ВЦИК в апреле 1920 года (просуществовал до 1937 г.); сначала его возглавлял председатель СНК В.И. Ленин.

23 февраля в Москве, на Красной площади, состоялся парад войск по случаю 7-й годовщины Красной Армии. М.В. Фрунзе принимает парад.

24 февраля Фрунзе приезжает в Ленинград в связи с 7-й годовщиной Красной Армии и произносит приветственную речь перед бойцами военного округа и Балтийского флота.

2 марта М.В. Фрунзе подписывает Приказ РВС СССР о введении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте.

3 марта 1925 года на специальном заседании Литературной комиссии ЦК РКП(б) Михаил Васильевич выступил с обстоятельной речью. Основные положения этого выступления вскоре получили развитие в резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы».

8 апреля по решению Президиума ЦИК СССР М.В. Фрунзе выехал из Москвы для участия в работе III съезда Советов РСФСР. Поездка предполагала также посещение Северо-Кавказского военного округа и Кавказской Краснознаменной Армии. Маршрут наркома пролегал через города Шахты, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Тифлис, Баку.

19 мая — выступление на III съезде Советов СССР с докладом «Красная Армия и оборона Советского Союза».

22 мая — доклад на I Всесоюзном совещании Военно-научного общества СССР, в истории развития которого Михаилу Васильевичу принадлежит большая роль.

17 июня выступил на IV Всесоюзной конференции РКСМ с речью, посвященной приятно комсомолом шефства над ВМФ.

19 июня вместе с начальником морских сил В.И. Зофом наркомом военном вновь приезжает в Ленинград. В тот же день читает доклад на окружной партийной конференции, а двадцатого, в 3 часа утра — он уже на линкоре «Марат».

² А.П. Чехов. Остров Сахалин // Сочинения. — Т. 10. — М., 1948. — С. 61–62.

20–27 июня участвовал в учебном плавании кораблей Балтийского флота – первом после Октябрьской революции дальнем походе за пределы территориальных вод страны. В пути М.В. Фрунзе провел обстоятельный обход и осмотр линкора. На корабле он встречался с представителями высшего командования, со штабными работниками, общался с личным составом линкора, наблюдал за другими судами отряда.

Красный морской флот, бронетанковые части, забота о развитии авиации, выполнение намеченной программы национальных формирований Красной Армии, ее снабжение, организация крепкого, надежного тыла, перспективы химической промышленности как средства укрепления обороны и одновременно мощного рычага подъема экономики и культуры страны, Общество друзей воздушного флота, Военно-научное общество, Доброхим, а наряду с этим – обширная переписка, активное воздействие на литературную жизнь, на военную печать, упорное и непрерывное самообразование – на все хватало необыкновенной энергии, сил, ума партийного, государственного и военного деятеля.

7 сентября постановлением Совнаркома СССР М.В. Фрунзе предоставлен месячный отпуск, для проведения которого он уехал в Крым, в Мухомлатку, в сопровождении главного хирурга Центрального госпиталя П.В. Мандрыка.

Еще в 1922 году врачи предлагали наркомку поехать на лечение в Карлсбад (ныне Карловы Вары), на известный бальнеологический курорт. Фрунзе от поездки отказался наотрез и с прежним самозабвением отдался работе. После серьезных переговоров Михаил Васильевич согласился на лечение в Боржоми. В Грузию – еще до отбытия в путь наркомка и скрытно от него – была послана телеграмма: «... Вчера, уже после полудня всех документов, совершенно отказался от заграничной поездки и 29 выезжает в Боржоми. Положение здоровья серьезнее, чем он, видимо, думает. Если курс лечения в Боржоми будет неудачен, придется прибегнуть к хирургии... Крайне необходимо создать в Боржоми условия, сколько-нибудь заменяющие Карлсбад». Даже кратковременный отдых и лечение восстановили силы М.В. Фрунзе, но осенью двадцать четвертого года болезнь его вновь обострилась. Вместе с К.Е. Ворошиловым Михаил Васильевич провел свой отпуск в Азербайджане. Большую часть времени он, не желая поддаваться недугу, пропал на охоте. К.Е. Ворошилову такой отпуск тоже пришелся по душе: «Горы, овраги и вообще своеобразная, труднопроходимая местность, где мы охотились, заставляла нас каждую минуту брать «препятствия», и Михаил Васильевич, страстный и хороший охотник, был неутомим. Вставая с рассветом, мы часто лишь с наступлением сумерек возвращались в аул, чтобы на рассвете опять двинуться на новые места – такие же скалистые и овраж-

ные. Думать о диете или сколько-нибудь регулярном питании было совершенно невозможно. Питались «подножным кормом» – пищей местного крестьянства, но, невзирая на такой образ жизни, Михаил Васильевич все же поправился, окреп и чувствовал себя превосходно».

Болезнь на какое-то время опять отпустила, но в июле двадцать пятого года автомобиль наркома дважды попал в аварию. Михаил Васильевич получил серьезные травмы – ушибы лба, руки и ноги. Боли в желудке возобновились. Правда через неделю он выздоровел, и врачи даже разрешили ему поехать на охоту. Первого августа Михаил Васильевич, пришедший в себя, после аварии, отправился вместе с К.Е. Ворошиловым на подмосковные болота, где они и проохотились целые сутки.

Не сдаваясь болезням и, кажется, подстергавшим его случайностям, Фрунзе с прежним упорством и плодотворностью продолжал нести свою трудную и ответственную ношу руководителя высокого ранга.

Он был молод и крепок духом, стойкий и негибаемый тридцатидевятилетний наркомвоенмор молодой Страны Советов.

В конце августа у Михаила Васильевича начались воспалительные процессы на руке и ноге, что было следствием ушибов. Лечение в основном проходило дома. В эту пору проездом в Москве находилась Лидия – младшая сестра Фрунзе. Беспokoясь о здоровье брата, она на короткое время остановилась у него. Однако тревоги ее оказались напрасными, и Лидия Васильевна уехала домой в Семиреचे с уверенностью, что ее любимый брат вполне здоров и полон энергии.

В начале сентября, используя предоставленный постановлением СНК СССР месячный отпуск, М.В. Фрунзе приехал в Крым, где уже находилась его семья: Софья Алексеевна – в Ялтинской больнице, Тая и Тимур – в Алулке с няней. Сам Михаил Васильевич остановился в Мухомлатке.

В правительственном санатории, расположенном в этом живописном крымском уголке, ко времени приезда Фрунзе отдыхали Сталин, Ворошилов, Шкирятов и другие партийцы. Михаил Васильевич более всего был рад Ворошилову, с которым можно было поохотиться, а не предаваться тоскливому санаторному прозябанию. Несмотря на то, что у него, по наблюдениям врачей, вот уже восемь суток не прекращалось внутреннее кровотечение, сразу же по прибытии Фрунзе стал снаряджаться на охоту в предгорья Ай-Петри. Никакие уговоры и запреты не помогли, и он вместе с Шкирятовым, Ворошиловым и доктором Мандрыкой все же смог отвести истосковавшуюся по горным просторам душу – провести несколько часов на каменистых тропах Ай-Петри. К.Е. Ворошилов о тех днях вспоминал: «Невзирая на неудачную охоту, Михаил Васильевич буквально возродился, стал опять тем же жизнерадостным, ласковым и веселым».

организациям с письмом о необходимости укрепления и развития внутрипартийной демократии... Между тем после смерти В.И. Ленина внутри самого ЦК утверждение принципов этой демократии из-за обострения личного соперничества ряда видных партийцев, среди которых были Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев и некоторые другие лидеры, все более осложнялось. Острая политическая борьба, напряженные дискуссии, в центре которых оказались коренные проблемы развития общества, прежде всего – вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране, завершались идейным разгромом справа троцкистов, а затем, в декабре 1925 года, на XIV съезде партии, – «новой оппозиции», возглавлявшейся членами Политбюро Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Всенародное развенчание троцкизма, выявление его антисоциалистической сущности, решительное осуждение капитулянтских настроений, фракционной возни, выработка политического курса, получившего одобрение большинства коммунистов и трудящихся, означали серьезную победу руководящего ядра партии. Вместе с тем последующие события показали, что Сталин и его окружение не хотели ограничиваться одними лишь политическими победами и встали на путь командно-бюрократического подавления и физического уничтожения инакомыслящих, усмотрев в них угрозу для своей личной власти. В частности, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, в числе других лиц, сперва постановленными ОГПУ в начале 30-х годов были в несудебном порядке незаконно привлечены к уголовной ответственности (причем, обоим им обвинения вообще не предъявлялись), а в конечном счете, в августе 1936 года, военной коллегией Верховного суда СССР приговорены к расстрелу.

В тогдашней непростой обстановке М.В. Фрунзе невозможно было оставаться в стороне от идейных схваток, да это бы и противоречило его натуре смелого революционного борца. Как член ЦК, а позднее – кандидат в члены Политбюро Михаил Васильевич внес свою лепту в борьбу с защитниками антиленинских взглядов, в частности, в выработку и разъяснение партийных решений, осуждавших политически ошибочную платформу Троцкого и его сторонников. При этом Фрунзе придерживался недвусмысленно твердой, но не абсолютно однозначной позиции, считал необходимым не замалчивать действительных заслуг критикующего, трезво и объективно оценивать его достоинство и недостатки. Выступая во время обсуждения материалов XIII съезда РКП(б) на одной из районных партконференций Москвы, Михаил Васильевич прямо и убежденно говорил о нежелательности новой «литературной дискуссии», навязанной Троцким партии. «Получается вообще, – говорил народный комиссар, – что для политики он талантливый, имеющий ряд достоинств», тем не менее его деятельность приносит «колоссаль-

Казалось, усилил врачей, целительная крымская природа, доброе внимание семьи, друзей, любимая охота произведут чудо, предотвратят опасное развитие недуга. К сожалению, этим надеждам не дано было сбыться. «Все же, – писал вскоре после внезапной кончины наркомвоенмора К.Е. Ворошилов, – заявление врача о физическом состоянии Михаила Васильевича заставило нас задуматься о его здоровье. Мы все видели, что Михаилу Васильевичу необходимо прежде всего абсолютный покой. Я наотрез отказался ездить с Михаилом Васильевичем на охоту, чем, конечно, огорчил моего друга. Но сам Михаил Васильевич не унимался, охотился на зайцев, был доволен, возбужден и мечтал о настоящей большой охоте».

Но, очевидно, кровоизлияния в желудочно-кишечном тракте дали себя чувствовать. Михаил Васильевич стал недомогать и слег».

Из Москвы срочно были вызваны для консультации и принятия решения медики-специалисты, в их числе – Розанов и Касагин. После двухдневного врачебного наблюдения медики настояли на отъезде М.В. Фрунзе в Москву для дальнейшего обследования и, если понадобится, – операции. К.Е. Ворошилов оставил важное свидетельство о болезненной реакции и внутреннем сопротивлении Фрунзе такому категоричному вмешательству в его судьбу – оно, по сути, означало немедленную отставку наркома в Москву для госпитализации: «Приезд московских врачей действовал на Михаила Васильевича скверно. Он неоднократно твердил мне, что все недомогания скоро пройдут и т.п. И только когда анализ подтвердил наличие непрекращающегося кровотечения, Михаил Васильевич стал серьезнее относиться к состоянию своего здоровья и склоняться к мысли об операции».

29 сентября М.В. Фрунзе выехал в Москву вместе с Ворошиловым и другими партийными деятелями, которые направлялись на Пленум Центрального Комитета ВКП(б). Наркому же предстояло лечь в больницу и ожидать результатов очередных врачебных наблюдений.

Пожалуй, трудно придумать другое, столь неподходящее для обследования время, если, конечно, к этому не понуждали бы чрезвычайные обстоятельства.

Пленум ЦКРКП(б) – последнее предсъездовское собрание высшего партийного руководства страны – проходил с третьего по десятое октября. Кроме вопросов текущей хозяйственной и внешне-торговой политики, а также о заработной плате, профсоюзам и работе среди деревенской бедноты, на нем был рассмотрен вопрос о дате созыва очередного XIV съезда партии и утверждён его порядок дня. В связи с подготовкой к съезду и проведением партконференции на местах Политбюро ЦК было поручено от имени Пленума обратиться к местным партийным

ный вред. Эта трагичность получается вот от чего... Вглядываясь на ЦК в 1923 г., я раньше работал далеко от центра и наблюдал за процессом работы т. Троцкого, – какая шла борьба между ним и т. Лениным. У меня получилось свое представление о нем» (ЦГАСА, ф.32392, оп. 1, ед. хр. 133 с. л. 12). И далее: «Начиная с 1921 г. в ЦК он (Л.Д. Троцкий. – А. Ж.) все время твердил: «плохо, все валится, куда не годится, нам нужно взяться». Было бы лучше всего, отмечал М.В. Фрунзе, если бы Троцкий «действительно стал на большевистскую точку зрения, чтобы он по всем вопросам высказался, оставил бы свою платформу с ее перманентной революцией и перешел на сторону большевиков... Он вообще в нашей партии представляет собой трагическую крупную фигуру с колоссальными достоинствами, а выходит так, что партии приходится вместо того, чтобы использовать эти достоинства, приходится драться с ним...»

Как явствует стенограмма, горячими аплодисментами было встречено такое обобщающее высказывание Фрунзе:

«...Мы строим работу не на отдельных личностях, не на одном из каких-нибудь вождей, а на работе всей нашей партии. Партия наша настолько выросла, настолько превращается в грозную силу, что ни у меня, ни у членов ЦК нет сомнения в том, что наша партия сумеет выйти с честью и из этого испытания».

Представляется также существенным и важным то, что, критикуя Троцкого и его сторонников, призывая к укреплению единства партии «на почве большевизма и ленинизма», М.В. Фрунзе особо указывал на необходимость планомерной разъяснительной работы: «ни о каких репрессиях не может быть речи» (ЦГАСА, ф.32392, оп. 1, ед. хр. 133 с., л. 21).

Подобные высказывания не были простой оговоркой, они выражали принципиальную, рассчитанную не на один день позицию большевика-ленинца. Уместно в этой связи сослаться на доклад М.В. Фрунзе на закрытом заседании ячеек РСФСР о международном и внутреннем положении СССР 4 февраля 1925 г., в котором Михаил Васильевич вновь прямо и ясно ратовал за «твердый путь на поднятие и укрепление единства наших ячеек, единства на ленинской платформе, не прибегая к методам административного порядка к инакомыслящим» (ЦГАСА, ф. 32392, оп. 1, ед. хр. 89 с., л. 74).

Будучи решительным противником интриганства, усиления единой власти, Фрунзе, конечно, не мог оставаться равнодушным к тревожным симптомам, связанным с личным соперничеством в руководстве партии.

Думается, в свете новых фактов логичным будет предположить, что форсирование лечения болезни М.В. Фрунзе в канун важного Плен-

ума ЦК, за считанные дни до парада войск на Красной площади, участие в котором наркомвоенмора было обязательно, вероятнее всего связано с тогдашней сложной обстановкой обострившейся борьбы за лидерство в партии. В этом случае врачебное обследование операции могло быть довольно веским и удобным предлогом для временного устранения противника, чьих бы то ни было бонапартистских устремлений.

30 сентября Михаил Васильевич в последний раз и навсегда вернулся в знакомую ему еще по революционному подполью Москву, в свою привычную квартиру в многоэтажном правительственном доме по Шереметьевскому переулку (ныне улица Грановского). Сюда семья Фрунзе из Харькова переехала сравнительно недавно, в середине марта прошлого года. В этот дом после долгих лет разлуки с сыном прибыла из Киргизии и Мавра Ефимовна – мать М.В. Фрунзе.

Подстегиваемый предостережениями медиков, Фрунзе лег в больницу. В больнице у Фрунзе бывают А.С. Бубнов, К.Е. Ворошилов, В.В. Куйбышев, И.С. Уншлихт, И.К. Гамбург, И.Е. Любимов, С.И. Гусев... С каждым из этих людей у наркома было связано немало добрых воспоминаний, с каждым из них его продолжали связывать многочисленные заботы, интересы, дела.

8 октября при участии наркомздрава Н.А. Семашко у постели наркомвоенмора состоялась консультация в составе Н.Н. Бурденко, А.В. Мартынова, В.Н. Розанова, И.И. Грекова, П.И. Елистарова, Г.Ф. Ланг, А.Ю. Канель, В.В. Крамера, Л.Г. Левина, Д.Д. Плетнева, П.Н. Обрессова, которые пришли к заключению:

«1. М.В. Фрунзе болен язвой в области двенадцатиперстной кишки и остатками инфуэнции, начавшейся по пути из Крыма в Москву.

2. Болезнь, в виду ее упорства и наклонности к кровоточению, требует оперативного вмешательства.

3. Для ликвидации явлений инфуэнции, дополнительных исследований и подготовки к операции больной должен еще некоторое время (не меньше 10 дней) оставаться в больнице.

4. Срок операции будет установлен следующей консультацией».

(К истории болезни тов. Фрунзе. – Правда, 3 ноября 1925 г.)

К.Е. Ворошилов рассказывал: «Не помню точно, когда, между 7–10 октября, мы с тов. Бубновым, по обыкновению, долго засиделись у Михаила Васильевича. По выходе от него мы узнали от доктора Левина, что сейчас собрались 17 лучших врачей и профессоров для консилиума. Мы не вытерпели и тут же спросили у доктора Розанова его мнение насчет необходимости операции. Розанов уверенно ответил, что он – «за операцию». Позже вечером тов. Бубнов сообщил о единогласном решении консилиума сделать операцию.

Я уехал кончать свой отпуск, уверенный в благополучном исходе операции. Да и как можно было беспокоиться, когда Розанов и Касагин, с которыми мы часто вели разговоры о здоровье Михаила Васильевича, убедили нас, что нет ни малейших оснований для тревоги. Я поверил так, как поверили мы все, как спокойно и уверенно пошел под нож незабвенный, лучший из славных, друг и товарищ Михаил Васильевич» (Архив Дома-музея М.В. Фрунзе. Р4/173 ОС).

Новая консультация состоялась 24 октября. На ней присутствовали: В.А. Александров, Н.И. Бурденко, И.И. Греков, П.И. Елистратов, А.В. Мартынов, М.С. Металликов, П.Н. Обросов, Д.Д. Плетнев, П.Ю. Мандрыков, В.Н. Розанов; диагноз был подтвержден – «язва двенадцатиперстной кишки (или входной части желудка)», сохранились лечебные рекомендации – «предложить оперативное вмешательство». В подписанном консультантами Левиным, Плетневым, Розановым, Грековым, Френкелем, Мартыновым, Ланг, Крамером, Бурденко, Касаткиным заключении сохранились суждения, которые после трагического исхода операции могли вызвать лишь запоздалую горечь и недоумение: «Давность заболевания и склонность к кровотечению, могущему оказать жизненно опасным (?), не дают права riskовать дальнейшим выжидательным лечением (?). Предлагаю операцию, необходимо, однако, предупредить, что операция может оказаться, в зависимости от тех изменений, которые будут обнаружены по вскрытию брюшной полости, трудной и серьезной. Необходимо также считать с тем, что операция не является радикальной, что возможны рецидивы и что операция не избавляет больного от необходимости и в дальнейшем в течение некоторого времени соблюдать известный режим и продолжать лечение.

Операция может быть проведена в ближайшие дни» (к истории болезни тов. Фрунзе).

И.К. Гамбург писал: «Пока шло исследование больного, он был спокоен, шутил и смеялся. Но вот прошедшие один за другим консультации врачей установили, что налицо ясна картина язвенного процесса в области двенадцатиперстной кишки. Было решено прибегнуть к оперативному вмешательству. С этого момента бодрое настроение покинуло Михаила Васильевича. На людях он держался спокойно, распрощившись о делах и давал советы. Но когда посторонних не было, он становился озлобленным, задумчивым» (О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. – М., 1985. – С. 98).

Нарком всячески отгонял от себя недобрые мысли и предчувствия. Едва выдавалась свободная минута, писал детям забавные открытки – последние из них, адресованные пятилетней Тане и семилетнему Тимуру, датированы двадцатым октября.

Когда, уступая настояниям врачей и, должно быть, Сталина, Фрунзе вынужден был дать согласие на операцию, он решил немедленно известить об этом Софью Алексеевну и 26 октября, еще находясь в Кремлевской больнице, написал жене обстоятельное письмо. Письмо, которое оказалось для него последним.

Внешне обычное, спокойное письмо. «Ну, вот... подошел и конец моим испытаниям. Завтра утром я переезжаю в Солдагенковскую (ныне больница им. С.П. Боткина. – А.Ж.) больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах». (ЦГАСА, ф. 32392, оп. 1, ед. хр. 129 с. л. 6)

Тут обращает на себя внимание то, что Фрунзе понимал: телеграмма с известием о результате операции скорее всего опередит его письмо. И, однако же, он счел нужным написать его. Значит, ощущал потребность высказаться перед близким человеком, а может быть, старался отогнать от себя какие-то тревожные, мучившие его мысли.

Софью Алексеевну это письмо – шесть листов нелегальной бумаги, исписанных черными чернилами угловатым, не очень разборчивым почерком, в Крыму уже не застало, потому что она, зная о смерти мужа, была на пути в Москву.

В этом письме Михаил Васильевич, как бы убеждая себя и самого близкого ему человека, так обосновывал необходимость радикального вмешательства в течение болезни: «А то у нас все как-то идет хуже, хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая... все больны и на всех сыпятся несчастья...» И правда, мы представляем какой-то непрерывный лазарет. Надо попытаться отменить все это решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе. Советы врачей относительно Ялты считаю правильными. Попробуйте провести зиму там. С деньгами как-нибудь справимся».

На следующий же день после предпологавшейся операции Фрунзе намерен был начать хлопоты об устройстве в Ялте двухнедельного лечебного отдыха: «После операции недельки на 2 попытаюсь приехать к вам, чтоб не оплачивала визиты врачей из своих заработков, – на это не хватит никаких заработков... В пятницу посылаю Шмидта устроить все для жительства в Ялте».

Бодрую телеграмму в ответ на запрос о состоянии здоровья Фрунзе направил в Тифлис Серге Орджоникидзе: «Прекрасно, в четверг оперируюсь, привет. Михаил». Кажется, ничего не предвещало трагедии...

смерти. Причем существенным в концепции повести является то, что операции этой командарм Гаврилов подвергается вопреки своему желанию, по решению «наторбящегося человека», не названного ни по имени, ни по фамилии, но в котором легко угадывается Сталин. Так произошло в повести – версии художника. Что же случилось в жизни с реальным прототипом ее главного героя?

29 октября, в 12 часов 40 минут, М.В. Фрунзе была произведена операция. Делал ее доктор В.Н. Розанов при участии профессоров И.И. Грекова, А.Мартынова и доктора А.Д. Очкина, в присутствии профессора П. Обросова и докторов А.Н. Касапкина, А.Ю. Канель и Л.Г. Левина. В подписанном всеми этими лицами заключении об операции отмечалось:

«Операция, произведенная под общим наркозом, длилась 35 мин. По вскрытию брюшной полости осмотрены желудок, печень, желчный пузырь, двенадцатиперстная кишка и область слепой кишки, обнаружены обширные плотные сращения сальника в области рубца на месте произведенной в 1916 г. операции по поводу аппендицита, сращения входной (привратниковой) части желудка и двенадцатиперстной кишки со смещением их кверху и кзади, с образованием некоторого перегиба, сращения желчного пузыря, особенно в области его шейки, с двенадцатиперстной кишкой, диффузное уплотнение привратника и небольшой рубец в начале двенадцатиперстной кишки, по-видимому, на месте зажившей язвы.

Обнаруженные сращения разделены, привратник мобилизован и брюшная полость закрыта трехэтажным швом.

Большой трудно засыпал и оставался под наркозом один час пять минут».

В этом очень осторожном и, конечно же, тысячу раз профильтрованным документе вызывает полное недоумение указание на зажившую язву – ведь операция-то и делалась именно в связи с этой болезнью. И совершенно неясно, почему столько времени давался для усыпления оперируемого наркоз, какова была его доза.

Более вразумительный, чем во врачебном заключении, ответ на эти вопросы содержится в информации «Болезнь наркомвоенмора», опубликованной в «Правде» от 31 октября 1925 г.: «Большой трудно засыпал; плохо переносил наркоз и оставался под наркозом 1 час 05 минут, получив за это время 60 грамм хлороформа и 140 граммов эфира.

В виду падения пульса во время наркоза приходилось прибегать к впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность».

Вечером в день операции в больницу пришли И.В. Сталин и А.И. Микоян. К больному их не допустили. Сталин оставил для Фрунзе

27 октября М.В. Фрунзе был переведен в Солдатенковскую больницу и помещен в палату №33. До операции оставалось немногим более суток.

В этот день Михаила Васильевича навестил И.Е. Любимов, отпавляющийся в Туркестан для проведения заготовки хлопка. И.К. Гамбург в своей документально-мемуарной книге «Так это было» (М., 1967) воссоздает важные подробности той давней встречи: «Михаил Васильевич грустно посмотрел на своего старого друга и, шутя, промолвил:

– Ты что же, Исидор, не хочешь стоять у меня в почетном карауле?

Нас это очень взволновало. Исидор Евстигнеевич стал успокаивать Фрунзе, говоря, что операция закончится благополучно, и он надеется увидеть его совершенно здоровым после возвращения из командировки. Друзья крепко расцеловались.

Я убеждал Михаила Васильевича отказаться от операции, потому что мысль о ней его угнетает. Но он отрицательно покачивал головой:

– Сталин настаивает на операции, говорит, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решил лечь под нож. С этим делом покончено».

Так мы узнали глубинную причину того, почему Фрунзе согласился пойти на штурм последнего в своей жизни Рубикона, хотя и не был убежден, что сможет его преодолеть. Факт постороннего давления, настаивания на необязательном и, как сейчас ясно, смертельно опасном для организма хирургическом вмешательстве, не было секретом для современников тогдашних событий. «Ходили слухи, – вспоминает известный советский патологоанатом профессор Яков Львович Рапопорт, – что операция по поводу язвы двенадцатиперстной кишки была сделана по настоянию Сталина. В этих слухах проскальзывал намек на то, что Сталин был заинтересован в роковом исходе операции...» (Рапопорт Я. Воспоминание о «деле врачей» // Дружба народов, 1988. № 4. – С. 226).

Подтверждением этой молвы явилась «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка.

Косвенным свидетельством того, что слухи имели под собой почву, может быть и последующая трагическая судьба этого писателя, некоторых причастных к появлению названного произведения людей. Хотя сам прозаик в «Предисловии» к повести специально оговаривается, что лично Фрунзе «почти не знал», не знает он и действительных подробностей гибели наркомвоенмора и потому находит «необходимым сообщить», чтобы в повествовании не искали «подлинных фактов и живых лиц».

Произведение Б. Пильняка при внимательном рассмотрении оказывается накрепко привязанным к действительно случившейся истории с реальным героем Чонгара и Перекопа, прежде всего его внезапной

записку на бланке с типографским грифом: «Доктор Владимир Николаевич Розанов. Солдатенковская больница. Телефон № 2-28-37».

«Дружок!»

Были сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе.

«Поскучай, голубчик мой». Привет.

Мы еще придем, мы еще придем... Коба» (Архив Дома-музея М.В. Фрунзе. Р4/718 Н/В).

Судя по этой, пожалуй, несколько игровой записке, даже находясь у порога палаты №33, где уже умирал наркомвоенмор, Сталин либо не знал, либо не хотел специально обнаружить своей информированности о всей трагической серьезности положения М.В. Фрунзе. Если верить позднейшей информации в «Известиях» от 3 ноября 1925 г., Михаилу Васильевичу сообщили, что ему прислал записку тов. Сталин, он попросил записку эту прочесть и радостно улыбался». Так исподволь, но сразу же после смерти любимца армии, партии и народа, в противовес народной молве в официальной печати стала складываться легенда о неучастности «негорящегося человека» к трагедии наркомвоенмора.

Саму операцию стойкий организм М.В. Фрунзе, хоть и тяжело, с трудом, выдержал, но после нее сердце наркома стало медленно ослабевать, гаснуть. Прошел еще день в тревожном ожидании. Михаил Васильевич, ни на что не жалуясь, лежал не шелохнувшись, недвижно, словно был обмят глубоким сном. Один раз на вопрос о самочувствии, открыв глаза, тихо ответил:

— Сердце...

Попытаемся теперь в хронологической последовательности восстановить картину последних часов жизни наркома, обратившись к латинским газетным информационным сообщениям:

«После операции вызвала тревогу плохая деятельность сердца. Несмотря на все принимаемые меры, на следующий день после операции нам почти не удалось поднять пульс, который неудержимо падал».

«Сохраняя полное сознание, Михаил Васильевич жаловался только на бессонницу.

Надо отметить внимательное и заботливое отношение покойного к лечащим его врачам. Михаил Васильевич не считал себя в опасном положении и еще в час ночи 30 октября на предложенный ему мною (проф. И.И. Грековым. — А.Ж.) вопрос сказал, что чувствует себя несколько лучше».

«...К 11-ти часам ночи 30-го октября обнаружилась настолько слабая деятельность сердца, что начались перебои пульса. Опасаясь за

печальный исход, дежурившие при больном врачи вызвали профессоров терапевтов и хирургов, делавших операцию.

Собравшиеся, осмотрев больного, признали положение его угрожающим» («Красная звезда» от 1. XI. 1925 г.).

«Часа в 4 ночи 30 октября (видимо, опечатка, надо «31»). — А.Ж.) пульс Михаила Васильевича уже не прощупывался» («Известия» от 3. XI. 1925 г.)

«С 5-ти часов положение больного стало катастрофическим. Большой находился в полузабытьи, сознание потемнело. Наступил кризис. В течение последних часов врачи продолжали давать больному кислород, вливали камфару и т.д. В 5 часов 20 минут положение больного стало совершенно безнадежным.

Присутствовавшие при М.В. Фрунзе — его старший секретарь тов. Сиротинский и состоящий для особых поручений тов. Савин сообщили по телефону о состоянии больного тт. Сталину, Уншлихту и Бубнову.

В 5 часов 40 минут тов. Фрунзе не стало. Он умер совершенно спокойно, не приходя в сознание.

В 5 часов 50 минут в больницу прибыли тт. Рыков, Бубнов, Уншлихт, Сталин, Енукидзе и Микоян.

Профессор Розанов доложил прибывшим о последнем состоянии больного и о его смерти» («Красная звезда» от 1. XI. 1925 г.).

Вскрытие произвел видный советский патологоанатом, пятидесятилетний профессор I Московского медицинского института Алексей Иванович Абрикосов. Подписанный им протокол вскрытия и заключения, казалось, должен был поставить все точки над i, окончательно определив характер заболевания наркома и причину его смерти. Сделанные по всей форме, они, тем не менее, порождали новые вопросы. С одной стороны, заболевание объяснялось наличием «круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря», с другой — последствиями от сделанной в 1916 году в тюремных условиях операции по удалению аппендикита, из-за которой «имелся старый воспалительный процесс брюшной полости».

«Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, — не совсем внятно отмечалось в заключении маститого профессора, — вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повело за собой быстрый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерии, а также сохранившаяся зубная железа, являются основой для предположения о нестойкости организма

по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции». Кровотечения, последнее из которых было у Михаила Васильевича в начале сентября двадцать пятого года после ушибов в автомобильной катастрофе (в основном залечены еще в Крыму), как оказалось при вскрытии, вызывались «поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными и в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющиеся результатом упомянутых выше рубцовых разрываний». Кроме того, бактериоскопическое исследование показало: «В мазках, сделанных из содержимого в полости живота, обнаружен стрептококк» (Там же.).

У нас нет сейчас никакого основания сомневаться в высокой профессиональной компетентности медиков, причастных к операции М.В. Фрунзе. Оперировавший нарком доктор Б.Н. Розанов проявил себя как одаренный специалист еще во время русско-японской войны, с 1910 года с открытием Солдатенковской больницы он организовал и возглавил ее хирургическое отделение. В свое время Розанов принимал активное участие в лечении В.И. Ленина. Ко времени роковой операции этому доктору, обладавшему первоклассной хирургической техникой, было всего пятьдесят три года.

Еще более высок был профессиональный авторитет участвовавшего в операции ленинградского хирурга профессора Ивана Ивановича Грекова. Тридцатилетним, в 1903 году, он зашивал сердце, через десять лет впервые в России выполнил операцию удаления поджелудочной железы. С 1919 года И.И. Греков являлся председателем Хирургического общества имени Н.И. Пирогова; с 1895 года и до конца жизни он работал в Обуховской больнице сперва заведующим хирургическим отделением, а затем главным врачом.

Широко известным и признанным хирургом-клиницистом был профессор А.В. Мартынов. Знавший его видный советский хирург В.В. Ковалев в своей автобиографической книге «Призвание» рассказывает случай, что когда в том же 1925 году академику И.П. Павлову предстояло сделать срочную операцию в связи с заболеванием желчных путей, то ученый попросил сделать её Алексея Васильевича, а тот блестяще справился с трудной и сложной задачей. В знак благодарности Иван Петрович Павлов посвятил ему одну из своих монографий.

Четвертым хирургом-участником роковой операции был ученик и соратник Розанова доктор Алексей Дмитриевич Очкин (1886–1952). Почти ровесник Михаила Васильевича, он еще с дореволюционной поры работал в Солдатенковской больнице, в двадцать пятом году заведовал здесь отделением. По мнению специалистов, А.Д. Очкина отличала филигранная хирургическая техника, в 1938 году он стал профессором и

до своей смерти в 1952 году заведовал кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей. Ныне в ознаменование заслуг этого медика на территории больницы имени Боткина ему воздвигнут памятник. И другие медики, врачевавшие, консультировавшие или принимавшие то или иное участие в операции наркома, были знающие, опытные специалисты.

Тем труднее ответить на многочисленные вопросы, которые возникают при ознакомлении с историей болезни и жестокой, спровоцированной как будто обычной, рядовой, неопасной операцией нашего легендарного земляка.

Прежде всего, нет убеждающей силы в опубликованных сразу после смерти наркома медицинских документах, содержащих утверждения о неизбежности, обязательности операции. Более того, в появившемся в «Правде» от 31 октября 1925 г. информационном сообщении «Болезнь наркомвоенмора» говорится, что даже сентябрьское последнее сильное кровотечение у Фрунзе не было угрожающим: «Постельное лечение в Крыму и в больнице дало значительное улучшение». В том же сообщении (как и в диагнозах двух московских консилиумов) отмечается, что решающим доводом в пользу оперативного вмешательства была сочтена выявленная врачами «картина язвенного процесса в области двенадцатиперстной кишки, угрожающего как повторными кровотечениями, так и прободением самой язвы...» Между тем, по заключению самого В.Н. Розанова, в начале двенадцатиперстной кишки был обнаружен лишь небольшой рубец, по-видимому, на месте зажившей язвы» («Правда» от 3. XI. 1925 г.) И материалы вскрытия подтвердили, что «круглая язва двенадцатиперстной кишки» подверглась рубцеванию, правда, с указанием на дальнейшее патологическое развитие рубцовых разрастаний в оперировавшейся области. Но это значит, что отпадает главный довод в пользу необходимости операции, выдвинутый консилиумом врачей 24 октября.

Неубедительную, неуклюжую, самооправдательную по своему характеру, на наш взгляд, попытку доказательства необходимости операции и будто бы объективных причин ее катастрофического исхода предпринял по свежим следам событий профессор И.И. Греков. Приводим полностью посвященную этим и по сей день волнующим нас вопросом часть беседы корреспондента «Известий» с хирургом.

«Сейчас невольно напрашивается вопрос, почему последовала кончина. Операция относилась к разряду не гжельских. Произведена она была по всем правилам хирургического искусства, и печальный исход ее представлялся бы совершенно необъяснимым, если не взвесить данных, полученных при операции и вскрытии. Ясно, что в организме покойного были

особенности, которые и обусловили печальный исход. Революционная деятельность и связанные с нею последствия, тюрьма и ссылка, непрерывная работа на фронте, гражданская война, где Михаил Васильевич имел неоднократно травмы, ответственная деятельность руководителя армии, – все эти моменты, естественно, подорвали его здоровье и сделали организм неустойчивым в борьбе с болезнью. Невольно возникает вопрос: можно ли было обойтись без операции? Все изменения, которые обнаружены при операции неизлечимы и даже находились под угрозой неминуемой и был без операции неизлечим и даже находились под угрозой неминуемой и возможно внезапной смерти». («Известия», 3. XI. 1925 г.)

В этой лавишной газетной публикации вызывает наибольший протест то, что, ставя все с ног на голову, в ней основным виновником трагедии объявляется сама жертва операции, а точнее особенности «в организме покойного». Честного профессионального и просто человеческого (не говоря уже о научной состоятельности) ответа на вопрос о причине смерти И.И. Греков в этой беседе не дает. Следует признать, что и в наши дни, пожалуй, одним из самых непроясненных мест в биографии М.В. Фрунзе, несмотря на огромную документально-мемуарную и художественную литературу о нем, остаются факты, события, обстоятельства, связанные с самой причиной трагической гибели полководца.

Вспоминаю давнюю встречу с младшей сестрой М.В. Фрунзе Лидией Васильевны Надежиной-Фрунзе. Было это осенью 1969 года, за десять лет до ее кончины, в Ленинграде, когда я, вознамерившийся написать документальную повесть о юности полководца, разыскал в числе других интересовавших меня лиц в доме на Васильевском острове и этого кровно близкого ему человека. Лидия Васильевна, невысокого роста, седая, приветливая, несмотря на болезнь или усталость, рассказала много интересного о семье Фрунзе, о своем прославленном брате. Но когда я спросил ее о причине его неожиданной смерти, она грустно отвела взгляд и слезливо, не распространяясь, сказала:

– Была дана слишком большая при его сердце доза наркотка.

Теперь я невольно думаю об этом ответе, когда перечитываю строки заключения профессора А.И. Абрикосова «о нестойкости организма по отношению к наркоту», читаю «о плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции». Борис Пильняк нашел нужным отметить идиосинкразию людей к определенным наркотикам:

«Кокосов (ассистент хирурга, делавшего операцию командарму Гаврилову. – А.Ж.) озабоченно посмотрел на часы, склонился над скорбным листом, перечитал его. Есть организмы, которые к тем или иным наркотикам чувствуют идиосинкразию. – Гаврилова усыпляли уже двадцать семь минут».

Все, связанное с физическим уходом из жизни и устранением с активной политической арены М.В. Фрунзе, как будто бы было сделано гласно и даже широковещательно. Кажется, после смерти В.И. Ленина никогда так много и громко не писали в газетах о заслугах вождя Красной Армии. И в то же время – на всем лежит печать сокрытия какой-то тайны, печать подозрительно единодушного согласия со случившимся.

И почему боевой товарищ и соратник Михаил Васильевича по гражданской войне, с 1923 года секретарь ЦК РКП (б) и член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Сергей Иванович Гусев, вопреки официальной версии о параличе сердца наркома после операции, в своих воспоминаниях написал: «Проникшие в хирургический разрез шрептококки оборвали работу тов. Фрунзе...» (Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия: Сб. ст. – М., 1958. – С. 215). Это трезвое свидетельство тогдашнего соратника наркомвоенмора мало чем отличается от предположения видного современного советского патологоанатома профессора Я.Л. Рапопорта, считающего, что М.В. Фрунзе скончался, «по-видимому, от послеоперационного воспаления брюшины (перитонита. – Я.Р.)» (Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей» // Дружба народов. 1988. № 4. – С. 226).

Значит, жизнь Фрунзе могла оборваться и без помощи чрезмерной дозы наркотка и без создания критических нагрузок на подорванное прежними нечеловеческими испытаниями сердце?

1 ноября 1925 года «Правда», как и другие центральные газеты страны, вышла со скорбным бюллетенем о безвременной кончине наркома:

«После 24 часов 30 октября тов. М.В. Фрунзе, несмотря на все принятые меры для поднятия сердечной деятельности, при непрерывной консультации профессоров И.И. Грекова, А.В. Мартынова, Д.Д. Плетнева, В.Н. Розанова, П.Н. Обросова и врачей А.Д. Очкина, Б.О. Неймана, в 5 часов 40 минут 31 октября скончался при явлениях паралича сердца. Затемнение сознания началось за 40 минут до кончины».

Важное дополнение к этому сообщению, фактически содержащее в себе признание неопасного для жизни дооперационного состояния болезни наркома, делает в своей прощальной речи Председатель Совета Народных комиссаров СССР, член РСДРП с 1899 года Алексей Иванович Рыков. Назвав М.В. Фрунзе «одним из лучших и честнейших революционеров, очень большим человеком и выдающимся полководцем», старый большевик заявил: «Незадолго до операции тов. Фрунзе мне сказал, что болезнь не представляет непосредственной угрозы для его жизни, не мешает ему отлажаться работе на благо революции, на благо народа с таким напряжением сил, которого требуют его честь, его любовь к рабочему классу, его преданность революции. Он хотел подвергнуть себя

операции для того, чтобы работать на пользу рабочего класса и революции, отдавая этому все силы своего ума, своей воли и своих мышц» («Известия», 5. XI. 1925).

Николай Иванович Бухарин: «Масса всегда удивительно удачно кладет метки на своих руководителях. Фрунзе считала она именно «своим» человеком, который сресса с черными миллионами рабочих; который не выдает, не продает; который до конца будет стоять на своем посту. Михаил Васильевич и стоял на этом посту всю свою сознательную жизнь» («Правда», 3. XI. 1925).

Знакомая сегодня со многими взволнованными и искренними выступлениями разных людей — современников М.В. Фрунзе, нельзя избавиться от странного ощущения, что подавляющее большинство их авторов почему-то восприняли внезапный обрыв жизни наркома даже не просто как кошмарный сон или наталкивающий на серьезные и тревожные размышления случай, а как нечто, что бы там ни говорили, должное.

С попыткой представить смерть М.В. Фрунзе естественной и законмерной, а не чудовищно нелепой, предложил И.В. Сталин. В своей коимой утратой, в самый час прощания выступил И.В. Сталин. В своей короткой, лишенной почти каких-либо эмоциональных красок, речи на похоронах он заявил: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опустили в могилу» («Известия», 5. XI. 1925). Правда, здесь же это, по меньшей мере, бестактное допущение было сопровождено фразой, которая должна была означать державную озабоченность выступавшего будущностью «молодых товарищей», как будто сорокалетние «старики», солдаты ленинской гвардии, не заслуживали и нормальной человеческой судьбы или могли быть какой-то помехой для роста и выдвижения новой революционной поросли: «К сожалею, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым». Невольно возникает предположение, что первому претенденту на роль вождей уже тогда не терпелось поскорее избавиться от потенциального соперника, для чего и потребовалась легенда о его «легкой и простой» смерти. Впрочем, в последние годы «легкое и простое» отправление в могилу испытанных большевиков-ленинцев действительно вошло у Сталина и его подручных в повседневную лишь внешне узаконенную практику.

Именно против такого сверхдраматичного, если не сказать резче, отношения к ленинской партийной гвардии была направлена правдивая статья Михаила Кольцова с характерным названием «Берегите их!». «Они еще так молоды, наши «старики»: самого старшего из старших смерть скосила на пятьдесят пятом году... Не выдержало сердце. То мужественное и доброе, стальное и нежное сердце, о котором сейчас наперебой го-

ворят друзья и соратники. Можем ли мы упрекнуть бедное сердце за слачу перед шестидесятью граммами хлороформа после того, как оно выдержало два года смертничества, веревку палача на шею, владимирскую каторгу, верхожанскую ссылку, три года гражданской войны?!

И сегодня, когда мы опускаем в могилу прах того, что еще два дня назад горело, дышало, мучилось тысячами мыслей во славу великой революции, оглянемся с тревогой вокруг нас. С тревогой не за судьбу нашего дела — оно нерушимо. С тревогой и пристальным вниманием за наших старших. О них наше слово сегодня, в день прощания с Михаилом Фрунзе».

Восстанавливая реальную, а не художественно-отраженную историю гибели М.В. Фрунзе, нельзя обойти молчанием судьбы врачей-участников этой истории. Думается, не следует непременно ставить те или иные драматические повороты в жизни разных людей в прямую зависимость от гибели наркома, но то, что в некоторых случаях такая зависимость хотя бы и не явная, подспудная или тщательно скрываемая существовала, это в настоящее время становится все более очевидным.

Начнем с тех медиков, которые, по словам Я.Л. Рапопорта, «успели умереть» естественной смертью до вспышки репрессий 1937 года.

В 1928 году пятидесятидвухлетним умер Зиновий Петрович Соколов, член партии с 1898 г., участник Октябрьской революции, с 1919 г. начальник Главного военно-санаторного управления РККА, чья фамилия заместителя наркома здравоохранения значится второй после профессора А.И. Абрикосова, производившего вскрытие.

В одном и том же, 1934 году, скончались все три профессора хирурга, участвовавшие в операции наркомвоенмора: В.Н. Розанов, (1872–1934), И.И. Греков (1867–1934), А.В. Мартынов (1868–1934). В этом же году ушел из жизни, подписавший Мосздравотделом велед за В.П. Соколовым документ о вскрытии тела умершего наркома профессор Владимир Александрович Обух (1870–1934), опытный специалист, старший партиец (с 1894 г.), один из организаторов советского здравоохранения; годом позже умирает невропатолог профессор Василий Васильевич Крамер (1876–1935), участвовавший в обоих консилиумах и в последующих за операцией М.В. Фрунзе врачебных актах. В 1936 году скончалась заведующая Кремлевской больницей А.Ю. Канель. Это, так сказать, первый, естественный, будем надеяться, круг сужения свидетелей и участников трагедии, случившейся с М.В. Фрунзе в октябре двадцатипятого года. Но был, к несчастью, и другой, явно зловетший, круг такого сужения.

Так, был репрессирован последний хирург, присутствовавший при операции наркома, Павел Николаевич Обросов (1880–1937). Этому имени

вообще нет в общей справочной литературе, а в изданном в 1981 г. семнадцатом томе Большой медицинской энциклопедии неверно указан даже год его смерти, (вместо 1937-го – 1934 год). Уроженец Вологодчины, член партии с 1902 года, П.Н. Обросов с 1923 по 1927 гг. возглавлял лечебную комиссию ЦК ВКП(б) и лечебно-санаторное управление Кремля, выполнял на этом посту большую общественную работу. П.Н. Обросов был близко знаком с С.М. Кировым, дважды, в 1931 и 1933 гг., госпитал у него в Ленинграде, часто встречался с В.В. Куйбышевым даже в Серебряном бору, что на берегу Москвы-реки (Кованов В.В. Обросов П.Н. – М., 1980. – С. 61–62).

Д.Д. Плетнев и Л.Г. Левин вместе с третьим медиком И.Н. Казановым и другими лицами (в числе 21 человека) были осуждены по обвинению в принадлежности к так называемому «антисоветскому правотроцкистскому блоку».

Впрочем, профессор Института функциональной диагностики Дмитрий Дмитриевич Плетнев (1873–1941) еще до этого процесса был вначале публично опозорен, а затем и осужден после публикации в печати 8 июля 1937 г. статьи без подписи под заголовком «Профессор – насильник, садист». В статье содержался клеветнический навет некоей гражданки Б., которую три года назад врач, осматривая, якобы укусил за грудь, после чего у нее развился хронический мастит. За этот бред Плетнев лишен был на два года свободы.

В марте 1938 г. Д.Д. Плетнев вновь предстал перед судом – на этот раз как участник «правотроцкистского блока», якобы имевшего своей целью ликвидацию существующего в нашей стране общественно-государственного строя, реставрацию капитализма, восстановление власти буржуазии. Профессору ставилось в вину соучастие в умерщвлении В.В. Куйбышева и А.М. Горького, ставшего возможным благодаря «врачебным методам лечения». Непосредственным поводом для его преследования стал политический секрет, который он и не собирался скрывать от друзей. Плетнев и Левин были лечашими врачами Г.К. Орджоникидзе и, разумеется, знали, что 18 февраля 1937 года он умер от огнестрельной раны, а не в результате заболевания сердца. Но в официальном медицинском заключении, написанном корявым полупрофессиональным языком, смерть наркома объясняли «параличом сердца». Не правда ли, знакомое «обоснование», знакомая, мифическая неопределенная формула «паралич сердца»?

Дмитрий Дмитриевич Плетнев это заключение не подписал. Как не подписал ранее в 1932 году (наряду с Л.Г. Левиным и А.Ю. Канель). По воспоминаниям Я. Рапопорта, медицинский бюллетень о смерти жены Сталина Н.С. Аллилуевой, якобы последовавшей от аппендицита, а

не в результате самоубийства. В конце концов, 11 сентября 1941 года (а не в 1944-м, как явствует из девятнадцатого тома третьего издания Большой медицинской энциклопедии, и не в 1953-м, как полагает, например, редакция журнала «Знамя»; см.: Знамя, 1988. – № 4. – С. 226) Д.Д. Плетнев вместе с Х.Г. Раковским и М.А. Спиридоновой был расстрелян. 5 апреля 1985 года он реабилитирован посмертно.

Не были ли решительные отказы от визуирования липовых медицинских документов запоздалым протестом честного специалиста против произвола и беззакония, все утверждавшегося во всех сферах жизни общества в атмосфере культа личности Сталина? Мы ведь с вами, читатель, помним, что самый авторитетный терапевт страны был посвящен в тайну не только этих двух насильственных смертей. Воистину, он слышалом много знал...

Во всяком случае, думается, не случайно Я.Л. Рапопорт именно с неудавшейся операцией наркома связывает историю осуждения врачей по политическим мотивам: «В хронологическом порядке первым такого рода делом было, вероятно, дело хирурга Холина, внезапно исчезнувшего в конце двадцатых годов. Мне рассказывали, что он был арестован в связи с операцией М.В. Фрунзе, в которой он принимал участие...

По-видимому, доктор Холин был первым, кто стал жертвой обвинения в использовании профессии медика в политических целях. Но, как показала жизнь, далеко не последним».

Следует подчеркнуть, что в известных нам документальных источниках о хирурге Холине ничего не говорится.

Этот ряд репрессий – лишь наиболее очевидное следствие смерти М.В. Фрунзе. Нам еще предстоит исследовать и анализировать то, что последовало в истории нашей страны в связи с уходом из жизни этого большевика-ленинца...

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции

100-летие Касыма Тыныстанова совпало с началом тысячелетия и завершением первого десятилетия существования суверенного Кыргызстана. Можно сколько угодно говорить о случайности, но символика этой даты бесспорна. Когда, десятилетие назад, 90-летия со дня рождения одного из величайших людей в истории киргизской культуры (хотя сами они, слава Всевышнему, об этом не знали, не вдумывались в свое

ственному очищению или политических амбиций отдельных людей? Рискну кого-то обидеть, но скажу: скорее всего, и того, и другого.

Но вот определились социально-государственные ориентиры, сменились, а затем и установились приоритеты, авансы под исторические бесстрашие и популистское правдолюбие исчерпаны – и сегодня интересует (кроме разве что горстки энтузиастов-филологов) судьба дальнейшего изучения своей истории, память о тех, кто делал (или думал, что делает) эту историю...

Тогда, в конце октября 1991 года, мы огромным «культурным отрядом» выехали в Каракол на празднование тыныстановского юбилея. Несколько раньше отгремел 125-летний юбилей Токтогула, затравленного при жизни отцами или дедами некоторых из тех, кто славно гулял на этом юбилее. По всей республике прокатилась волна празднований с подчеркнуто национальной атрибутикой: это легко было объяснить и понять, ведь от советского официоза, с его мертвым ритуалом, нации (или немалочисленным ее тогдашним лидерам) хотелось сделать шаг к возвращению (и использованию) национальной специфики – с народными играми-ритуалами, состязаниями акынов, с застольем, освещенным многовековым бытием уникальной и величественной конно-кочевой цивилизации. Это требовало больших затрат – и как раз в те годы, когда люди впервые на себе ощутили морозное дыхание инфляции.

Юбилей Тыныстанова был организован масштабно – но отнюдь не только с его «этнографической» застольной части. Это был, прежде всего, праздник науки, праздник литературы – и как всякий праздник, он продумывался очень серьезно и, я бы сказал, уважительно. Это было уважение к великой трагической фигуре просветителя, но это было и традиционное почтение ко всему, что символизировало духовную деятельность. Праздничная обстановка как бы переродила людей: на пленарном заседании конференции я, помню, читал отрывки из поэмы Тыныстанова «Джаныл Мырза» на киргизском языке, а затем эти же отрывки в своем переводе на русский – аудитория была такой эмоциональной, какую теперь мало где встретишь, подстать поэтическим стадионам 60-х годов.

После юбилея, когда прошла эйфория праздника, когда вообще отолгнулась в сторону, точнее, ушла в глубину интеллектуально-нравственных исканий проблема возрождения национальной культуры, в перерыве между столетиями никто о Тыныстанове (да только ли о нем одном?) не вспоминает.

Однако вернемся на несколько лет назад. Точнее – на 19 лет. Тогда Касым Тыныстанов, Молдо Кылыч, не говоря уже об Арстанбеке и Калыгуле, были под запретом. В те годы я для себя «в стол» (ибо думать

предназначение, а просто – работали) замышлялась эта статья, многое в нашей жизни было иным. Тогда – но не сегодня, в канун его 100-летия. Не только потому иным, что поутратился наш глупый супердемократический пафос неофитов: он и должен был пройти скоро, как и смешная вера в демократические прописи по западной графологии: дело в другом – в утрате надежд на некий идеализированный «согласный ход» культурного космоса, пропорционального развития всех духовно-нравственных институтов общества. Иным было и восприятие будущего национальной культуры. Иным – и менее критическим, и более благостным – был взгляд на прошлое.

В те дни казалось, что возвращение ученого и поэта Касыма Тыныстанова в национальную (и многонациональную) культурную историю означает что-то поворотное, окончательное и изначально важное. Смешно, но от того времени у меня залежалась в письменном столе цитата – уже не могу установить, чья, но не моя, хотя мысли все как минимум наши, общие: *«Сейчас, когда народ оглядывается на свое прошлое заново, когда все мы начинаем понимать, что наша история нам практически неизвестна, ибо была скрыта, переписана и оболгана, особенно важно предостеречь себя, какими мыслями и чувствами жили те, чьи имена были впоследствии вычеркнуты из нашей памяти»*. Все здесь – от наивного эмпирического оптимизма человека, который если и верил справедливости Божьего суда, то еще более демонстрировал веру в искренность и справедливость суда людского.

Сейчас мы знаем, что народы не оглядываются на свое прошлое: это дело и удел интеллектуалов, задача немногих, и ничем это не вознаграждается в народной памяти. И многие из нас уверяются, что возвращение в духовную историю и современность забытого или неправедно преданного забвению диктуется в худшем случае политическими, конъюнктурными соображениями, в лучшем – простыми социополитическими капризами. Теперь нельзя, но приходится признать, что и новая история, якобы возвращенная, пишется столь же произвольно и с таких же, в сущности, конъюнктурных позиций... Н. Бердяев когда-то отмечал: *«Есть искренняя лживость и лживая искренность»*. Чего было тогда – 10-15 лет назад – больше в этом архимассовом, «всенародном» рывке к не только (и не сколько) открытию, сколько к безоглядному переписыванию истории, в стремлении советских (и «антисоветских») русских сказать правду (а у каждого правда своя – о прошлом, о Серебряном веке, о Столыпине, о Романовых, о ГУЛАГе), в стремлении киргизских художников указать о 16-м годе, о первых киргизских интеллектуалах, художниках? Чего было больше: истинности или конъюктуры, тоски по нрав-

о публикации было смешно) перевел Калыгула, тексты которого хранились, говорят, в госархиве, а их негласно, под большим секретом, передал крупный знаток этой эпохи Ш. Уметалиев. Я тогда поразились, сколько духовной энергии, нравственной мощи, жестокого темперамента открылось в этих стихах. Именно тогда история национальной литературы киргизов стала представляться мне явно иной. Как раз в эти годы «наверху» было, видимо, решено приоткрыть некоторые шлюзы культурной истории.

Так и была тогда, в 1985-м, создана комиссия по изучению творческого наследия К. Тыныстанова и Молдо Кылыча. Причем специалисты помнят, что если Молдо Кылыч как-то и появился в 50-е годы (как и Арстанбек) в изданной в Москве хрестоматии по литературе народов СССР, то о Тыныстанове мы знали понаслышке.

Комиссию составляли московские профессоры Зоя Кедрина и Владимир Ковский, когда-то живший во Фрунзе, от республики в нее вошли Салижан Джигитов, Мар Байджиев и автор этих строк. Были и другие люди, но совместно работали мы преимущественно в этом составе. Работа шла с использованием архивных данных. Контакты осуществлялись через отделы ЦК КП Киргыстана. Главную роль осуществлял – правда, имплицитно, ненавязчиво и дистантно – отдел науки. Мне довелось тогда поучиться снайперскому изысканию А.Ч. Какеева, впоследствии – Государственного секретаря КР, министра образования науки и культуры.

Наше заключение было представлено секретарю ЦК Медеткану Шеримкулову, а затем вышло постановление, в котором была сформулирована так сказать литературно-культурная реабилитация поэта и ученого. Партийная реабилитация произошла много раньше, но пути Тыныстанову в литературу, в историю национальной культуры отнюдь не открыла. Основным тогда, в 30-е годы, было обвинение его в буржуазном национализме; ссылались на стихотворение «Алашка» («Алашу»), якобы призывающее к возврату в прошлое, к ревизии социального строя народов Средней Азии. Это, конечно, была чушь – но чушь официально-документальная, страшная и приведшая его к смертному и горькому завершению талантливой жизни.

Тогда наша комиссия рекомендовала издать произведение К. Тыныстанова на родном языке и – что важно – ознакомить в русском переводе с его творчеством и с климатом той эпохи общесоюзного читателя. Выводы комиссии были «первой ласточкой» в грозовой весне культурной революции, сопровождавшейся – а в данном случае и опережавшей – тогдашнюю «перестройку».

Потом, уже позже, были и другие научно-творческие усилия по возвращению культурного наследия, а потом и юбилей, и широковеташельные обещания. На этой волне пошел и взлет примитивного национализма (напомню, что так было везде, в том числе и в России), сбитый сегодня экономической анархией, которая многих отрезвила и уже несколько лет как помогла понять, что нынешние партократы и демократы играют в одну игру, а «оживляя» национальный культурных традиций – одна из карт популизма в борьбе за власть.

Что же произошло за все эти годы в культуре? Так и хочется перефразировать: «Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции». На примере судьбы его наследия прослеживается судьба культуры Киргыстана, причем не только киргизской, но и русской, и всяких других. Под вывеской многих национально-культурных обществ (тот факт, что они появились и действуют, конечно же, глубоко положителен и закономерен) происходит постепенное размежевание по-своему единой многонациональной культуры на «суб-культуры» наций и, паче того, диаспор и религиозных группировок. Разумеется, вопрос этот сложен и многообъемен, а процессы размежевания естественны для какого-то не долгого промежутка времени: чтобы собраться по-новому, нужно на время разойтись. Но какими утратами сопровождается этот «развод культурных традиций» – об этом можно только догадываться. И, во всяком случае, вслух об этом почти ничего еще не сказано.

Гениальное поэтическое наследие Касыма Тыныстанова невелико, да и осталось от него немного – это единственная маленькая книжка, изданная в 1925 году, когда ему было всего 24 года, да несколько агитационных стихотворений, написанных позже и, видимо, по социальному заказу. Вынужденный публично каяться в неизвестно каких прегрешениях, он, вероятно всего, уничтожил то, что было написано, чтобы оно не стало аргументом в нарастающем обвинительном фарсе. Но – «эта маленькая книжка томов премногих тяжелей», потому что впервые именно в ней появилась как культурно исторический факт киргизская – нефольклорная, не устная, но литературная! – поэзия, потому что в ней даны первые образцы авторской лирики и помещена первая киргизская поэма, которую можно назвать романтической. – «Джаныл Мырза».

О необходимости издать книгу в русском переводе не нужно было и говорить кому-то: все соглашались, все обещали этому помочь (напомню, что дело происходило в 1990 году) – издатели, руководство Союза писателей, руководство республики. По предложению издательства «Адабият» мы – автор этих строк и профессор Михаил Рудов – ловобно и старательно (более точные или пышные эпитеты пусть изобретают критики) перевели ее на русский язык. Смею считать, что перевод

этой книги в целом мог бы стать небывалым событием в литературной жизни. Но...

Но ситуация вскоре изменилась. Карта «возвращенных имен» в 1991 году была разыграна, использована, тем более что впоследствии эту проблему на какое-то время заслонили другие – более масштабные, более грозные.

...Мы ехали на родину Касыма. По дороге в Каракол автобусы были остановлены в Боомском ущелье, и все участники-гости пошли принимать участие в скорбной поминальной молитве – на то место, где предполагалось поставить памятный монумент беженцам 16-го года. Теперь об этом монументе что-то позабыли. Так на какое-то время произошло и с Тыныстановым: да, он издан на родном языке (намного лучше и профессиональнее – на турецком, в латинице!); да, его имя возникает как некий талисман на многих политико-культурных тусовках; да, университет Каракола назван его именем. Но когда Президент А. Акаев горячо поддерживал предложение Национального университета, пожелавшего внести свою лепту в 100-летие Касыма, это справедливо прозвучало как упрек всему тому, что делалось в течение всего предшествующего десятилетия. Ведь еще в 1995 году, в канун изумительного по красоте замысла праздника – Тысячелетия эпоса «Манас» – Президент А. Акаев ясно намекнул согражданам: если народ и государство хотят, чтобы их культура – «терра инкогнита» для всего прочего мира – стала известной в других странах, вряд ли следует отказываться от многолетних высоких традиций перевода. А в Кыргызстане эти традиции были высокими.

Теперь как никогда ранее нужно готовить творческие кадры хороших переводов – но на разные языки, из которых ведущими остаются русский и другие великие языки мира. Если этого не произойдет, не только культура, но и все другие стороны национальной цивилизации навсегда будут отражены – из провинциального прошлого в еще более провинциальное будущее.

Когда я пытался говорить об этом с академиком А. Эркебаевым – и в его качестве вице-премьер-министра, а позже в качестве спикера Законодательного Собрания нашего Парламента – он меня поддержал. Как поддержал и другой известный знаток национальной литературы – Государственный секретарь КР. К ним, талантливейшим нашим литературоведам и людям, отягощенным немалой властью и, одновременно, «действующим филологам» мы обращались с просьбой издать книгу К. Тыныстанова в русском переводе. Конечно, они соглашались, что это нужно, обещали сотрудничать. Но все это осталось даже не «на бумаге» (как принято говорить), а вовсе в изустно-эпической форме – «между нами»; погово-

ли – и разошлись. Вот тогда я понял окончательно: никого не интересует прошлое родной культуры в Кыргызстане, едва оно перестало быть политической картой. Впрочем, Национальный университет, ставшая инициатором издания, которое предвариют эти заметки, доказывает обратное, как бы повторяя мысль замечательного ученого и Президента страны А. Акаева о том, что именно университеты в новом веке станут центрами культуры и хранителями цивилизации.

Сегодня книгу стихов Касыма – Первую Книгу Кыргызстана, безусловно, вершинное достижение киргизской литературы, факт культуры, во многом опередивший свою эпоху и во многом предопределивший эпоху будущую, – представляет Кыргызский государственный Национальный университет.

С выхода этой книги и должен вестись истинный отчет киргизской национальной поэзии. А ее перевод на русский язык – завершающая страница киргизско-русских литературных отношений в XX веке. Некоторые из нас еще в 1991 году думали, что это последний в XX столетии перевод на русский язык крупного явления киргизской поэзии, и, к сожалению, не ошиблись. Так что, эту книгу можно считать – уж кому как понравится – либо лебединой песней, либо реквиемом русского перевода здесь, у нас на родине, в Кыргызстане.

Несколько лет назад кинорежиссер Марат Сарулу в чрезвычайно интересном рассуждении о динамике художественной культуры Кыргызстана обронил фразу: «Киргизский художественный авангард себя уже исчерпал». Это было сказано, вероятно, прежде всего, о киноискусстве, о художниках. Считаю необходимым отметить: в литературе Кыргызстана 70–80-х годов никакого авангарда не было вовсе. Крупнейшими авангардистами являются, видимо, почетный аксакал и народный поэт Кыргызстана Суюнбай Эралиев, да еще более молодые и сегодня тоже уже народные поэты Рамис Рыскулов и Омор Султанов, которые дали образцы новой поэзии (и свободного стиха) в далекие 60-е годы. Жесткая регламентация в Союзе писателей республики, не терпевшая никаких комыслия, не предусматривала появления в замкнутом кругу никаких новых имен. Но дело в более глубоком обстоятельстве – в самом «типе» национальной культуры, в исторических корнях этнопсихологии, где почтение к старшим исключало до поры до времени появление конфликта «отцов» и «детей». Это работало в литературе на подражание, на создание подобию. Абсолютно особняком стоит в прозе Кубатбек Джусубалиев. В поэзии и вовсе не знаю никого. Быть может, применительно к киргизской литературе я и ошибаюсь, но на своей творческой лыжне в русской литературе Кыргызстана ни я, ни Светлана Сулова никогда не

зымянных массовых захоронениях тех, кто был застрелен в 37 году. Темнело, было безлюдно.

Я тогда сказал про себя: *прощай, Касым Тыныстанов!*..

Но сегодня, открывая страницы новой его – вечно юной – книги, я говорю: *здравствуй, Касык!*

Владимир КОЗЛИНСКИЙ

На куполе планеты

12 апреля 1982 года советская антарктическая станция «Восток» не вышла на ежедневную радиосвязь.

ЧП! И только на следующий день стало известно, что здесь, в краю рекордного минимума низких земных температур, в канун наступления полярной ночи полностью сгорела дизельная электростанция. При ее тушении погиб инженер-механик, коммунист Алексей Карпенко. Зимовка только начиналась. И началась она с трагедии. Предлетохла полярная ночь, которую надо было провести на высоте почти 3500 метров над уровнем моря. при средней температуре минус 60–70 градусов, в полтора тысяччах километров от ближайшей советской станции. Первый транспорт можно было ожидать лишь через полгода. Возможности для посадки самолета практически нет. И двадцать человек – среди белого безмолвия...

Об этих людях вскоре рассказали десятки советских и зарубежных газет. О них сняты фильмы, написаны книги. А тогда...

Фрунзенский ученый, кандидат медицинских наук Аркадий Максимов как раз готовил серию исследований «Начало полярной ночи». Это была сельмая по счету проба – первая была сделана еще в Ленинграде, затем в период плавания, в первые дни зимовки и т. д.

Тема исследований старшего научного сотрудника Института физиологии и экспериментальной патологии высокогорья АН Киргизской ССР «Прогнозирование работоспособности человека в экстремальных условиях». И поэтому, в силу специфики самой работы, судьба заносит его то в самое пекло Кара-Кумов, то на Памир или Тянь-Шань, то в Антарктиду, где уж чего-чего, а экстремальных условий вполне достаточно, даже в момент «штатной», то есть предусмотренной, запланированной ситуации. Вместе с заведующим лабораторией того же института А. Айдаралиевым Аркадий уже участвовал в работе 25-й советской антарктической экспедиции.

чувствовали за плечами дыхание более молодых «соперников»: их просту не было, вплоть до последнего времени. А это, знаете ли, скучно.

В отсутствии интереса и какого-то, скажем, гражданского самопожертвования в отношении к национальному литературному наследию сегодня (судьба Тыныстанова), к выходу этого наследия на многонациональные мировые орбиты (судьба творчества Тыныстанова в неизданных русских переводах), в связанном с этим стагнационным состоянием чрезмерно политизированной и лишенной возможности издания литературы (и киргизскоязычной, и русскоязычной) мне виделось все эти годы безотрадное будущее. Правда, честно скажу, сегодня я перестал быть таким пессимистом... Во всяком случае, русская литература Кыргызстана на сегодня почти не существует, а ее скорая и незаметная кончина пока зывает, во-первых, что культуру легко залушить – надо только лишить ее воздуха, и, во-вторых, что монокультура – тоже нежизнеспособный организм. Так же было у всех других – и киргизская литература пройдет через мучительное состояние безвременья и умирания, прежде чем возродиться к жизни – но уже в других поколениях, в другой истории, с другим нравственным опытом.

Сласти остатки культуры и драгоценный творческий опыт можно было бы – но для этого нужно нам всем по-иному взглянуть на происходящее. И по-иному представлять себе векторы развития литературы. Вопреки официальной литературной истории, я ощущаю связь и преемственность истинного новаторства киргизской поэзии – от начала XX века к началу века XXI – в перекличке только этих имен: Касым Тыныстанов – Алыкул Осмонов – Суюнбай Эралиев... Но что будет завтра?!

... После дней в Караколе, солнечных, многолюдных, творческих – мы все поехали в Чирпыкты, на родину Касыма. Открыли музей, провели большой митинг. Потом были байга, оодарыш, выступления акынов.

Приехали на берег Озера, где стройные ряды празднично украшенных белых юрт ждали дорогих гостей. Я знал, что юрты принадлежали колхозникам, что скот, зарезанный на угощение, тоже принадлежал им – небогатым, но гордым своим великим сородичем. То, чем угощали нас эти люди, они отрывали от себя в нелегкое время. За беседами, за «чаем-чаем» подошли сумерки. Я пошел прогуляться на берег Исык-Куля – за эти годы соскучился по Озеру; вечер был тихим и удивительно теплым для конца октября. Длинная ровная луговина перед окружавшими полюсу пляжного песка зарослями облепихи имела странный вид: образуя нескончаемую шеренгу, аккуратно, в ряд лежали отрубленные ноги – здесь разделявали скот к приезду гостей. Серые, гнетдые, карие обрубки – они жутко выглядели, разложенные ровно по четыре вдоль озерной кромки. В этот момент я почему-то вспомнил о бе-

Итак, он готовился к очередной серии экспериментов. Точнейшие приборы, которыми он располагал, могут снимать сотые доли потенциала – малейшие изменения в человеческом организме. Это на Большой земле. А на «Востоке»... До грунта – тысячи метров льда, а это значит, что приборы невозможно заземлить. Рядом работают геофизики, магнитологи, ионосферисты, чья техника в сотни, тысячи раз мощнее «нейронной» медицинской аппаратуры – а следовательно, создают такие поля, работать в которых медицинские датчики не могут. Наконец, сама Антарктида – это геомагнитный центр, а следовательно, все приборы... Да что говорить, воздух в Антарктиде, как это ни парадоксально, – ведь кругом лед, снег – в десять раз суше, чем в центре Сахары, наэлектризованность все моментально. Током бьют ручки дверей, одежда; рукопожатие товарища может выбить вполне зримую искру, из пишущей машинки невозможно вытащить копиру – пристает к пальцам...

Работая на ЭВМ, ребята надевали на палец медное кольцо и протыгивали от него проволочку к металлической стенке домика – снимали статическое напряжение.

Из дневника Максимова

7 апреля. Вчера провели очередной аврал на ДЭС. Затаскивали динзель, который будут собирать для резерва. А у нас в доме что-то часто стал выходить из строя насос в бойлерной. Видимо, сказывается низкая температура. Утром она уже держится стабильно ниже 70 градусов (73–76). Две недели не могу помыться. Не хватает энергии, чтобы натаять снега для бани.

Это – одна из записей, сделанная в период вполне «штатной» ситуации. Так что самая обычная для Антарктиды работа – уже в достаточной мере экстремальна. Очередная серия исследований должна была начаться со дня на день. Начинаясь и долгая полярная ночь. И еще. Максимов знал, что начинаются и определенные психофизические изменения в коллективе. Вполне, впрочем, естественные. Если первые месяцы пребывания на шестом континенте отмечаются обычно приподнятым, даже восторженным порой, состоянием и у опытных полярников и тем более у новичков, то потом ему приходит чувство некоторой замкнутости, отчуждения. Полярная ночь несет с собой смену ритмов, начинается бессонница... Опытные зимовщики знают это, знают, как важно в этот момент расшевелить, встряхнуть, приободрить товарищей, поднять психологический статус коллектива.

Ребятам с «Востока» судьба сулила совсем иную встряску. А врачу-исследователю Аркадию Максимова предстояло изучать, пользуясь

все той же терминологией, ситуацию, теперь уже сверхсуперэкстремальную...

Прошло не больше получаса с того момента, как Аркадий выключил свет в своей уютной, пожалуй, даже комфортабельной для этих условий комнате. Крик Сергея Касьянова сбросил его с койки.

– Пожар на ДЭС!

Может и надо кому-то объяснить, что такое ДЭС – дизельная электростанция. Полярникам таких объяснений не требуется.

ДЭС – это единственный источник энергии на станции. ДЭС – это свет и тепло. ДЭС – это вода, которую вытаскивают из снега электричеством. ДЭС – это питание для радиостанции, то есть единственная связь с родиной. ДЭС – это и питание для людей, потому что еду готовят на электроплитах.

ДЭС – это жизнь.

ДЭС – горела! Подвела та самая невероятная сухость воздуха, в которую так трудно поверить здесь – в краю вечного снега и льда в воздухе содержится всего 0,05 процента влаги – и которую так хорошо знают все, кто бывал в Антарктиде. Очевидно, самовозгорелась проводка. Огнетушители в семидесятиградусный мороз ничем существенно помочь не могли. Хлопок, чуть слышное шипение и... огнетушителю пришел конец. Ножовкой выпиливали пласты снега, швыряли снежные кубики в огонь, но и это практически не помогало. Выделяя удрушающий хлор, горел пенопласт, плавился алюминий, от жара скручивались стальные тавровые балки.

Погиб, задохнувшись в дыму, но успев отключить электроэнергию, начальник ДЭС Алексей Карпенко. Сломал ребро геофизик Дима Дмитриев. Ребята боролись с огнем до последнего. Если бы можно было завести тягач... Но в условиях полярной ночи, когда мороз доходит до 88 градусов, солярку можно резать ножом, керосин напоминает ступенку, и вся техника стоит без дела. Ее просто невозможно завести.

В восьми метрах от ДЭС находилось несколько сот тонн горючего. Ветер швырял языки пламени именно в сторону этого склада.

Время, казалось, замерло. Лишь все также летели в огонь бесследно поглощаемые им кубики пиленого снега, да без передышки, как работы, в саже, в кровоподтеках, кое-как олетые, работали люди.

Работали, боролись с огнем, не шадя себя, пока не поняли: все, больше уже ничего сделать нельзя!

ДЭС сгорела. Склад с горючим удалось спасти, но станция стремительно выстывала...

Из дневника Максимова

12. 04. 1982 г. 8 часов утра. Вот и отзимовали, встретили День космонавтики. Сегодня в 4. 30 утра был разбужен дежурным ДЭС Сергеем Касьяновым, который кричал: «ДЭС горит! ДЭС горит!» Спешно наделаю на нижнее белье кашку (костюм антарктической экспедиции. – В.К.), хватаю в руки ведро, которое стоит в коридоре – это мои действия по штатному пожарному расписанию, и бегу к ДЭС. Вижу, что горит жилая пристройка, где живут механики. Часть людей уже на крыше и пытаются кусками снега завалить пламя, которое бьет в прудом дальше углу жилой пристройки.

Начинаю пилить снег, так как внизу ребят мало и снег подавать не успеваю, подаю его стоящему на лестнице Дмитрию Диме, который передает его дальше на крышу. Но как назло сильный ветер раздувает пламя. Через тридцать минут ясно, что пристройку нам уже не спасти. Огонь начинает перекидываться во внутренние помещения ДЭС. Крыша балка под ногами ребят начинает пружинить, Борис (Моисеев. – В.К.) кричит: «Прыгайте все! Сейчас провалится крыша!»

Прошло несколько секунд, и крыша исчезла внутри балка, и все это заняло бьющую пламя.

Обнаруживаем, что среди нас нет начальника ДЭС Карленко.

Начинает гореть солярка внутри ДЭС. Ее (ДЭС), видимо, уже не спасти. Дело усугубляется тем, что ветер дует в сторону запасных емкостей с горючим, до которых всего 8–10 метров. Если они вспыхнут, то это, по-видимому, конец!

Мы остаемся без топлива. А пока ДЭС полыхает, мы с Парком (метеоролог Велло Парк. – В.К.) пытаемся спасти систему отопления в нашем доме. Нужно слить всю воду из системы, хотя ясно, что в нем нам уже не жить и не работать. Но зато ребятам потом будет легче расконсервировать дом.

Сейчас все перейдем в кают-компанию, там уже затаскают кафельницу. Иду помогать спасать склад с продуктами. Их тоже нужно перетаскать в каюту.

Дальнейшая наша судьба теперь полностью не ясна. И одного человека мы уже потеряли. Обстоятельства гибели Лехи пока никому не ясны...

Так началась самая драматическая зимовка на самой отдаленной советской антарктической станции. С момента открытия «Востока» в декабре 1957 года здесь никогда не случалось трагедии, подобной этой...

Шансов выжить было очень немного. И это понимали все. Как одна большая ледяная ночь пролетело почти двое суток, за которые никто не сомкнул глаз.

Металлолом из Антарктиды не вывезешь, все, что изнашивалось, устаревало, заменялось, выбрасывалось за 2,5 лет на «Востоке», можно найти на свалке за станцией, именуемой, впрочем, вполне респектабельно – склад открытого хранения. Эти давно никому не нужные железяки спасли их.

Инженер-буровик Борис Моисеев с помощью ребят за несколько часов восстановил почти безнадежный брошенный десятикиловаттный дизель. Кто-то вспомнил о полярном изобретении, не менее примитивном, чем надежном – печи-капельнице – приспособлении вроде буржуйки, работающей на солярке. Притащили ее в кают-компанию, зажгли в помещении, где температура уже вплотную подбиралась к нулю, начали стаскивать сюда, в единственное пока обогреваемое помещение, все, что безвозвратно мог потубить мороз. В первую очередь это были лекарства, продукты.

Перебросили кабель от ненадежного, хрипящего и стучащего дизеля к рации.

Есть моменты, ситуации, которые трудно понять заочно. В частности, что значит потерять связь с Большой землей и что значит восстановить ее. И вот связь была!

Коротко отбили сообщение о случившемся. И только тогда, совсем ненадолго, смогли остановить бешеную, иступленную работу, чуть согревшиеся у ярких вспышек капельницы, протянуть по очереди к огню затрепетавшие, содранные в кровь руки. И еще – обдумать, оценить ситуацию, в которой все они оказались.

В радиограмме, которую они послали на Большую землю, не было сигнала «SOS». Зимовщики лишь доложили о ЧП. Вскоре пришла ответная радиограмма.

Родина предлагала чрезвычайные меры для спасения своих граждан. Чрезвычайные меры – это тяжелый самолет, который имел ничтожную вероятность пробиться к «Востоку». В это время здесь никто никогда не летал. Самолет мог погибнуть. Тогда попытка была бы повторена. Если даже предположить, что полет бы удался, о посадке не было и речи. Он сбросил бы самое необходимое, например, дизель, и вновь, с необычайным риском, без навигационных приборов, при нулевой видимости проделал бы путь назад.

Но попробуй сбросить его точно! Допустим, тяжеленный дизель приземлится в километре от станции, кто, на чем – вся техника стоит до наступления полярного дня – дотянет его до «Востока»?

Спор не было. Страшным грузом легла на всех смерть Карленко. Нет, в ней никто не был виноват, но рисковать еще чьей-то жизнью? Полярники единодушно решили – справимся сами. Решение это немед-

ленно передали на родину. Чтобы не волновать родных, отбили довольно туманные телеграммы о том, что, мол, в связи с перетруженностью радиостанции, возможно, долго не будут подавать о себе вестей. Тогда еще никто не был уверен в том, что в таких условиях вообще можно выжить. Прецедентов, как говорится, не было... Начинаясь долгая полярная робинзонада на куполе планеты...

Из обычных газовых баллонов сварили еще несколько капельниц; нешадно колптившие, они все-таки давали какое-то тепло, правда, уже едва ощутимое в 2–3 метрах от печи. Сгрудились все в нескольких помещениях, здесь же сложили приборы, продукты, все оборудование, которому нельзя было подвергаться переохлаждению.

Из дневника Максимова

14 апреля. Мои ручки замерзли. Пишу карандашом. В моей комнате — минус 28. За истекшие сутки вся станция боролась за выживаемость.

Необходимо было организовать несколько точек обогрева. Срочно делаем капельницы. 2 уже установили. Одну в каюте, куда мы из заморозного склада за 6 часов перетаскали 4 тонны продуктов. Правда, основная масса картофеля и лука замерзнет: на них просто не хватает физических сил.

В каюте удается поддерживать плюсовую температуру. Другую капельницу поставили у радистов, чтобы не заморозить рацию, так как аварийной нет. Это нам удалось, и меньше чем через сутки мы вышли в эфир.

Третья точка обогрева у буровиков, где Борька (Моисеев. — В.К.) запускает единственный маломощный движок. Он будет питать рацию.

В этих трех точках мы все и разместились. У радистов — 7 человек, у буровиков — 7 человек, остальные в каюте.

Теперь уже было не до комфорта нужно было выжить.

И если бы они всё подчинили только этой цели и выжили, победили, уже и тогда это было бы актом подлинного героизма.

Но уже через несколько дней вместе с работами по какому-то, пусть хоть минимальному благоустройству, когда вопрос «дотянут или не дотянут» они до конца зимовки стоял еще со всей остротой, «восточники» возобновили деятельность по комплексной программе изучения Антарктиды. Без приказа, без указаний свыше, просто каждый понимал, во что обойдется стране срыв этой программы.

Самое драгоценное в этих условиях, энергию дителя, они использовали для работы научных приборов. Было продолжено бурение уни-

кальной скважины в толще льда и выемка кернов с такой глубины, с какой их еще никто никогда не доставал.

Как много может рассказать ученым вода, схваченная морозом более ста тысяч лет назад!

Вновь полным ходом шли исследования магнитологов, геофизические, медицинские и астрономические наблюдения. Они многое следовали здесь впервые, собрав бесценный научный материал. Об этом, очевидно, еще не раз будут говорить и писать специалисты. И, вместе с тем, понемногу налаживался быт. Было тяжело, очень тяжело, но работа создавала более или менее привычный ритм, спасала от психологических срывов.

— Наверное, по-настоящему мы поверили, твердо поверили в то, что теперь уже непременно выживем, когда в канун Первой удалось организовать баню. — рассказывает Максимов. — Первую после пожара. Выручили все те же самодельные печи-капельницы, на которые водружали бак для воды. Устаревшие, кустарные, нелепые приспособления — сколько спасенных жизней на нашем счету!

Буквально на глазах преобразились люди, вышедшие из «бани», казалась, смывшей вместе с сажей, постоянно досаждавшей зимовщикам, тревогу и отчаяние, вселившей надежду и уверенность в завтрашнем дне.

Из дневника Максимова

1.5.1982. Вот и прошли четыре месяца на «Востоке». Страшных, трагичных, целых четыре месяца. А сегодня у нас настоящий праздник, удалось в бывшей жилой комнате Моисеева Бориса сделать баню и всем помыться.

Вот уж где настоящее блаженство!

А в 4 часа дня все собрались за праздничным столом в каюте, а в наших комнатах капельницы выключили (опасаясь пожара. — В.К.).

Ели сделанные накануне пельмени. Принесенные с мороза, они варились в кастрюлю с каменным стуком. И здесь мы опять не подрастали — вскипевшая вода мгновенно остыла и пельмени превратились в кашу. (Температура пельменей, принесенных с мороза, где-то около минус 75 градусов, а вода кипит на «Востоке» при температуре плюс 82,3 градуса. — В.К.).

Посмотрели фильм (первые после пожара) «Женщина, которая поет». Голяли наш единственный движок полный день. Можно же было и себе сделать праздник!

Итак, подводя итог с 12 апреля по сей день, можно сказать, что сделано много.

1. Созданы капельницы и очаги тепла.
2. Заготовлено топливо.
3. Сохранена основная часть продуктов.
4. Наложена связь, хотя ограниченная.
5. Наложена трехразовое питание.
6. Построена баня.

Но праздники проходят. И вновь начинаются будни. «Штатные» будни на замерзающем «Востоке», каждый день которых – подвиг!

Тяжелая, изматывающая работа. Как мало оставалось порой до срыва, до отчаяния, когда – гори все синим пламенем! – хватит, нет больше сил для борьбы...

Но именно здесь ты всегда на виду. Именно здесь невозможно скрыть не только поступок – мысль. И видя, что товарищу тяжело, другие приходили ему на помощь. Добрым словом, шуткой, внезапно нужной срочной работой, которая скрепляет крепче цемента.

Вот возникла идея – механизировать разлив солярки по капельницам. Несколько дней изнурительного труда. Под бочки укладывали металлические опоры – катили по ним, так как сухой снег тормозит не хуже песка. Задача решена и: «Молния. 1 августа 1982 года. Сегодня ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ!!!»

Горячо и сердечно поздравляем жителей дома геофизиков – ПЕРВЫХ железнодорожников ст. «Восток», которые впервые в тяжелых условиях бездорожья и экстремально сурового климата проложили железнодорожную ветку ГСМ – дом геофизиков длиной 20000 см и, не щадя животов своих, провели по ней тяжеловесный состав из 50 бочек с дизтопливом.

ВАШ беспримерный подвиг навсегда останется в памяти ваших товарищей и грядущих поколений!!!
УРА!!! УРА!!! УРА!!!»

А потом начался отсчет дней до восхода солнца, до конца полярной ночи, до прихода товарищей.

Из дневника Максимова

23. 11. 82 г. Сегодня собираемся встретить поход. По последней связи наши радист выяснили, что они планируют прибыть к нам часа в 2 дня, но уже с утра все нет-нет да смотрят в сторону Мирного. Валька Морозов на завтрак заявил, что он видит точки на горизонте, хотя даже в бинокль там еще ничего не было заметно. Только где-то около 12 часов на горизонте появилась серая полоска. Это выхлопы мощных машин. Около часа дня нас 9 человек пошли к символическим воротам станции, которые представляют собой два столба из поставленных друг на дру-

га бочек. Эти ворота находятся от «Востока» в 1 км и там по традиции устраивается первая встреча похода. На горизонте дымный илиейф разрастается все явственнее, и совершенно незабываемое зрелище, когда из него начинают появляться сначала темные точки, затем уже можно разглядеть движущиеся квадранты, которые на глазах преобразуются в мощные самкатковые машины. И вот уже армада ярких красных «харьковчанок» и тягачей АТТ подходит к воротам. Нас приветствуют залпы из ракетниц, мы отвечаем тем же. На головной машине транспарант «Мужественным Восточникам протягивают руку Мирные». Бросаю взгляд на часы, на них 14.12. Все мы садимся в машинны и уже вместе с походниками прибываем на станцию. Затем торжественное построение экипажей машин и всех «восточников». Наши повар преподносит хлеб-соль, походники дарят торт. Сейчас все они пойдут в баню, затем банкет в каюте.

Те, кто приехал, были потрясены. Хрустящие, сверкающие белозной простыни. Накрытые столы. И действующая, ведущая полным ходом программу исследований станция! Бодрые, не потерявшие присутствия духа, люди.

Был здесь, конечно, у «восточников» свой определенный кураж. Не ныть, не хныкать! Показать, на что способны!

Что и говорить, не каждую ночь спали здесь на накрахмаленных простынях, не каждый день лакомились тем, что выставили для приезжих на праздничные столы...

Люди были измотаны. Но когда пришло время «мирянам» вращаться, ни один из «восточников» не согласился уехать с ними.

Из дневника Максимова

3.12.82 г. Вчера в 13 часов проводили походников в Мирный. Они нам помогли подготовить полосу для приема самолетов, откатали ее, выровняли, утрямбовали. Совместно с нашими механиками запустили 70 кв. ДЭС, которую они нам доставили. Теперь можно будет оживить все раньше замороженные комманды, а также здание аэрологии. За эти дни изрядно устали, т. к. все работали на разгрузке грузов, которые были доставлены, а это около 5 тонн тубов и лесоматериалов. 4 тонны муки, новый жарочный шкаф, дизель-электростанция и много всяких мелочей. Длительная работа на открытом воздухе, даже теперь, когда тепло (минус 35–40), приводит к озноблению легких, обострению миазита и других болячек, которые потихонечку прицелились к нам за зиму. У меня опять заболело ухо, кашлю, да еще повянуло кисть левой руки, так что теперь ничего не могу ею взять тяжелого. Теперь уже вплотную будем готовить станцию к передаче новой смены.

Что еще рассказать об этих людях? На «Востоке» началось лето, весьма условное, прочем, если учесть, что «тепло» – это минус 35–40 градусов, но в этих условиях уже возможны полеты.

Прилетел первый самолет, за ним еще и еще. В идеальном состоянии слав 28-й советской антарктической экспедиции станцию «Восток», полярники покидали Антарктиду.

Правда, многие, в том числе и Максимов, чьи материалы, собранные в период этой зимовки, оценены научной общественностью страны как абсолютно уникальные и неповторимые, еще не раз вернутся туда, где навечно укреплена мемориальная доска в память о подвиге коммуниста Алексея Карленко и стоит небольшой самодельный памятник этому мужественному человеку.

Антарктида – манит смелых...

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

Алые маки Иссyk-Куля

Еще в начале 90-х, определяя материальную базу обретенного суверенитета, Кыргызстан обратился к возможности возродить легальные наркососевы. К тому зывали «красные профессора» – академики старой школы и ретивое чиновничество. Не желая считаться с реалиями, они с пеной у рта доказывали, что только так можно поднять экономку. Опиум преподносился как панацея от всех невзгод, мерило благополучия, залог будущих бизнесуспехов. «У нас, аборигенов, опиумный иммунитет», – вещало нарколоббиз. «Мы выращивали мак десятилетиями, использовали его от всех болезней, и наркоманов не было». А на всяких там моралистов – плевать! Государству хватало тогда здравого смысла не скагитаться до дешевого популизма и лжепатриотизма.

А вскоре, в полной мере осознав опасность, Кыргызстан выработал собственную антинаркотиковую стратегию, встал в фарватере региональной антинаркотиковой борьбы. Здесь, первой в республиках бывшего СССР, была создана самостоятельная Служба по борьбе с наркососевом, Государственная комиссия по контролю наркотиков при правительстве республик, преобразованная недавно с помощью ООН в спецслужбу. Принимались и другие адекватные меры. В результате страна заслужила имидж надежного и последовательного наркоборца.

В этой связи, по истечении десяти лет, трудно даже поверить, что проблема возрождения наркососевов тогда могла обсуждаться всерьез. И все же...

История вопроса.

С началом Первой мировой войны, с прекращением поступления из Турции опиия, а из Германии – морфия, царское правительство для нужд фронтовой медицины было вынуждено в 1916 году начать сеять опиийный мак на Дальнем Востоке и в Туркестане – климат благоприятствовал. И в Семиречье, главным образом в Иссyk-Кульской котловине, были собраны первые 26 тонн опиия-сырца.

В 1917-м посевы и заготовка опиия-сырца были сосредоточены в Киргизии, входившей в Семиреченскую область. В связи с контрабандой его в Китай в 1920 году опиий объявили государственной монополией, а наркотрафик – опаснейшим государственным преступлением. Карательные органы получили право применять к совершившим его лицам «внесудебную расправу вплоть до расстрела». Архивные материалы полны кровавыми перестрелками, погонями, массовыми ссылками заповоленных в наркоконтрабанде в концентрационные лагеря.

К 1928 году отечественный опиий уже полностью обеспечивал потребности страны, часть даже шла на экспорт. Встал вопрос об улучшении качества сырца, в связи с чем, например, было задержано с фальсифицированным опиием 18 человек, привлеченных к уборке урожая. Так начался счет «наркосудимостям». А через 45 лет, к концу опиийной эпохи, в «не столь отдаленных местах» за хищение, хранение, фальсификацию и продажу макового сока побывал каждый восьмой взрослый иссyk-кульчанин.

В тридцатых годах главным источником хищений опиия становятся колхозные плантации в период уборки урожая. Стоимость одного килограмма зелья на черном рынке к тому времени достигла 1500 рублей, а слаточная цена государству – тринадцать с половиной. На гигантской разнице в ценах до сих пор играют наркобизнес доллар несет 12240 долларов при-что один вложенный в наркобизнес доллар несет 12240 долларов прибыли! Ясно, с чего сегодня жируют наркобароны, вооружаются террористы, цветет коррупция?!

Тогда же, в далеких 30-х, сложились преступные связи, действовавшие потом много лет. Похищенный опиий переправлялся в Россию, Ташкент, Туркмению и Закавказье, и там перепродавался по баснословно высоким ценам. Пожелтевшие архивные папки сохранили информацию об одном из первых «опийных дел»: в 36-м НКВД обезвредил-таки мафиози Лян-Юн-Фу, что многие годы сбывал зелье в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии – в месяц не менее 5 пудов сырца. Во Фрунзе прозванный «желтым китайцем» Лян содержал 10 наркопритонов. При обыске у преступника изъяли множество опиия, морфия, героина.

на и кокаина, массу шприцев, калянов, червонное золото, царские монеты, громадные суммы советских денег.

Это одно из первых дошедших до нас уголовных преследований знаменавало явление, оставившее «опийный след» в судьбах многих кыргызстанцев. Уже в пятидесятых годах в республике собиралось до 80 % выращенного в СССР опия-сырца и 16% его мирового производства. Соответственно процветал и наркобизнес. По подсчетам старых миллионских аналитиков, не менее четверти собранного урожая попадало на черный рынок.

Даже тогда, при тоталитаризме, в условиях жесточайших репрессий, бешенные опийные деньги создали целую наркоиндустрию. Известны семейные кланы дельцов, передававших наркобизнес по наследству — Джабраиловы, Тагаевы, Ковальковы, Орозовы... В 50–70-х органы внутренних дел обезвредили десятки орудовавших по всему Союзу разветвленных преступных групп, уходивших корнями в маковое Прииссыккуле. Одна только состоявшая из 22 членов шайка Чернышевой, что на протяжении нескольких лет расхищала сырец на плантациях, складах, приемных пунктах Иссык-Кульской области Киргизской ССР, вывезла и реализовала во Фрунзе, Ташкенте, Ашхабаде, Мары и Байрам-Али свыше 200 килограммов опия-сырца. Чтоб раскрутить преступную цепочку, понадобились совместные усилия правоохраны четырех союзных республик — Киргизии, Казахстана, Узбекистана и Туркмении.

Не правда, что в те времена не было наркоманов. Не столь много, как сейчас, но потребители были всегда. Иначе кому предназначалось ворованное зелье? Были они и в Киргизии, где сегодня, кстати, по разным оценкам их количество приближается к 50 000! Хищения же во время сбора сырца и вовсе принимали массовый характер. Несмотря на тотальную проверку, а к охране урожая тогда привлекалась милиция со всего Союза, редкий колхозник возвращался с плантации хотя бы без нескольких граммов подсыхающего макового сока. На какие только ухищрения шли — глотали самодельные капсулы, влетали в косы, вшивали в одежду, накрепко привязывали к хвостам специально принесенных с собой кошек... Бывало, чтобы выполнить план, поля прочесывали специальные собаки (бедных животных прикармливали опиум). Кинологи только успева-

ли извлекать закопанные до конца сезона и снятия охраны стеклянные банки и кружки, наполненные окаменевшей «маковой слезой»...

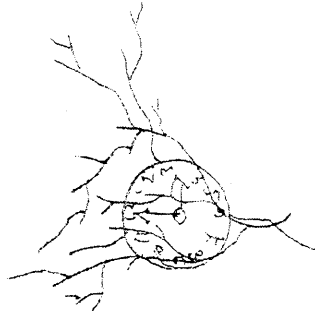
И на какие только ухищрения не шли контрабандисты, чтоб провезти добычу сквозь многочисленные посты-заслоны! Но, больше чем на взятки (хотя и их хватало), матерые наркотрофи рассчитывали на хитроумные тайники, схроны. Ничего святого — отец, отдавший миллионскому труду без малого 40 лет жизни, рассказывал, как в конце 60-х была взята преступница, провозившая опиум... в выпотрошенном трупике новорожденного!

В последний раз иссыккульский мак отшел в 1973-м. Боясь дальнейшего роста наркобизнеса и связанного с ним негатива — оргпреступности, коррупции, наркомании, в ответ на настоятельные просьбы ООН, Москва распорядилась прекратить здесь промышленное производство опия. В небольших количествах зелье еще какое-то время мелькало в оперсводках, но вскоре сенсацией стало изъятие даже 20–30 граммов. Но уже с начала восьмидесятых Иссык-Куль стал привлекать не только тысячи отдыхающих, но и толпы наркоманов, переключившихся на гашиш.

Занимавшие сотни гектаров, дикоросы местной конопли отличались убойной силой (а значит, и суперценой на черном рынке) и невиданной плодovitостью. За сезон милиция задерживала многих заготовителей со всех уголков Советского Союза. А вскоре в этот доходный бизнес включилось и местное население. Не трудно представить, что было бы, посей здесь опять гораздо более дорогой мак. Только один штришок — в 1991 году, когда «идея возрождения» только витала в воздухе, цены на жилье в предполагаемой опийной зоне взлетели буквально в одночасье. Приезжие, по большей части с Кавказа и Прибалтики, платили не торгуясь. Мафия всегда готова платить. А не сговорчивых — убирать.

Тогда же, в 91-м, задумывался Деловой проект «Галеновые препараты Кыргызстана». Но предвзительно создали рабочую группу, куда вошли лучшие специалисты. И изучили проблему комплексно — от экономической целесообразности до современных способов снижения потерь. Работали столь глубоко, что отыскали даже следы элитных маковых семян, которые перед распадом Союза были тайно вывезены из республики...

Доклад их был категоричен — «выгоднее сажать картошку». Покупки опия для медицинских нужд, во-первых, жестко котируются, а уже тогда наблюдалось его перепроизводство. Кыргызстану оставалось бы лишь торговать по демпинговым ценам, что, во-вторых, неминуемо привело бы к конфликту со странами-производителями — Индией, Пакистаном, Турцией, Австралией, обструкции со стороны мирового сообщества в лице ведущих стран мира и ООН, немало вкладывающих в

Кыргызстан. На легальный опийный рынок сегодня не может выйти даже Афганистан, произведший в прошлом году 3400 тонн дешевого наркотика.

И, наконец, в-третьих, чтобы обеспечить надежный уровень охраны по всей технологической цепочке поле – завод – аптека необходимо было вложить столько, что сажать картофель становилось войсину дешевле. И выгоднее. Но даже применяемые, например, в Австралии, супертехнологии не обеспечивают стопроцентной сохранности урожая. Если же выращивать и собирать его дедовскими методами, мы очень быстро превратились бы в зону особого внимания международной наркомафии. И баткенское нарковоружение-2000, когда в республику вторглись вооруженные наркотеррористы, показало бы нам безобидной «Зарницей», чем-то вроде бойскаутских игр...

Кубань МАМБЕТАЛИЕВ

«Русский вопрос» в Киргизии

В минувшем году парламент Киргизии по инициативе президента Акаева узаконил русский язык в качестве второго государственного. Это было сделано не в угоду официальной Москве, а ввиду реалий нашей жизни, в которой русская речь используется повсеместно и повсеместно. В Бишкеке не было протестов против закона о русском языке, как это имело место в Кишиневе. Проблемы здесь лежат в иной плоскости.

15 лет назад русских было 22% населения республики, украинцы и белорусы добавляли еще 3%, в итоге выходило, что славяне составляют четвертую часть народа Киргизии. По данным переписи 1999 г., доля славян снизилась до 14%. Это результат миграции в Россию. Выезд на историческую родину продолжается. Остановить его можно лишь в том случае, если превратить киргизский «остров демократии» во вторую Швейцарию. Но в это уже никто не верит, даже сам президент, который вдохновенно озвучивал такую мечту. Валерий Улеев (славянин из Джалал-Абада) прав, говоря, что «даже если русский язык сделают первым государственным, миграция не остановится». Причины тут разные.

Сначала был хрестоматийный национализм, эйфория от суверенитета, иллюзия, что сами себя продавим к прогрессу. Убрали русских с занимаемых ими постов, внедрили быговой патриотизм. Титульное население создавало для русских атмосферу неприятия. Предлагали уни-

раться домой, они и убирались. Но эта волна была временной, агрессия погасла. Патриоты опомнились и поняли, что корень зла никак не связан с русскими. Потом был крах промышленных предприятий, безработица. Киргизы уже не посылали русских в Россию, а сами туда устремились в поисках куска хлеба. Началось великое челночное переселение народов. Сейчас на сибирских просторах России в системе товарооборота занято полмиллиона киргизов. Если учесть, что их всего-то пять миллионов, то это совсем не пустяк. Учтем и то, что республика, в которой 99-процентный уровень грамотности населения, имеет уровень бедности 55%. На этом фоне уже никого не удивлял процесс миграции русских в Россию. Теперь никто не считает, что они бегут от киргизов. Сработал не этнический момент, а инстинкт самосохранения, вызванный внешними событиями. Очередным толчком стала «баткенская война» с боевиками Исламского движения Узбекистана, которая шла в летние месяцы 1999 и 2000 гг. на южной границе Киргизии. 11 сентября 2001 г. оказалось следующим толчком ввиду потенциальной угрозы от боевиков бен Ладена. Такова динамика миграции – от толчка к толчку. Это внешняя сторона «русского вопроса», здесь корни в политике.

А внутренняя сторона зависит от психологии и средств массовой информации. Русскоязычные средства играют в республике ведущую роль. Местные русские газеты самые многотиражные и самые читабельные. «Комсомолец правды», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» именуют в Бишкеке свои представительства. Есть корпункты ИТАР-ТАСС и Интерфакса. Телепередачи ОРТ и РТР доступны всему населению, они идут в метровом диапазоне. Местные телеканалы дециметрового диапазона ретранслируют НТВ. В Бишкеке внедрена платная кабельная сеть, которая делает доступными все ведущие российские и европейские телеканалы. Иначе говоря, в этом смысле нет никаких проблем. В киосках продается целое море российских развлекательно-эротических и криминально-патетических изданий в широком ассортименте, от «СПИД-ИНФО» до «Желтой газеты».

Нет проблем и в сфере образования. Каждый русский ребенок в Киргизии имеет возможность получать образование на родном языке. В маленькой стране более 43 местных университетов и 7 филиалов российских вузов. Есть и иностранные университеты – американский, турецкий, кувейтский. Количество студентов в 1990 г. составляло 58 тыс. человек, а в 2000 г. – 188 тыс. В этом году президент Акаев даже удивился: зачем так много университетов наплодили? В каждом из них преподают на русском языке, без которого и шагу не ступишь. Самым престижным и самым качественным из вузов является Славянский (Кыргызско-Российский) университет.

Первые русские, пришедшие сюда в XIX в., украшали трудом эту землю, передавали свои навыки местным кочевникам. Процесс был взаимным. Русские учили киргизов искусству земледелия, киргизы учили русских искусству скотоводства. И язык друг друга постигали взаимно. Первые русские переселенцы говорили на киргизском, ибо в те годы русская речь здесь не была универсальным средством общения. Если тогда трудно было найти киргиза, владеющего русским языком, то сейчас трудно отыскать киргиза, который не владеет им. В любом, даже самом отдаленном киргизском селе носителю русского языка не потребуется переводчик. В те времена трудно было найти переселенцев, которые не стремились бы постичь киргизскую речь – это для них было жизненной необходимостью. И так продолжалось до тех пор, пока русский язык не вышел на первый план, что случилось при советской власти. Пошел обратный процесс – киргизы поняли, что будущее их детей зависит от русского языка, а русские убедились, что для их детей уже нет жизненной потребности в киргизском языке. Подобное случилось в колониализированной англичанами Индии, где английский стал для местного населения фактически родным языком. Таким же родным для киргизов стал русский язык.

Киргизы никогда не создавали для инородцев атмосферу обществено-бытовой нетерпимости, принуждая их изучать местный язык, как это было в других союзных республиках, отличающихся иным менталитетом. В итоге это привело к тому, что знатоки киргизского среди местных славян встречались редко. По этой причине у киргизов всегда вызывали восхищение те русские, которые свободно говорили на киргизском. До сих пор здесь с уважением и любовью вспоминают академика Юдахина, автора киргизско-русского словаря и великолепного знатока киргизской лингвистики. Такие личности были единичными, но они были. Сейчас среди славян тоже встречаются носители киргизского языка, их сразу замечают, им дают высокие должности.

В 1986 г. в городе Пржевальске (так назывался в те годы административный центр Иссык-Кульской области) в зале пединститута, где я работал, перед аудиторией выступал секретарь обкома комсомола. Это был период начала горбачевской перестройки, появились первые стихийные очаги национального самосознания. В зале сидели в основном патриотично настроенные киргизы, в президиуме – идеологически подготовленные парткомраты. Все они говорили на русском языке, призывая к коммунистической бдительности. А лидер комсомольцев выступил на киргизском. Выступил так ярко, что сидевшие в зале аксакалы встали и дали ему мусульманское благословение. Дело в том, что лидер этот был самым настоящим славянином по имени Александр Костюк. Сейчас он

министр сельского хозяйства Кыргызской Республики. Есть и другие подобные примеры.

В борьбе за сохранение родного языка всегда бывают перекося. У нас в республике тоже был период «киргизофильства», когда все слова переводили на свой язык. В итоге получался абсурд. Такие понятия, как «радио», «телевидение», «авиация» и т.п., звучали на киргизском просто дико. Люди перестали понимать друг друга. Радио обозначали сочетанием «ун алгы» (брат голос), телевидение – «сын алгы» (брат облик). Все это, конечно же, не прижилось. Разве мог прижиться такой шедевр, когда «талстук» перевели в «маланий ычкыр» (культурный поясок). «Ычкыр» – это тесьма, которая используется в качестве брючного пояса. Вот этот самый «ычкыр» блустители языка передвинули на шею, полагая, что он там уместен. Просто не нашли другого эквивалента. Весь этот кошмар был очень похож на тот период из истории России, когда славянофилы переводили на русский язык «калоши» как «мокротуль». Киргизы, как ни странно, «калоши» в конце XX в. перевели точно так же, как в конце XVIII в. это делали русские коллеги, – «суу баскыч» (мокроступы). Это смешно, когда проходит. У нас тоже прошло. Синдром киргизофилии сохранился лишь в передачах Кыргызской службы радио «Свобода». У них, видимо, имеется установка от госдепартамента США: внедрять исконно киргизские слова. Иначе зачем там настырно продолжают употреблять в передачах те «ычкыры», которые уже вышли из речевого обихода ввиду их неуклюжести.

В жизни побеждает здравый смысл. Это касается и 600 тыс. русских, проживающих сегодня в Кыргызской Республике. Меняется не только их бытие, но и сознание. Появляются новые штрихи в психологии и поведении. Это касается и 3 млн. 200 тыс. киргизов, которые верят в то, что на их земле не будет основы для проведения игры под названием «Последний русский».

Необходимо избантъ журналистнику от обяанностей «служанки администрации»

3. *Джумабаева.* – Кубан Ильясович, каково сегодня положение свободной прессы в Кыргызстане? Произошли ли кардинальные изменения после прихода новой власти?

К. Мамбеталиев. – Крупных изменений на сегодняшний день не наблюдается, по крайней мере, таких, которые были изначально задекларированы властями. Они и не произойдут, пока существует статус государственных СМИ. Нынешней власти необходимо отказаться от кон-

ственная газета Кыргызстана» – официальный печатный орган Жогорку Кенеша и правительства.

У них же в планах сделать «Эркин-Тоо» печатным органом парламента. А зачем парламенту иметь свой печатный орган в масштабе республиканской газеты? Это абсурд! Что они там собираются печатать? Естественно, впоследствии возможны противостояния парламентских СМИ и правительственных. Они начнут болатар. Пусть лучше будет один печатный орган, публикующий всю необходимую информацию, идущую от главных ветвей власти.

З.Дж. – Кубан Ильясович, если все же будет происходить разгосударствление, то одним из вариантов выступает модель распределения акций в пропорции 51% на 49%. Не получится ли, что кыргызстанские СМИ будут носить полустатусный – полугосударственный характер?

К.М. – Изначально может показаться и так. Государство владеет контрольным пакетом. Но на деле это не имеет большого значения. Это уже не государственная модель. Потому как здесь уже действует «Закон об акционерных обществах». К примеру, 80% акций будут отпаны государству, но они могут быть в виде помещения, транспорта, оборудования, находящихся на балансе государства. В дальнейшем коллектив газеты может постепенно все это выкупать. Тут важно, что пошел сам процесс разгосударствления.

З.Дж. – А как будет происходить процесс определения процентного соотношения?

К.М. – На основе решения собрания акционеров будет создаваться устав АО, а Госкомимущество с оценочной комиссией будут определять долю владения. Где-то есть помещения, где-то нет.

З.Дж. – Тогда вполне обоснован страх редакция за свое будущее. К примеру, за свои помещения. Если они их лишатся, то огромные коллективы бывших государственных СМИ могут остаться на улице.

К.М. – Сейчас перед властями стоит проблема: идти ли на этот шаг? Ведь он действительно требует жесткости, ответственности, смелости, наконец. Некоторые газеты просто не желают уходить из-под опеки государства. Они хотят и дальше выполнять заказы властей, получать деньги из бюджета. Такова позиция некоторых журналистов, редакторов. Поэтому они начинают запускать всех возможными акциям протеста, забастовками и т.п. Но не нужно идти у них на поводу.

Вот, например, коллектив НТРК. Почему он противится идти на обновления? Неужели сотрудники хотят жить на 800–1000 сом в месяц? Или, используя действующую структуру канала, они имеют другие источники доходов? Иначе как понять их нежелание развиваться и улучшить условия работы, повысить заработную плату? Ведь канал можно

троля над СМИ. Демократию мы раскрепостим лишь тогда, когда проведем процесс отделения СМИ от государства. Необходимо избавить журналистику от обязанностей «служанки администрации». Требуется начать процесс разгосударствления печатных и электронных СМИ, дадим возможность развиваться в рыночных условиях. Пусть они сами формируют и завоевывают свою читательскую среду и зрительскую аудиторию. Ситуация должна развиваться не по указу правителя, а по законам спроса и предложения.

З.Дж. – То есть у Вас уже есть претензии к новой системе?

К.М. – Ранее, будучи еще исполняющим обязанности президента, Курманбек Бакиев заявлял, что все государственные средства массовой информации, включая Национальную телерадиокорпорацию, правительственные издания «Кыргыз туусу», «Слово Кыргызстана», «Эркин-Тоо», должны быть общественными, что правительству достаточно иметь один печатный орган, в котором бы публиковались официальные решения. Была создана рабочая группа по реформированию государственных СМИ, которую возглавил и.о. вице-премьер-министра Адахан Мадумаров, я был определен его заместителем. Кроме нас в состав группы вошли еще представители Госкомимущества, Министерства юстиции. Мы проработали возможные модели реформирования. Но до сих пор окончательное решение не внесено, так как комиссия не может закончить работу в силу различных обстоятельств: выборы, инаугурация, поездка А. Мадумарова, его отпуск. Только в этом месяце комиссия соберется вновь и даст рекомендации уже избранному президенту, для принятия окончательного решения.

З.Дж. – И каким, по Вашим прогнозам, будет результат?

К.М. – Уже сейчас я могу сказать, что чиновники высокого ранга в лице Мадумарова и всех, кто за ним стоит, будут категорически против того, чтобы сделать НТРК общественным телеканалом. Они хотят сохранить его в качестве национального телеканала, а ведь национальный это и есть государственный.

Получается, что до выборов говорили одно, а после происходит совсем другое, идет даже больший откат. Они не хотят отпустить и государственных газеты, планируют оставить все 3 ведущие государственные газеты. Хотя логичнее было бы оставить одну единственную республиканскую государственную газету, которая бы выполняла функции печатного органа и парламента и правительства. Например, как предложил я, на базе газеты «Эркин-Тоо». Изменить ее название, быть может, оставив логотип. (С самого начала своего издания, с 1924 года, она стартовала и действовала как государственная.) Назвать «Государ-

сделать мощным ТВ центром. А если не будет создана модель общественного телевидения, то не нужно рассчитывать ни на получение грантов, ни на поддержку международных организаций, ни на крупных рекламодателей.

Властей отпугивает возникновение проблемных ситуаций, обещанных редакциями государственных СМИ.

З.Дж. — Но ведь идея создания общественного телевидения все равно обговаривается?

К.М. — Мадумаров озвучил следующую ход, который, на мой взгляд, является достаточно хитрым. В Оше существует областной канал «Ош-3000», на базе которого предполагается организация общественного телевидения. В результате, оно будет функционировать только в рамках Оша и области. А как же остальной Кыргызстан? Создавать общественное телевидение в республиканском масштабе нужно в столице, используя метровой 7-й канал. Главная контора должна быть здесь, а там — филиал. Иначе получатся две финансируемые структуры: НТРК и общественное телевидение, потому что общественное телевидение должно финансироваться из государственного бюджета. В какой пропорции будет происходить финансирование? Ну конечно не в равной. А потом через год, подводя итоги их деятельности, сделают вывод, что модель общественного телевидения не оправдала себя. Захотят! Давайте вообще забудем о ней! В таком случае нам остается только ждать третьего президента, более прогрессивного, который начнет реальную реформу СМИ. Пока же на практике никаких реформ нет.

З.Дж. — Есть ли опасения по поводу того, что в стране может вновь повториться прежняя ситуация со СМИ?

К.М. — Вспомните, как было при Аскаре Акаеве. На критику в адрес своей семьи и себя он открыто не реагировал. Реагировали чиновники среднего и высшего звена. Почему? Потому что им нужно было выслужиться перед «хозяином». Они не упустили малейшей возможности. То же самое может повториться и сейчас. Те же вновь назначенные актеры и чиновники могут специально создавать неприятные, злобные отношения к СМИ, которые осмелятся внедрять в стране инакомыслие.

З.Дж. — Вопрос только, в какой степени будет проходить это противостояние?

К.М. — Раньше власти шли на такие шаги, как закрытие СМИ, отключение света в типографии, лишения радиочастоты и т.п. Мы не знаем, до какой степени это может пойти при новой системе. Сейчас я еще верю Бакиеву, потому как он не сделал определенных шагов в ту или иную сторону. Решение по разгосударствлению СМИ еще не принято. Но то, что нынешний президент, в отличие от других политиков, заявлял

об этом публично — уже хорошо. На мой взгляд, сейчас, в какой-то степени, идет саботаж этих намерений со стороны некоторых чиновников, в числе которых есть консервативные и регрессивные люди. Эти вчерашние душители свободы, занимающие высокие посты, диктуют и саботируют процессы.

З.Дж. — То есть проблема в окружении главы государства, а все предложения...

К.М. — Все предложения натыкаются на амбициозные чиновничьи интересы! Посмотрите на новую плеяду молодых политиков. Данияр Усенов и Адахан Мадумаров, которые в свое время подвергались очень жесткому прессингу государственных СМИ, сейчас сами становятся ярыми государственниками. И нам приходится противостоять уже их позициям. Я надеялся, что они будут реформаторами, а им, оказываясь, важны не демократические изменения в обществе, а собственное место в системе власти. Чтобы никакой критики не поступало в их адрес, только аплодисменты и хвала! Малейшая критика сейчас встречается в лоб — вот что опасно! А старые прожженные демократы тихо сидят и исподтишка саботируют новые инициативы.

З.Дж. — Ну, раз глава государства заявил о своих намерениях публично, будем надеяться, что так оно и будет.

К.М. — Я на это надеюсь. Конечно, все свои предложения и претензии я выскажу в публичной форме через открытое письмо Президенту. Я готов приложить все усилия и добиться, чтобы на базе НТРК было создано общественное телевидение. Без всяких компромиссов!

Беседа велла Зульфия Джумабаева

ИЛИМХАН ЛАЙПИЕВА

Связи определяющие, крепнущие (о киргизско-русских литературных взаимосвязях)

Под этой рубрикой редакция «ЛК» предполагает в течение года опубликовать серию материалов, посвященных межнациональным связям киргизской литературы, взаимоотношениям ее с литературами других братских народов нашей страны. Опыт подобного рода предпринимается в республике впервые.

Открывает разговор литературовед Илимхан Лайпиева статьей о связях литератур Киргизии и России. За годы Советской власти произведения русских писателей только отдельными книгами издавались на киргизском языке более 800 раз, их общий тираж составил миллионы

экземпляров. В свою очередь, благодаря переводам на русский язык, лучшие произведения киргизской литературы приобрели общесоюзную и мировую известность. На русском языке издано более 500 книг киргизских авторов. И эти связи плодотворно развиваются.

Русская литература сыграла исключительно благотворную роль в развитии и обогащении всех братских национальных литератур, в том числе и киргизской. Существовали различные стадии усвоения опыта более развитой литературы молодыми национальными литературами. Общая схема этого стадийного процесса: переход от форм простого механического подражания к сложным, опосредованным, глубинным взаимосвязям. Нельзя рассматривать эту проблему и вне истории политико-экономических и культурных взаимоотношений наших народов. Раскрытие механизма взаимодействия литератур помогает в выявлении закономерностей внутреннего развития современной советской литературы, общих тенденций литературного развития в XX столетии, и более того — проследить за связью художников, принадлежащих к различным эпохам, нациям, языкам — значит, расширить наше понимание того, как заполняется память мировой культуры, как передается через века и континенты «культурный код», без которого невозможно существование человечества.

На начальном этапе развития национальной литературы киргизские писатели учились у русских классиков и своих советских современников всему, вплоть до техники письма. Характерно в этом отношении признание одного из основоположников киргизской письменной литературы, Т. Сыдыкбекова. Остановившись на истории создания своего романа «Кен-Су», он писал: «Здесь автор не следовал за устным творчеством — сказкой. По мере своих сил и возможностей он изучал русскую и мировую литературу, старался поучиться у них. Конечно, это была не легкая прогулка по проторенной дороге. Вновь создаваемая наша проза должна была быть национальной по форме и социалистической по содержанию. Нелегко нам дались такие вещи, как накопление и распланировка жизненного материала, умение различать главную идею и содержание книги, приемы построения сюжета, портретов и диалогов, знание того, в каком плане почитать положительных и отрицательных героев, как показать их настроение; каким образом описать окружающий природный ландшафт — словом, ра- зобраться во всех особенностях художественного мастерства и сочетать их с национальными особенностями жизни киргизского народа» («Кызыл Кыргызстан», 12 сентября 1954 г.). Подобные высказывания мы можем найти и у других киргизских писателей старшего поколения.

Вспоминает К. Баялинов: «И в построении сюжета и в построении композиции мне вначале было очень трудно. Например, я сперва свой

рассказ начал с восстания 1916 г., но мне это не понравилось. В то время большую помощь оказало мне чтение «Рудина». Я писал начало своего рассказа так же, как и в «Рудине». Итак, в построении сюжета и в составлении кратких предложенный первым моим учителем был Тургенев». Как явствует из приведенной цитаты, К. Баялинов в начале своего творческого пути шел от заимствования у русской реалистической классики отдельных приемов. По свидетельству писателя, он стремился строить предложения по-тургеневски кратко и емко. И учеба эта была плодотворной: вместе с усвоением литературных «технологий» шла и постепенная работа по постижению глубинных пластов эстетического потенциала реалистической прозы. На первых порах результаты этой работы были видны еще очень слабо, но становились уже заметно ощутимыми, когда начала складываться система реалистических жанров новой киргизской литературы. В работе над романом о социалистическом преображении родной земли решающими для Т. Сыдыкбекова становятся уроки «Поднятой целины» М. Шолохова. В становлении национального исторического романа Т. Касымбеков использует опыт русской исторической прозы: Л. Толстого, А. Толстого, С. Бородина, Ю. Тынянова... Примеры подобного рода можно было бы и продолжить.

На современном этапе качественно изменился уровень восприятия национальными литературами русского классического наследия, оно стало восприниматься более целостно — как явление мировоззренческого и в целом культурологического характера, более глубокими и многомерными стали формы постижения классики, «включения» ее образ и традиций в современную систему национальных эстетических мышления. Изменилась и картина взаимоотношений современных национальных литератур с русской литературой наших дней. Если лет пятьдесят назад многонациональный литературный процесс формировался за счет решающего вклада в него русских советских писателей, то сегодня все национальные литературы, равноправные по своему эстетическому вкладу участницы этого процесса. Следует отметить, что сравнительно молодые литературы достигли высокого уровня за неслыханно продолжительный период. Многие советские писатели — представители младописемственных литератур — приобрели мировую известность. И все это стало возможным через непосредственное усвоение, опыта и традиций одной из самых высокоразвитых литератур мира — русской литературы с ее неисчерпаемым эстетическим и гуманистическим потенциалом.

Культурный опыт Советского Союза убеждает, что в условиях социалистического образа жизни, где ликвидирован классовый и национальный антагонизм, каждая, даже самая малая по численности, нация способна создавать духовные ценности, обогащающие общечелове-

скую культуру. Ныне творчество любого национального писателя отчетливее и яснее осознается на фоне общесоюзного литературного процесса – «любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их... Национальное оплодотворяется достижениями других братских народов» («Вопросы литературы», 1974, № 4. – С. 35).

На современном этапе литературного взаимодействия, когда мастерство и эстетический уровень киргизской литературы несравненно возросли, ее взаимоотношения с русской литературой существенно изменили свой характер. На сегодняшний день самыми заметными здесь являются два момента: во-первых, глубинное – в отличие от имевшего место в период «ученичества» подражательного, освоение классического наследия как русского, так и через русский язык и русскую литературу – всемирного, свидетельствует о высокооразвитом характере самой воспринимавшей литературы; во-вторых, она из только воспринимавшей сама в лучших своих достижениях, становится сегодня литературой, передающей свой эстетический опыт.

В известной работе Н. И. Конрада «Запад и Восток» справедливо замечено, что по мере развития наций литературные связи становятся не столько контактными, сколько типологическими. При этом необходимо очевидно, учитывать еще и другую сторону этого вопроса: по мере развития человечества «общее состояние мира» (по гегелевской терминологии) начинает влиять на все нации, их историческую судьбу и формы эстетического мышления. «Субстанциональность» переходит за пределы национальной ограниченности наиболее интенсивно в XX веке.

Проблема киргизско-русских литературных взаимосвязей – это и проблема общезстетического, методологического характера, и проблема теоретическая, и, конечно же, историческая. Изучение ее во всем комплексе – огромная, сложная работа. Поэтому в этой статье я остановлюсь лишь на одной форме взаимосвязей – традициях, взяв их преимущественно в одном аспекте – историческом. Это, как мне кажется, позволит довольно отчетливо проследить эволюцию характера взаимосвязей в зависимости от развития эстетического уровня киргизской литературы и вместе с тем показать, как в росте этого уровня участвовала и участвует русская классика.

* * *

По мере расширения киргизско-русских литературных связей углубляется рецепционное освоение классического наследия.

Все киргизские писатели, начиная с основателей литературы и до наших современников, едины в одном: наряду с национальным фольклором наибольшее влияние на них оказала русская классическая и советская литература. Каждое новое поколение учится у классики по-своему, перенимает нечто необходимое именно ему, ищет в ней ответа на вопросы, которые ставит перед ним его время. Русская классика в определенном смысле восполняет для киргизской литературы, как и для других молодых писателей киргизской литературы, вакуум собственных литературных традиций; она сама как бы становится ее национальной традицией. «Если отсутствуют собственные развитые литературные традиции, опыт других, более богатых литератур, в частности, русской литературы – приобретает особенно большое значение» – справедливо замечает Ч. Айтматов.

Художественный опыт русской классики проникает в эстетическое сознание киргизского народа постепенно, сначала через переводы, позже – непосредственно через оригиналы. Уже в 30-е годы киргизская критика говорила о влиянии на национальную литературу традиций Горького и Маяковского, несколько позднее – Пушкина и Л. Толстого. С приобщением киргизского художественного сознания к русскому для киргизской литературы наметился выход к иным горизонтам художественного мышления, появились перспективы активного художественного развития. Русская литература стала толчком, а затем «активным фоном» процесса самоосознания художественного творчества.

Еще раз сошлюсь на слова старейшего киргизского писателя К. Баялинова: «...Меня вдохновила великая русская литература. По мере знакомства с русской литературой я становился зорче, увидел то, что раньше не замечал; с любовью я перевел на родной язык «Три пальмы» Лермонтова, «Макара Чудру» М. Горького, «Евгения Онегина», «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилу» Пушкина».

Справедливо замечание И. Бехера о том, что «подлинно национальная литература может возникнуть и сформироваться лишь при плодотворной взаимосвязи с литературами других народов». В сочетании с богатейшим фольклорным наследием киргизского народа и опытом русской классики формировалась письменная национальная литература. Причем точкой отсчета в традициях стало для нее непосредственно реалистическое искусство с его достижениями в области социально-психологического детерминизма, развитой системой жанров и, конечно же, высокими гуманистическими ценностями.

Само собой разумеется, что осуществление творческого контакта с национальным процессом возможно лишь в литературе, где сложились предпосылки для восприятия внешних стимулов. И такие предпосылки в киргизском словесном искусстве уже начали складываться в

М. Элебаев первым в киргизской литературе начал работать над романной формой («Долгий путь», 1936 г.). Роман писателя сыграл исключительную роль в дальнейшем развитии реалистического письма в киргизской литературе.

Действие романа «Долгий путь» относится ко времени восстания народов Средней Азии в 1916 году. Проломляя традицию, заложенную повестью Баялинова «Аджар», М. Элебаев, по сравнению с ним, делает шаг вперед. Если К. Баялинов по способу изображения остается в основном в границах фольклорной поэтики, то М. Элебаев уже в большей степени опирается на опыт русской реалистической прозы. В сценах народного восстания, в образах отдельных персонажей романа киргизская действительность того времени предстает социально конкретной, хотя писателю еще недостает умения строить объемное сюжетное повествование.

Основные эстетические уроки М. Элебаев берет у М. Горького; главным образом в его автобиографической трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты». Важно отметить, что автобиографический роман киргизского писателя лишен подражательности и заимствований – освоение горьковского опыта шло на уровне восприятия эстетических принципов в изображении становления подлинно народного характера человека, идущего к осознанному восприятию действительности, к пониманию необходимости исторического участия в создании новой жизни на основе принципов социальной справедливости.

Как мы уже заметили, «Долгий путь» написан в нефольклорной манере и поэтому обладает большой степенью художественного воздействия конкретным фактом, детально, пережитостью чувства. Трагические события, отображенные в произведении, настолько убедительны, что не нуждаются в фольклорном укрупнении, украшательстве – они потрясают сами по себе. Писать о них следовало просто – так, как сидящий у огня человек тихим голосом рассказывает о событиях своей необыкновенной жизни, откровенно и безыскусно. Именно в автобиографическом, то есть личностном начале, выявляется в романе более высокий уровень – реалистический уровень письма, по сравнению с «Аджар» К. Баялинова.

В изложении фактов, в описании характеров роман киргизского писателя довольно точен, следуя в этом заветам автобиографической трилогии М. Горького. Но в то же время – в соответствии с той же традицией – «Долгий путь» представляет собой произведение, в котором факты жизни во много раз усилены творческой фантазией, подняты ею на высоту типического обобщения. «Я не сказал ни одного лишнего или неправдивого слова», – так определял сам М. Элебаев свою позицию ху-

предреволюционные периоды. Этому способствовало более тесное сближение с Россией, общий с ней ход исторических процессов, ведущих к обострению империалистических противоречий и социалистической революции. Уже в творчестве Токтогула, Тоголока Молдо, Барпы эпическое мировосприятие уступает место драматическим и лирическим картинам мира, усиливается критическая тенденция, укрепляются позиции реалистических жанров: сатирической песни, басни, бытового рассказа. Конечно, это – не реалистическое искусство в современном значении метода, но это – та почва, которая благоприятствовала последующим всходам – становлению и развитию реалистического искусства в киргизской письменной литературе.

И все же, по образному определению Т. Сыдыкбекова, реалистическая проза в киргизской литературе являлась в послереволюционные годы «неподнятой целиной». Сделать ее в исторически краткие сроки полем обильной жатвы можно было только при помощи интенсивного освоения русских реалистических традиций. Чингиз Айтматов выразил мысли и чувства всех писателей народов Средней Азии и Казахстана, когда сказал: «Я лично считаю, что многие национальные советские литературы происходят от самой русской литературы, от ее плоти и духа. Скажем прямо: не было бы русской литературы – не было бы современной казахской, киргизской, туркменской и многих других литератур. Для самостоятельного развития и достижения настоящего уровня... этим литературам потребовалась бы, пожалуй, не одна сотня лет».

Уже родоначальники киргизской литературы, в частности, М. Элебаев в прозе и А. Осмонов в поэзии пытались в определенной степени решить важнейшую историко-литературную задачу: осуществить синтез фольклорной и письменной интонационной классической традиции на основе реализма. Наиболее глубокие, тонкие и вдумчивые художники еще на начальном этапе понимали, что русское искусство было для молодой киргизской литературы окном в мир.

Мукай Элебаев сделал изучение русской литературы своей эстетической программной установкой, он неустанно призывал к тому же и своих собратьев по перу. Писатель раньше и лучше других понял, что, лишь восприняв опыт русской литературы, можно добиться успеха, достичь вершин реалистического письма. Зерна этого понимания были заронены в киргизскую литературу М. Элебаевым и его соратниками – истинными просветителями своего народа.

Давайте взглянем на примере этого писателя – одного из наиболее талантливых представителей литературы своего времени – на то, каким же образом шло усвоение традиций русской литературы в 30-е годы.

ложника. Она не только сродни горьковской, но прямо подсказана творческими принципами великого пролетарского писателя.

Судьба Мука в романе Элебаева, как и судьба Алеши Пешкова у Горького, раскрывается в сложном переплетении многих человеческих судеб, духовный рост героя определен его жизненными впечатлениями. Киргизский мальчик, если говорить о приемах типизации, проходит по жизни теми же путями, что и его русский сверстник. Действие автобиографической трилогии Горького развернуто в три повести, охватывающие три начальных этапа жизни человека: детство, отрочество, юность. У М. Элебаева этот период сжат до размеров одного небольшого романа, действие которого настолько динамично, что напоминает собой хроникальную запись событий.

Исследователи творчества М. Горького неоднократно отмечали новаторский характер его трилогии по сравнению с автобиографическим жанром в русской и мировой литературе. Пролетарский писатель акцентировал внимание не на золотой, безвозвратной поре безмятежного детства, а на том, как поднимается к новой жизни человек из народа.

Горьковская трилогия стала первым автобиографическим романом литературы социалистического реализма. Выбирая пути изображения действия, М. Элебаев пошел за М. Горьким. Между двумя сценами, замыкающими композицию романа в кольцо, показана жизнь киргизского народа в сложное историческое время на заре социального освобождения. Долгий путь – это не только беспроблемная жизнь, нужда, голод, страдания. Это – путь героя навстречу новой жизни, становление характера будущего строителя социалистического общества. В этом нельзя не видеть горьковского начала. Как и Горький, Элебаев рассказал о страшной безрадостной жизни, не скрывая самых темных сторон действительности, но он сумел одновременно показать живые силы народа.

Сама жизнь становится наставницей Мука. Постепенно открываются его глаза: он видит, что богатые живут за счет бедных. Постепенно, но верно поднимается герой до понимания социальных противоречий, вовлекается в водоворот серьезных исторических испытаний – национально-освободительного восстания и победы Октябрьской революции. мощная волна которой доходит до Киргизии. Горьковский принцип: «В детстве я представляю сам себя ульем, куда разные продукты, серые люди сносили, как пчелы, мед своих знаний и дум о жизни, щедро обогащая душу мою, кто чем мог». – отчетливо проступает и в романе М. Элебаева. Этот принцип дает ему возможность подвести своего героя к пониманию самой большой исторической правды – правды

большевиков. Они олицетворяют в произведении высшую справедливость, выражающуюся в защите интересов трудящихся.

В повести «Мои университеты» герой М. Горького говорит: «Я очень рано понял, что человека создает его сопротивление окружающей среде». В духе этого высказывания раскрывается характер Мука и в произведении Элебаева. Пройдя сквозь тяжкие испытания, он не утратил веры в жизнь, закалился в борьбе с лишениями. Книга киргизского писателя овеяна пафосом революционного горьковского оптимизма.

Роман М. Элебаева близок горьковской трилогии и по своим композиционным принципам, и дело здесь не только в автобиографическом «ходе» событий. В ответе на анкету «Как я пишу» Горький следующим образом раскрыл один из своих композиционных принципов: «Пользовался преимущественно, материалом автобиографическим. Но ставил себя в позицию свидетеля событий...». Позиция свидетеля определяет характер повествования и у М. Элебаева, предоставляя ему огромные возможности для показа народной жизни. Важно отметить, что воспринятый у М. Горького художественный прием так органично вошел в писательское мастерство М. Элебаева, что позволил ему во всей полноте показать картины национальной жизни, обычаи и быт киргизов, создать точно очерченные в национальном и социальном отношении характеры.

В одном из дневников М. Элебаева приведены слова Гёте: «Мы должны заимствовать и учиться как у тех, которые жили до нас, так и у тех, которые живут с нами. Даже величайший гений недалеко бы ушел, если бы захотел производить из самого себя». Благодаря углубленному и вдумчивому освоению классического наследия реалистической русской литературы и критическому осмыслению творчества своих современников, М. Элебаев, как писатель, ощутил прогрессировал в своем творчестве. Он более органично, чем многие его современники – киргизские писатели, синтезировал фольклорный опыт с опытом реалистической литературы. Писатель прошел также хорошую практику перевода. Он перевел на киргизский язык «Хаджи Мурата» Л.Н. Толстого, «Мятеж» Д.А. Фурманова – это, несомненно, благотворно сказалось и на его оригинальном творчестве.

М. Элебаев был одним из самых одаренных представителей литературы своего поколения. Тонкий, думающий писатель, чья проза приобщается к современной глубинной психологизма, богатством и изяществом стилистики, он всю свою короткую жизнь настойчиво учился, постоянно обращаясь в своих исканиях к опыту русской литературы. Он погиб в 1943 году в возрасте 38 лет, будучи в расцвете своего дарования, по зову сердца защищая Родину от фашизма.

гучим эпическим дыханием, суровой и обнаженной правдой, с беспощадным, многогранным, «текущим» психологическим анализом.

«Битва» включила в себя разные истоки: личный опыт, опыт русских советских писателей, предшественников и современников, но главным образом Абдукаимов учился у великого Толстого.

Психологический анализ помогал Толстому изобразить изменчивость, подвижность, пластичность человеческой души. Художественное изображение всегда создает представление о внутреннем мире человека, но именно психологический анализ раскрывает внутренний мир как нечто имеющее самостоятельную ценность в человеке, как полноправный предмет эстетического изучения. Вспомним лермонтовские слова, сказанные в предисловии к «Журналу Печорина»: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...». Поставим рядом с этими словами следующую запись Л.Н. Толстого в дневнике: «Очень живо представил себе внутреннюю жизнь каждого отдельного человека. Как описать, что такое каждое отдельное «я»? А, кажется, можно. Потом подумал, что в этом собственно и состоит весь интерес, все значение искусства поэзии».

В этих словах выдающегося советского писателя верно подмечен и основной принцип художественного творчества У. Абдукаимова.

Наиболее ярким примером современного этапа в развитии киргизской литературы, роста ее мастерства и профессионального уровня является творчество Чингиза Айтматова – писателя, который синтезировал в своем творчестве наиболее глубоко, ярко и органично опыт мировой и русской литературы, национальные художественные традиции.

Философско-эстетические искания Ч. Айтматова развиваются в том же направлении, в каком они идут и в современной русской прозе у Л. Леонова, В. Распутина, В. Астафьева. Происходит благоприятное взаимообогащение литератур. Учась у классики, современные писатели учатся и друг у друга. Само восприятие интонационного опыта осуществляется теперь уже не через заимствования, подражание и другие простейшие формы литературного воздействия, но путем творческого переосмысления идейно-эстетических завоеваний другой литературы. И поэтому трудно представить себе «буранный полустанок» без «Последнего срока» и «Прощания с Матёрой», а «Царь-рыбу» без «Белого парохода».

Подлинно национальная основа творчества большого писателя проявляется и в отсутствии в нем национальной ограниченности, ибо разум подлинного художника должен быть открыт всему лучшему, что может дать его народу духовный опыт человечества. Именно этим характеризуется устремленность лучших писателей нашей эпохи к худо-

Итак, основоположники киргизской письменной литературы уже в довоенные годы со всей очевидностью осознали важность усвоения классического опыта. Идущие за ними писатели уже не мыслили своего творчества без обращения к богатому наследию русской литературы. Весьма показательно в этом отношении творчество Узакбая Абдукаимова. Тонкий психологизм его творчества, глубокая реалистичность письма – это во многом производные того, как художник использовал опыт классики, и прежде всего Л.Н. Толстого.

У. Абдукаимов был одним из тех писателей, для которых национальная литература не мыслилась вне контекста других литератур. Выработать в себе подобную широту подхода помогла Абдукаимову и его переводческая деятельность. Он переводил на киргизский произведения Байрона, Пушкина, других западноевропейских и русских классиков. Прекрасно знал русский язык, литературу, был широкообразованным человеком.

Некоторое время У. Абдукаимов работал редактором московского издательства литератур народов СССР. В этот период своей жизни киргизский писатель познакомился с А.В. Луначарским. Вместе со своим другом Зиятом Бектеновым он ходил на лекции Луначарского о путях развития мировой культуры и литературы. Там и произошла встреча. Надо ли говорить, каким импульсом для творчества молодого писателя было одобрение его скромных начинаний выдающимся критиком, образованнейшим человеком своего времени. З. Бектенов в своих воспоминаниях рассказывает, что А. В. Луначарский ласково называл Абдукаимова «Узачок», выделяя его и верил в то, что из него непременно выйдет со временем истинный писатель, советовал продолжать писать, совершенствовать свой талант.

Роман У. Абдукаимова «Битва» (ч. 1 – 1961, ч. 2 – 1966), посвященный Великой Отечественной войне, – замечательный пример того, как традиции русской классической литературы органично включаются в художественный опыт молодых национальных литераторов.

Проблема осмысления толстовских традиций в изображении войны настоятельно встает в те годы перед всей советской литературой. В русской прозе опыт Толстого активно осваивают К. Симонов, работающий над первыми частями «Живых и мертвых», Ю. Бондиарев, А. Ананьев. Над ними так же, как и над Абдукаимовым, довлеет их собственный фронтный опыт участников и очевидцев. Переплавить его в романную форму оказывается делом непростым. Уже существовали произведения М. Шолохова, Л. Леонова, А. Твардовского, А. Фадеева, Э. Казакевича, В. Пановой, написанные о войне. Но литература только еще подходила к роману. И здесь поистине бесценным оказался опыт Толстого, с его мо-

жественному осмыслению самых сложных ее вопросов, в решении которых национальные интересы народов неразрывно связаны с их интересами.

«Во всяком искусстве существует преемственность. Когда видишь большого мастера, то находишь всегда, что он умел воспользоваться достоинствами своих предшественников и именно благодаря этому сделался великим», – говорил Гете.

Абсолютно очевидным является то, что опыт русской классической литературы явился основополагающим для формирования творческой индивидуальности Ч. Айтматова. Вот что он сам пишет по этому поводу:

«Учить людей человечности – не эта ли сложнейшая и глубочайшая задача литературы, и прежде всего русской, привлекла и продолжает привлекать к ней нашу неизбывную любовь?»

Эпиграфом ко всей дореволюционной русской литературе я поставил бы пронзительные, до боли сердечной шепчущие слова Александра Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». С этих пор русская литература, смею думать, превратилась в дело гражданского подвига и, все более осознавая себя общественным поприщем борьбы за человека, взяла на себя роль поистине героическую. «Одна – но пламенная страсть» – неутолимая жажда свободы – стала ее пафосом, залогом, в конечном счете, ее непреходящей современности, ибо высокий, подчас беспощадный реализм русской литературы явился, прежде всего, воплощением ее идейной зрелости, в частности, сокровенной идеи дружбы и братства народов.

Мы едины в Пушкине, в Толстом, в Достоевском, в Горьком».

Русская классика неизменно высоко несла знамя идейности и художественности, в центре ее внимания всегда были гуманизм и духовность, жизненная правда. В ней были созданы великие творения, питающие литературу до сих пор. Она, наконец, четко напоминает, что духовный опыт человечества един, что он непрерывен, и этим напоминает нам укрепляет духовный оптимизм человечества.

По мысли Ч. Айтматова, русская литература сумела создать недостижимые эстетические «эталоны» постижения действительности:

«Каким был до и стал после Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского мир и человек в мире?»

Сколько поистине гигантских шагов в своем художественном развитии сделало человечество благодаря им!

Я не думаю, что классикам было легче пробиваться к душе человека. Это никогда не бывает «легче».

Другое дело, что любое произведение, написанное нынешним автором, неизбежно прочитывается на фоне Пушкина.

Кстати, этот «фон» остро чувствовали такие гении русской литературы, как Толстой, Достоевский, Блок. Недаром первый из них назвал Пушкина «отцом».

Мне кажется, всякий современный писатель, берясь за какую-либо самую архисовременную тему, не может не задаваться вопросом: а как об этом написал бы Толстой?».

Мне бы хотелось остановиться лишь на одном аспекте влияния русской классической литературы на художественное мышление Ч. Айтматова: на традициях Ф. М. Достоевского в его творчестве.

Общезвестно, что творчество Достоевского стало одним из важнейших истоков романа XX столетия.

Для Айтматова в творчестве Достоевского самым главным является то, что он исследовал «недра душ людских». И именно этим сказал новое слово в эстетической культуре целой эпохи. «Благодаря творчеству Достоевского художественная мысль последующих поколений, – отмечает киргизский писатель, – сосредоточилась на глубинном рассмотрении человеческой личности, ее психологии, ее внутренних побуждений в непосредственной связи с действительностью».

Достоевский сделал роман XIX века «идеологическим романом», глубоко изменив в нем облик художественной действительности. Художественный мир у него строится по оси «настоящее – будущее» в центре вопроса: куда пойдет действительность? Решающее место занимает явление связей между тем, что существует, и тем, что возможно между имеющим место и потенциальным, рвущимся наружу.

Художественный мир Айтматова также устремлен в будущее, на него ориентируется. Писателя интересует не только сегодняшнее, мимолетное, его интересует день завтрашний, будущее человечества: каким ему быть – раздираемым противоречиями, страхом, ненавистью или же единым, целостным, гармоничным. Он полон тревоги за дальнейшие судьбы мира. Умение сопрягать и соотносить все явления бытия и истории, прошлого, настоящего и будущего в полной мере присуще современному киргизскому художнику.

Художественные обобщения в романе «Буранный полустанок» говорят о глобальном, планетарном мышлении писателя, поднимаящего свой голос в защиту как отдельно взятого человека, так и всего человечества. Айтматов по возможности поставленных в своем творчестве вопросов – безусловно, значительнейшая фигура в современном литературном процессе, и здесь он близок Достоевскому, поднимав-

при всей их разности все убедительны именно в силу своего соприкосновения с реальным.

Фантастическое укрупняет какие-то из сторон реального и, задав «правила игры», показывает их философски обобщенно, до предела стараясь раскрыть потенциал развития выбранных ею черт.

Фантастическое – это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения».

Сегодня опыт литературы убедительно доказывает, что художественная условность в реалистическом искусстве не является отступлением от законов метода, но часто, наоборот, помогает лучше осознать правду жизни. Поэтому Достоевский и считал, что он более реалист, чем многие из тех, кто считают себя реалистами, но не умеют подняться над фактом, увидеть явление изнутри.

Айтматов почувствовал назревшую необходимость вписать «локализованного» человека в «космическую систему» сегодняшнего мироздания. Но вписал его не по законам популярного «широкоохватного» романа, не через описательные панорамы, а по законам метафорической ассоциативности, присущей мифологизированному и фантастическому повествованию. Без фантастического слоя роман не был бы столь многозначным, не было бы того художественно состоявшегося сопряжения частного с общим, вплоть до Космоса, с одновременным выявлением космически масштабного в самом человеке.

В очередной раз обращаясь к урокам великих русских писателей, Ч. Айтматов замечает:

«...Достоевский говорил, что искусство существует затем, чтобы «при полном реализме найти в человеке человека...» Звучит очень актуально. Открыть человека в человеке – это и впрямь главное условие и содержание реализма. Эта цель никогда не будет снята и никогда не будет исчерпан реализм, поскольку неисчерпаем сам человек, пробужденный к подвигу, к творчеству изменяющийся мир и изменяющийся вместе с ним.

Я говорю о реализме толстовского толка, реализме, способном слиться воедино в художественном образе изображаемого мира человека, общества, истории, будущего. Такой реализм – великая река человеческого познания и поэзии, которая несет нас в космический океан, в поражающее воображение «незнаемое», в глубины человеческой души – бесконечной, как бесконечна вселенная».

Персонажи Айтматова являются одновременно могучими эпическими народными характерами, которые «выдерживают», неся в себе, как сульбу, трагические коллизии эпохи. Для писателя каждый человек неповторим, самоценен во всех своих проявлениях. Он дорожит личностью, осознавая, что она одна вмещает целый мир. И главное для него,

шему в творчестве сложнейшие, вечные «проклятые» вопросы человеческого бытия.

Для Достоевского настоящее являлось условием задачи, подлежащей решению. Куда движется и к чему придет настоящее, куда двинется и к чему придет человек – вот главный вопрос Достоевского. Но и для Айтматова это вопрос вопросов. Пронизанность личности и жизни идеями – это их обращенность в будущее, ибо идея, по Достоевскому, неотделима от пути и цели, она связывает «злбодневнейшее» с конечным.

Айтматов, как мне кажется, скорее писатель идей, чем характеров. Личности без идеи для него не существуют. Человек только тогда живет, когда его душа оплодотворена идеей, смыслом. Как в случае с Буранным Едигеем – самой сутью которого является воплощение идеи народа, несущего и хранящего в себе мудрость прошлого и веру в будущее. И в этом смысле Айтматов – писатель остросоциальный и, как Достоевский, писатель идеологический. Он также удивительно точно улавливает значение самых общих, глобальных идей, понимая под этим не какую-то надлинную систему, а составную часть личности – то, что делает человека человеком в истинном смысле слова.

Достоевский называл свой реализм «фантастическим», что явилось своеобразной реакцией на одностороннее понимание реализма, в котором многие видели лишь механическое жизнеподобие, воспроизведение жизни в формах самой жизни. Русский писатель, осуждавший крайности «утилитарного» реализма, хорошо осознавал опасность поверхностного понимания метода как статичной, фактографической данности без генеральных обобщений, подмены его плоским эмпиризмом.

Мимо реалистического метода Достоевского не прошли крупнейшие писатели XX века. Однако сам великий художник немало способствовал путанице в истолковании своих художественных принципов. Он заявлял о том, что он не психолог, а реалист в высшем смысле слова, что его реализм – фантастический, и в то же время более всего ценил в литературе загадку «тайны человека». Слово «фантастический» является у Достоевского ключевым и употребляется в разных значениях применительно к людям, идеям, жанрам, литературе.

Ч. Айтматов в предисловии к роману «Буранный полустанок» пишет:

«Что касается значения фантастического вымысла, то еще Достоевский писал: «Фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что все должны почти верить ему». Достоевский точно сформулировал закон фантастического. Действительно, мифология ли древних, фантастический реализм Гоголя, Булгакова или Маркеса, научная ли фантастика –

как и для Достоевского, добиться, чтобы стремления, обретения и утра- ты каждого отдельного человека стали близки и понятны всем. В данной связи безынтесным представляется высказывание писателя, сделанное им во время диалога с немецким критиком Х. Плавусом: «Мне ка- жется, я непредвзято воспринимаю чужую манеру. Но есть и непримен- ное условие моего контакта с другим, «несхожим» художником: при всем различии у меня с ним должна быть важная точка соприкосновения – общее стремление использовать слово для защиты человеческой лич- ности. Когда есть эта точка соприкосновения, во всем остальном может быть различие, и все равно этот писатель не будет чужим для меня...»

Каждый новый этап в социальном и культурном развитии нации порождает новый синтез собственных традиций и общезначимого эсте- тического опыта, воплощающийся в творческой индивидуальности крупного мастера. Таким новым этапом в развитии киргизского народа стало творчество Ч. Айтматова. Огромную роль в становлении этой крупной художественной индивидуальности сыграла русская литерату- ра, которая, будучи вместилищем общемирового эстетического опыта, способствовала развитию национальных литератур на путях реализма и народности. Являясь литературой, во многом определяющей пути миро- вого художественного процесса, она помогла национальным писателям достигать самых передовых рубежей искусства.

«Роль русской литературы, как катализатора художественного про- цесса, как главного фактора взаимовлияния и взаимодействия литератур в этом смысле неопенима и первостепенна. Именно так, и именно в этих условиях прошла свое становление и достигла известных высот одна из пятидесяти восьми вновь возникших советских национальных литератур – наша киргизская советская литература. Факт подобного рода феномена- лен в мировой художественной культуре и оказался возможным только в условиях советского общества», – утверждает Ч. Айтматов.

Киргизская литература наших дней – литература, обретшая свои собственные традиции, истоки которых в значительной степени – в рус- ской литературе. Молодое поколение киргизских писателей уже вполне может опираться на национальный литературный опыт – творчество М. Элебаева, У. Абдукаимова и, конечно же, Ч. Айтматова. Но сущест- вует, наверное, какое-то непреходящее обаяние русской литературы, классической и современной, заставляющее нынешнее поколение на- циональных писателей снова припадать разумом и сердцем к этому ве- ликому, неиссякаемому источнику.

Примечания

Шукурбек БЕЙШЕНАЛИЕВ (25.10.1928)

Шукурбек Бейшеналиев – прозаик, драматург, переводчик.

В 1950 г. вышла в свет повесть «Настоящая дружба». Перу писа- теля принадлежат романы «Путь к счастью» (1962), «Стальное перо» (1981), «Время славы» (1973).

Достоинством детей зарубежных стран стали произведения «Кы- чан», «Белый верблюжонок», «Рогатый ягненок», «Ласточка», «Сын Сарбая» и др. Им переведены на киргизский язык рассказы Л.Н. Толсто- го, М. Шолохова, К. Федина, пьесы А.П. Чехова, Г. Ибсена и др. Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР (1974).

Член СП СССР (1951). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 147–152.).

Неоценимое духовное богатство. Статья.

Статья печатается по: *Бейшеналиев Ш.* Неоценимое духовное бо- гатство // Рус. яз. и лит. в кирг. шк. – 1982. – № 6.

Нести нагрузку своего времени. Интервью. Беседа вел В. Алек- сандров.

Печатается по: *Нести нагрузку своего времени* // Детская литера- тура. – 1978. – № 7.

Леонид Борисович ДЯДЮЧЕНКО (16.02.1934 – 26.08.2005)

Леонид Борисович Дядюченко – прозаик, поэт, журналист, кино- драматург, переводчик, писатель-документалист.

С 1957 г. выступает на страницах газет и журналов республики с подборками стихотворений, с очерковыми материалами. Жизнь Леонида Борисовича стала грандиозным тянь-шаньским путешествием: инженер-геолог Института геологии, спецкор «Советской Киргизии» по Ошской области, литсотрудник «Литературного Киргизстана», редактор «Кир- гизфильма».

Является автором 17 книг, изданных в Москве и Бишкеке, в числе которых «Проводник из Чарвака», «Без нужды в Зардало», «В пещерах Киргизии», «Киргизский мотив», «Фамильное серебро», «Серебряный глобус», «Жемчужина в стене казармы». Повесть «Скарабей» в 1974 г. была отмечена всесоюзной литературной премией им. Н. Островского.

По литературным сценариям Л. Дядюченко на киностудии «Киргизфильм» сняты полнометражные художественные и документальные фильмы «Волопад» (1974), «Зеница ока» (1976), «Первый» (1974), «Кочешой-Таш» (1980), десятки короткометражных документальных, научно-популярных фильмов и киноочерков.

Им переведены на русский язык произведения А. Токомбаева, Т. Уметалиева, Т. Кожомбердиева, М. Абылкасымовой, С. Акматбековой и др. Член СП СССР с 1966г., член СЖ СССР с 1971., член СК СССР с 1975г. (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 251–257.).

Свидание с Хан-Тенгри. Очерк.

Печатается по: *Дядюченко Л.* Свидание с Хан-Тенгри // Избрания. Альманах. Ветер странствий, №7.

Мар БАЙДЖИЕВ (р. 23.03.1935)

Мар Байджиев – прозаик, драматург, писатель-билингв, публицист. С 1956 выступил как критик и переводчик с киргизского на русский. Перу М. Байджиева принадлежит ряд повестей, киноповестей, рассказов, сценариев. За рубежом известен как драматург: «Возмужание» (1964), «Дуэль» (1966), «Мы – мужчины» (1969), «Праздник в каждом доме» (1972), «Жених и невеста» (1978), «Древняя сказка» (1976) и др.

Им осуществлен перевод на киргизский язык романа Д. Фурманова «Чапаев», а с киргизского на русский – произведения К. Жантошева, Тоголока Молдо, Д. Сулайманова, Т. Байджиева и др.

Член СП СССР (1966). Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР (1981). Народный писатель Кыргызстана. (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 128–130.).

В битве за истину. Очерк.

Печатается по: *Байджиев М.* В битве за истину. – Б., 2001.

Друг мой верный – русский язык. Статья.

Печатается по: *Байджиев М.* Друг мой верный – русский язык // Лит. Кыргызстан. – 2004. – №1.

Тропой человека. Диалог по поводу новой книги. Интервью печатается по: *Байджиев М., Мельник В.* Тропой человека // Лит. Киргизстан. – 1986. – №7.

Омор СУЛТАНОВ (р. 6.11.1935)

Омор Султанов – поэт, прозаик, переводчик.

Печатается с 1957. Первый поэтический сборник «Горные дни» издан в 1961. В 1967 выпущен сборник повестей и очерков «Белая дорога, синее небо». Им написано несколько сценариев к полнометражным художественным и документальным фильмам, снятым на киностудии

«Киргизфильм». Произведения писателя переведены и изданы на русском языке, отдельные произведения опубликованы на казахском, английском, испанском и др. языках. Им переведены на киргизский язык и изданы стихотворения П. Неруды, поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». О. Султанов – соавтор около двадцати переводных коллективных сборников.

Член СП СССР (1964). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 486–487.).

Влажные облака. Путевой очерк. Перевод В. Вакуленко.

В местах прежней ссылки. Путевой очерк. В. Вакуленко.

Путевые очерки печатаются по: *Султанов О.* Дорога к океану. – Ф., 1979.

Александр Васильевич ЖИРКОВ (р. 1935)

Прозаик, литературовед, критик.

Автор книг «Поэзия жизни», «Ветер с Ала-Белая», «Крылатая молодость», «У костра, зажженного Горьким», «Время, герой, литература» и др.

Член СП СССР (1975). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 261–262.).

Последний Рубикон. Документальное повествование о гибели М.В. Фрунзе.

Печатается по: *Жирков А.* Последний Рубикон // Лит. Киргизстан. – 1989. – №4.

Вычеслав Иванович ШАПОВАЛОВ (р. 28. 10. 1947)

Поэт, переводчик, литературовед.

Печатается с 1964. Первый поэтический сборник «Купол неба» издан в 1976. Автор поэтических книг «Кочевье», «Восходят травы», «Прощание с журавлем», монографии «Киргизская стихотворная культура и проблемы перевода», многих статей в периодической печати по проблемам стихотворной культуры и художественного перевода. Как литературовед занимается исследованиями в области взаимовлияния киргизской и русской литератур. Им осуществлен перевод на русский язык произведений киргизских поэтов А. Токомбаева, Т. Уметалиева, С. Эралиева, А. Токтомушева, А. Осмонова и др.

Член СП СССР (1984). Доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии КР им. К. Тыныстанова, заслуженный деятель культуры КР. (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 601.)

Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции. Статья

Шановалов Вяч. Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции // Касым Тыныстанов и отечественная культурная история XX века. – Б., 2001.

Владимир КОЗЛИНСКИЙ (р. 1950)

Известный публицист. Окончил Кыргызский Государственный университет. С 1976 г. работал в различных периодических изданиях: газетах «Комсомолец Киргизии», «Вечерний Бишкек» и др. Печатался в коллективных сборниках, в том числе в сб. «Люди долга и отваги». – М., 1983.

Лауреат премии Союза журналистов Киргизии 1985. С 2000 г. проживает в Израиле.

На куполе планеты. Очерк

Козлинский В. На куполе планеты // Мой солнечный Киргизстан. – Ф., 1984.

Александр ЗЕЛИЧЕНКО (р. 1957)

Полковник милиции, ученый, специалист по антинаркотизму, член Союза журналистов Кыргызстана. Им написаны рассказы, статьи, эссе, посвященные проблемам противодействия криминалу, наркотизму, терроризму.

Печатается на кыргызском, русском, английском языках. Соавтор детективного сборника «Золотая лагуна» (Фрунзе, 1985). Автор книг: «Наркоэкспансия» (Бишкек, 1997), «Аналитический обзор наркоситуации в зоне действия международного антинаркотического проекта ООН «Ошский узел»» (Бишкек, 1999), «Косовский дневник» (Бишкек, 2003), монография: «История афганской наркоэкспансии 1990-х» (Бишкек, 2003) и др.

Алые маки Иссык-Куля. Статья.

Кубан МАМБЕТАЛИЕВ

Кубан Мамбеталиев – руководитель общественной организации «Журналисты» в Кыргызстане. Общественное объединение «Журналисты» учреждено в 1998 году с целью защиты профессиональной деятельности журналистов, лоббирования законопроектов о СМИ, отстаивания принципов свободы слова и печати Добровольное объединение физических лиц, работающих в печатных и электронных СМИ республики.

Количество членов – 170 чел. 28 ноября 1999 года принято в состав ИФЖ, Международной Федерации Журналистов (штаб-квартира в Брюсселе). В 1999 году проведено республиканскую конференцию на тему «Законодательная база СМИ и свобода слова в Кыргызстане». В 2000 году проведено мониторинг электронных СМИ Кыргызстана в период парламентских и президентских выборов. В 2001 году совместно с Фондом Карнеги про-

вело Международную Конференцию на тему «Ислам в общественно-политической жизни Центральной Азии». В 2002 году начало проекта «Мониторинг конфликтов и нарушений прав журналистов и СМИ Кыргызстана». В 2002 году в партнерстве с IFJ начало пилотный проект по созданию профсоюза журналистов.

«Русский вопрос» в Киргизии. Статья.

Печатается по: Мамбеталиев К. «Русский вопрос» в Киргизии // Независимая газета. – 2002. – 4 февраля. http://www.ig.ru/sodny_kirgizia.html/b

Необходимо извинить журналистику от обязанности «служанки администрации». Интервью. Беседа вела Зульфия Джумабаева.

Интервью печатается по: Мамбеталиев К. Необходимо извинить журналистику от обязанностей «служанки администрации» // Информационное агентство Фергана.ру.

Илимхан Джумакановна ЛАЙЛИЕВА

Литературовед. Автор кн. «Интернациональный фактор и психологизм современной киргизской прозы» (1983), романа «Звезда ночного эфира» (2005) и литературоведческих статей по киргизской литературе.

Связи определяющие, крепнущие. Литературоведческая статья (о киргизско-русских литературных взаимосвязях).

Печатается по: Лайлиева И. Связи определяющие, крепнущие // Лит. Киргизстан. – 1986. – №1.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шукурбек Бейшеналиев</i>	
Неоценимое духовное богатство	3
Нести нагрузку своего времени	5
<i>Леонид Дядюченко</i>	
Свидание с Хан-Тенгри	11
<i>Мар Байдышев</i>	
В битве за истину	18
Друг мой верный – русский язык.....	34
Тропой человека.....	41
<i>Омор Султанов</i>	
Влажные облака.....	53
В местах прежней ссылки.....	56
<i>Александр Жирков</i>	
Последний Рубикон.....	60
<i>Вячеслав Шаповалов</i>	
Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции.....	81
<i>Владимир Козлинский</i>	
На куполе планеты.....	89
<i>Александр Зеличенко</i>	
Алые маки Иссык-Куля.....	98
<i>Кубан Мамбеталиев</i>	
«Русский вопрос» в Киргизии	102
Необходимо забыть журналистику от обязанностей «служанки администрации»	105
<i>Илхам Лайлева</i>	
Связи определяющие, крепнущие	109
Примечания	125

Составители и авторы примечаний
А.С. Кацев, И.А. Шалева

ВРЕМЯ, ОТЧЕКАНЕННОЕ В СЛОВЕ
Публицистика Кыргызстана
Хрестоматия для школьников и студентов
Часть II

Редактор *Т.П. Вязьмина*
Художник *Е. Воронина*
Компьютерная верстка *Г.Н. Кирта*

Подписано в печать 30.06.08. Формат 60 × 84^{1/16}
Печать офсетная. Объем 8,25 п.л.
Тираж 50. Заказ 130

Издательство Кыргызско-Российского
Славянского университета
720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048 г. Бишкек, ул. Горького, 2